

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

ISSN (print) 2737-3606
ISSN (online) 2737-3614

Декабрь 2022, Выпуск №3

РИТУАЛ

КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ФОРМА

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогой читатель!

Третий выпуск журнала «Культура и религия» посвящен такой теме, как ритуал. Несмотря на то, что мы живем в XXI веке, вся наша жизнь пропитана ритуалами – от социальных до религиозных. Как известно, ритуалы, традиции и разного рода обряды никогда не появлялись на пустом месте и во все времена имели очень глубокий смысл.

Поскольку, с течением времени, от большинства ритуалов остались лишь осколки

символизма, мы решили в рамках данного выпуска разобраться в том, какой смысл должны нести в себе ритуалы. Возможно, они должны ограничивать человека либо, наоборот, побуждать к каким-то действиям? Дабы подойти к исследованию этого вопроса научно и фундаментально, мы обратились к современным ученым, социологам, психологам, специалистам по новым религиозным движениям. С результатами наших изысканий вы можете ознакомиться на страницах нашего журнала.

С ув. Марина Гльюша

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ: КАК САКРАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ И РИТУАЛЫ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В МИРСКИЕ <i>Dr. Джером Крейз</i>	6
ЧТО ЕВРЕЮ ОТ ЕГО БОГОИЗБРАННОСТИ? ЖЕРТВЕННОСТЬ <i>Ph.D Мальцев Олег</i>	20
ПСИХОЛОГИЯ РИТУАЛА <i>Ph.D Александр Сагайдак</i>	32
РИТУАЛ КАК ПРЕДМЕТ РЕЛИГИОЗНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ <i>Айлин (Эйлин) Вартан Баркер</i>	38
РИТУАЛ В СТРУКТУРЕ РЕЛІГІЇ: ЗМІНА РОЛІ ТА ЗНАЧЕНЬ <i>Людмила Филипович / Валентина Бодак</i>	44
РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР — МИР РАЗЛИЧИЙ И ВАРИАЦИЙ <i>Ph.D Массимо Пинтровинье</i>	54
ЧТО ЕВРЕЮ ОТ ЕГО БОГОИЗБРАННОСТИ? ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ <i>Ph.D Мальцев Олег</i>	60
СКВОЗЬ ТУСКЛОЕ СТЕКЛО: УТОПИЧЕСКИЕ ЧАРЫ И УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ <i>Эльвира Грозингер</i>	72
РИТУАЛЬНАЯ ДРАМА И РИТОРИЧЕСКИЕ КОНТРАКТЫ <i>Ph.D Брендон Спарс</i>	86
ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГ КАК ФЛАНЁР <i>Питер Дж. М. Нас</i>	94
ТАИНСТВА КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ <i>Станислав Евгеньевич Ширококордюк</i>	114
ЧТО ЕВРЕЮ ОТ ЕГО БОГОИЗБРАННОСТИ? ЕДИНСТВО <i>Ph.D Мальцев Олег</i>	124

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ:

КАК САКРАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ И РИТУАЛЫ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В МИРСКИЕ

СВЯЩЕННОЕ И МИРСКОЕ

Это дополненное иллюстрациями эссе я посвятил обсуждению и примерам того, как во многих странах мира священные религиозные ритуалы и другие менее формальные практики превращаются в мирские.

В эссе также будут затронуты некоторые классические и более современные идеи о религиозной жизни и культурах в **«современном» и «постмодернистском» обществе**. Хотя большинство социологов, как и я, в начале своего высшего образования тщательно изучали четкое дихотомическое

DR. ДЖЕРОМ КРЕЙЗ

Заслуженный профессор социологии, профессор Школы гуманитарных и социальных наук Murray Korffelman. Президент Европейской академии наук Украины, эксперт в области социологии и джентрификации (этнических групп и итало-американской политики, в особенности, в Бруклине и округах Бруклина, культуры, класса, городской жизни, городской культуры, этнической и расовой принадлежности в Нью-Йорке)

различие между «священным и мирским» в классической работе **Эмиля Дюркгейма** под названием «*Элементарные формы религиозной жизни: исследование религиозной социологии*» (1915 г.), отличие, которое он усматривал, почти стерлось во все более изменчивых современных мирах, в которых мы живем. Дюркгейм считал, что религия представляет собой единую систему верований и священных практик, которых избегали и которые были запрещены. В этой онтологической дихотомии религия существует только тогда, когда священное отличается от мирского.

Священное, конечно, идеализируется и рассматривается как превосходящее повседневную жизнь. Таким образом, оно является экстраординарным. Что касается авторитетности, **Макс Вебер** мог бы сказать: «*оно очаровательно или харизматично, опираясь на преданность исключительной святости, героизма ради раскрытого или предначертанного порядка...*» (1978: 215). Однако Вебер понимал, что очарование харизмой может притупляться рутинной. В этом же ключе Вебер размышлял о влиянии правовой рационализации бюрократизма на то, что Бауман назвал бы нашей растущей «текущей» современной жизнью (Bauman 2005). Согласно Веберу, «*судьба нашего времени характеризуется рационализацией и интеллектуализацией и, прежде всего, «расколдовыванием мира»*» (Weber 1946: 155, см. также Зиммель 1995).

С другой стороны, **мирское — это мир рутинного повседневного опыта**. Их реальное или даже виртуальное соприкосновение друг с другом заканчивается фатально, и священность сакрального разрушается (оскверняется). В этом визуальном эссе

я надеюсь показать, как священное может быть осквернено и все же выжить в социальном мире благодаря его товариществу и тематике. В мою защиту, возможно, Э.Э. Эванс-Причард более прагматично, чем **Дюркгейм и Вебер**, предположил: «*Конечно, то, что (Дюркгейм) называет «священным» и «мирским», находится на одном и том же уровне восприятия, они настолько тесно переплетены, что неотделимы друг от друга. Следовательно, они не могут быть помещены в замкнутые области ни для индивидуальной, ни для общественной деятельности, отрицая друг друга*» (1969: 65).

Есть много причин утраты в современном обществе этого четкого различия между сакральным и мирским. К счастью, изложение этой темы выходит далеко за рамки кругозора автора и цели этого визуального эссе. Позвольте мне мимоходом отметить некоторых людей, кто мог бы значительно помочь нашему пониманию этой темы, таких как **Анри Лефевр** (1991), **Ги Дебор** (1967) и **Мишель де Серто**, предложивший нам «спектакль» (1984), а также **Жан Бодрийяр** с его понятием *симулякров* (1983, см. также Fox Graham 2005 и Maltsev 2021). Хотя я и не являюсь поклонником Мишеля Фуко, поскольку в современных социологических вариациях на подобные темы стало «*de rigueur*» (требуемым этикетом) делать хотя бы мимолетные ссылки на его гениальность, я отмечу, что в его размышлениях об утопиях и гетеротопиях достаточно места как для священных, так и для мирских пространств (Фуко, 1967 г.). Их теоретические представления о хрупких «реальностях» современного общества могут помочь нам понять, как еврейский религиозный ритуал кошерного забоя животных для употребле-

ния в пищу (один из аспектов кашрута) может быть использован в рекламных объявлениях **«Herew National»**: *«Правительственные постановления гласят, что мы можем делать наши национальные еврейские хот-доги из замороженной говядины. Мы не можем. Правительство утверждает, что мы можем использовать химические красители. Мы не можем. Они говорят, можно добавлять мясные субпродукты. Мы не можем. Говорят, можно добавлять немясные наполнители. Мы не можем. Мы кошерны и должны отчитываться перед более высокой инстанцией»*.

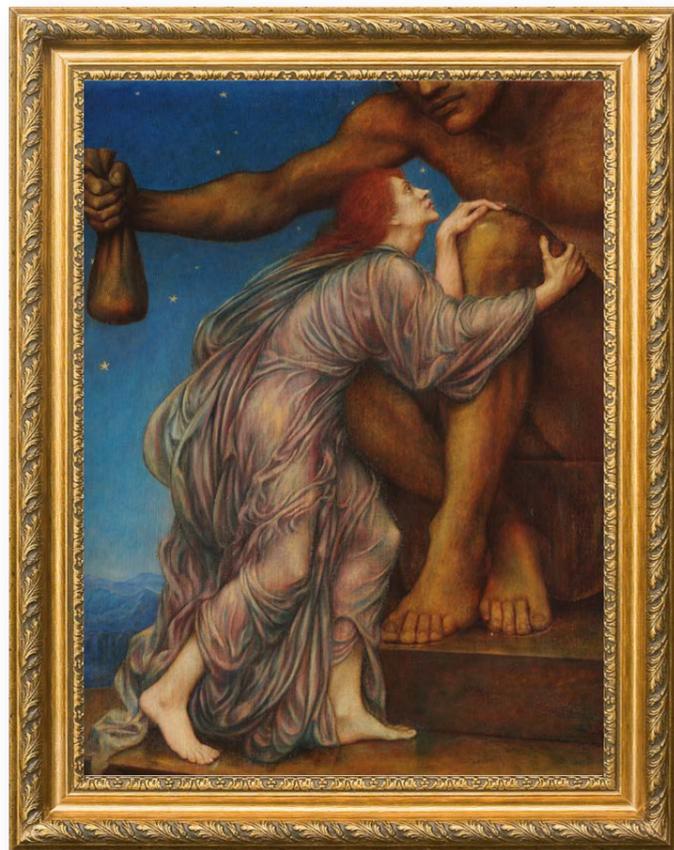
Этот процесс трансформации помогут понять две простые концепции. Первая — это **«товаризация»**, посредством которой что-то (включая поведение), не имеющее меновой стоимости, может быть превращено во что-то, что можно купить и продать. Вторая — это **«тематика»**, которая представляет собой замену всеобъемлющей темы, идеи или мотива объекта, или пространства с целью брендинга и продажи его для потребления (См. Sorkin 1992, Ritzer 1998, Lukas 2007). Примером такой трансформации в американских культурных войнах (Stack 2019, Hamid 2022) является противоречивое псевдорелигиозное утверждение, в основном со стороны правых политических сил, что левые политические силы «забирают Христа у Рождества». Исторически эта профанация священного рождения осуществлялась за счет чрезмерной коммерциализации одного из центральных религиозных праздников в христианстве. Для наиболее религиозных приверженцев христианства Рождество превратилось в языческий (Mammon) ритуал денежного обмена подарками.

Другими примерами осквернения священного являются довольно распространенные метаморфозы религиозных праздников и практик в объекты туристического потребления. И хотя соблюдающие эти религиозные ритуалы могут не обращать внимания на их трансформацию, тем не менее это происходит. **Джон Урри** описал распространенную нагляд-

ную позицию во время экскурсий как *«взгляд туриста»*, которая проистекает из ожиданий, которые туристы уже имеют в поисках «настоящих» впечатлений (Урри, 1990 г.). Урри и другие, такие как **Ян Рат** (2007 г.), в своей работе выражают обеспокоенность негативным воздействием туризма на местное население. Например, что касается туризма в анклав иммигрантов, такие как европейские китайские кварталы, Рат согласился с тем, что местные жители могут *«...утратить свою автономию и стать любопытными, экзотическими или иными "объектами"»*. Поэтому он призвал к новаторским подходам, чтобы лучше понять процесс, с помощью которого *«выразительность культуры иммигрантов может быть преобразована в средства социально-экономического развития в интересах как иммигрантов, так и города в целом»* (Rath 2007: i).

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ И РИТУАЛЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПАРКИ

Позвольте мне начать с Маленьких Италий по всему миру, которые я изучал на протя-

жении полувека. Как и все реальные и воображаемые этнические кварталы, Маленькая Италия является продуктом и источником как социального, так и культурного капитала. Хотя обычные люди, живущие в них, в конечном счете находятся во власти далеких сил, по своей наивности они продолжают создавать и видоизменять отведенные им локальные пространства. Несмотря на их усилия и, в то же время, благодаря их усилиям, они становятся частью городского ландшафта. Городские жители и пространства, в которых они обитают, становятся символами. По иронии судьбы, они начинают представлять самих себя и тем самым теряют свою автономию, поскольку анклав становится символом своих воображаемых жителей и представляет их независимо от их проживания в нем. Местные репродукции культурных пространств могут также легко превращаться в товар. Я писал о развитии итало-американских и других «этнических тематических парков» следующее:

«Несмотря на вытеснение большинства американцев итальянского происхождения в самую известную из Маленьких Италий, они остались зрелищем для туристов. В большинстве из них есть музеи ассимиляции и антропологические сады. «Музеи ассимиляции — это места для сохранения и демонстрации неодушевленных предметов, тогда как антропологические сады (человеческие зоопарки) — это места, где дикие предметы представляются живыми. В музеях ассимиляции мы находим экспонаты памятных вещей, архивы и галереи, управляемые группами «Сохранение НАШЕГО этнического наследия» («Preservation of OUR Ethnic Heritage»), вездесущие памятники Христофору Колумбу, дома знаменитостей, таких как мэр Фиорелло Ла Гуардиа, и более печально известных, таких как Аль Капоне. Антропологические сады обычно пересекаются улицами Неаполя и проспектами Колумба. Там можно наблюдать «Местных итальянцев» на мемориальных площадках для игры в бочке, в центрах для пожилых людей

и социальных клубах. Видеожурналисты используют эти места для съемки интервью об организованной преступности. Оставшиеся хранители традиции могут рассказать вам, как это было в «старые добрые времена» в старых кварталах»

(Krase, 1997, стр. 194–195. См. также Krase 2004, 2012, 2019, 2021).

Фестиваль Сан-Дженнаро на знаменитой Малберри-стрит Маленькой Италии в Нью-Йорке, вероятно, является лучшим примером как итало-американских этнических тематических парков, так и того, как оскверняется священное. Вот как написал Арья Сундарам о возвращении мероприятия после пандемии COVID-19:

«В субботу сотни зрителей собрались возле Малберри-стрит в Маленькой Италии, чтобы посмотреть на парад с красными, белыми и зелеными транспарантами и флажками, «Кадиллаки» с итальянскими флагами и послушать оркестры, исполняющие итальянскую музыку на 96-м ежегодном празднике Сан-Дженнаро. По словам нескольких давних торговцев, фестиваль, основанный в 1926 году и названный в честь итальянского святого покровителя Неаполя, изменился и вышел далеко за пределы того, что несколько десятилетий назад было просто небольшой вечеринкой

по соседству. Любимые игры, такие как рулетка и лазание по смазанным маслом столбам, исчезли из-за законов об азартных играх и страховке. В продуктовых лавках продаются тако, чай боба и кукурузный хлеб, а также основные продукты итало-американского происхождения, такие как колбасные спирали и канноли. Также по мере того, как набирает обороты джентрификация, Маленькая Италия значительно уменьшается. В то время как критики беспокоятся, что фестиваль утратил свои «аутентичные», или «традиционные» итальянские корни, несколько торговцев утверждают, что приветствуют это изменение. «Если мы не изменимся, мы не выживем», — сказал Дэнни Фратта, продавец зепполе, жареных шариков из теста, покрытых сахарной пудрой. — «Нам необходимы новшества, чтобы привлечь новых людей, потому что мы хотим, чтобы праздник продолжался» (Сундарам 2022).

Фестиваль стартовал в Маленькой Италии в 1926 году в соответствии с традициями неаполитанцев, поселившихся на Малбери-стрит в конце XIX века. Святой Дженнаро, итальянский епископ Беневенто, умер мученической смертью в 305 году нашей эры во время гонений, возглавленных римским императором Диоклетианом. О его заключении:

«Он претерпел пытки, не поколебавшись в своем решении остаться верным Христу. Его бросили сломя голову в печь, но, по милости Божией, он остался невредимым. В ярости палачи обезглавили его. Его тело и отрубленную голову, из которой все еще сочилась кровь, подобрал старик и благоговейно обернул их тканью. Пожилая неаполитанка собрала кровь губкой и наполнила драгоценной жидкостью пузырек. Тело святого Дженнаро хранится в Неаполе, где его почитают как главного покровителя города. Неаполитанцы молятся ему о защите от пожаров, землетрясений, эпидемий, засухи и извержения Везувия. В любой чрезвычайной ситуации святой Дженнаро является их могущественным защитником и универсальным помощником. Его кровь, обычно застывшая, разжижается дважды в год, в первое воскресенье мая, в праздник перенесения его мощей, и 19 сентября, в годовщину его мученической кончины».

За этническими тематическими парками Маленькой Италии следуют многочисленные туристические китайские кварталы, которые я наблюдал на разных стадиях превращения в товар по всему миру. В каждом из этих мест имитируется древняя священная практика китайского Нового года (Праздник Весны) перед большими толпами, состоящими из местных жителей и гостей, как на фестивале Сан-Дженнаро. Считается, что китайский Новый год восходит к династии Шан в XIV веке до нашей эры. При императоре У Ханьском (Wu of Han; 140–87 гг. до н.э.) традиция проведения ритуалов в первый день года по китайскому лунному календарю зародилась как повод отпраздновать сбор урожая, почтить домашних и небесных божеств, а также предков и попросить хорошие урожаи в будущем.

«При подготовке к Лунному Новому Году дома тщательно убираются, чтобы избавиться от злых духов, которые могли собраться в течение уходящего года. Уборка делается также для того, чтобы освободить пространство для положительной энергии и удачи. Некоторые

◀ Рисунок 1.
Посещение Сан-Дженнаро, Нью-Йорк, 2022 г., Джерри Крас.

▼ Рисунок 2.
Позирование со статуей Сан-Дженнаро, Нью-Йорк, 2022 г., Джерри Крас.

домохозяйки проводят ритуалы подношения еды и бумажных икон предкам. Бумага и транспаранты с каллиграфическими надписями о добром здравии и удаче вывешиваются перед домами и внутри них. Старейшины раздают детям конверты с деньгами. Обычно едят блюда, приготовленные из клейкого риса, поскольку эти продукты символизируют единение. Другие продукты символизируют процветание, изобилие и удачу».

Танец Льва — популярная особенность праздника. В китайской культуре лев символизирует силу, мудрость и превосходство. Танец Льва исполняется на многих китайских фестивалях или крупных мероприятиях, чтобы принести удачу и отогнать злых духов. Ярмарка Рамадан (Рамазан по-турецки) в Стамбуле не столь коммерциализирована, как праздники Сан-Дженнаро или китайский в Нью-Йорке, тем не менее имеет множество подобных элементов коммер-

циализации в виде магазинов и изобилия праздничных закусок, после окончания поста, на закате. Рамадан – девятый месяц мусульманского календаря и священный месяц поста, который начинается и заканчивается с появлением полумесяца.

«Исламская традиция гласит, что именно во время Рамадана, в «Ночь могущества» (Ляйлят аль-Кадр), отмечаемой в одну из последних 10 ночей Рамадана, обычно в 27-ю ночь, Бог ниспослал Пророку Мухаммеду Коран, священную книгу ислама, «как руководство для людей». Для мусульман Рамадан – это период самоанализа, совместной молитвы (ṣalāt) в мечети и чтения Корана. Бог прощает прошлые грехи тем, кто соблюдает священный месяц постом, молитвой и праведным намерением».

Обязательство поститься между рассветом и закатом во время Рамадана можно в более широком смысле рассматривать как обязанность воздерживаться от еды, питья и всех форм аморального поведения. После заката Рамаданская ярмарка в Стамбуле предлагает множество способов развлечься как для отдельных лиц, так и для семей.

Для многих евреев и некоторых неевреев Холокост (Шоа) имеет ужасные ассоциации с осквернением святости «Избранного народа». В последние десятилетия еврейское гетто Казимеша в Кракове, Польша, превратилось в своего рода этнический тематический парк. Например, во время одного из моих визитов в этот район я наткнулся на рекламу «Списка Шиндлера». «Список Шиндлера» – это название отмеченного наградами фильма, в котором:

«Бизнесмен Оскар Шиндлер (Лиам Нисон) прибывает в Краков в 1939 году, готовый разбогатеть на только что начавшейся Второй мировой войне. Вступив в нацистскую партию, в первую очередь из политических убеждений, он укомплектовывает свою фабрику еврейскими рабочими по тем же прагматическим причинам. Когда СС начинает истреблять евреев в Краковском гетто, Шин-

▲ Рисунок 3.
Толпа, празднующая китайский Новый год, Бруклин, Нью-Йорк, 2018 г., автор Джерри Крас.

длер принимает меры для защиты своих рабочих, чтобы его фабрика продолжала работать, но вскоре понимает, что таким образом он также спасает невинные жизни».

Ниже приведены несколько наглядных примеров такого преобразования.

Менее святотатственный пример осквернения еврейских религиозных традиций – праздник Суккот, окончание которого знаменует собой начало отдельных праздников Шмини Ацерет и Симхат Тора.

▲ Рисунок 4.
Танец Льва во время китайского Нового года, Бруклин, Нью-Йорк, 2018 г., автор Джерри Крас.

▲ Рисунок 5.
Магазины на Рамаданской ярмарке, Стамбул, Турция, 2016 г., автор Джерри Крас.

▲ Рисунок 6.
Вечер на Рамаданской ярмарке, Стамбул, Турция, 2016 г., Джерри Крас.

▲ Рисунок 7.

Рестораны и книжный магазин, Казимеж, Краков, Польша, 2018 г., Джерри Крис.

Суккот известен как «Фестиваль Скинии» и «Праздник шалашей» и является одним из трех центральных праздников паломничества в иудаизме, наряду с Песахом и Шавуотом. Традиционно строится сукка, которая представляет собой временную хижину, в которой можно жить во время праздника. Однако большинство не живут в них буквально, а участвуют в некоторых обычных и ритуальных действиях, таких как ежедневное встряхивание лулава (ветвей пальмы) и этрога (цитрусовых плодов) на протяжении всего фестиваля.

Во время поездки в Амман (Иордания), чтобы увидеться со своей дочерью Кэтрин, которая находилась там в качестве стипендиата Фулбрайта, я посетил несколько туристических религиозных мест. Религиозный туризм, такой как «Туры по Святой Земле»,

▲ Рисунок 8.

Автостоянка, Казимеж, Краков, Польша, 2018 г., автор Джерри Крис* Обратите внимание, что это был пункт сбора евреев, которых отправляли в Освенцим.

◀ Рисунок 9.

Балконы для сукки, Вильямсбург, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2016 г., Джерри Крис.

является основной отраслью на Ближнем Востоке. К этой же категории также можно отнести паломничество в Рамадан в Мекку, Алию в Израиль и посещение спорных мест, где крестился Иисус. Мой первый религиозный туристический визит был в мечеть короля Абдаллы.

«Мечеть короля Абдаллы, являющаяся образцом современной исламской архитектуры, увековечивает память короля Абдуллы I, основателя династии, которая правит Иорданией по сей день,

▲ **Рисунок 10.**
Депо Сукка, Боро-Парк, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2022 г., автор Джерри Крас.

и первого короля Иордании. Огромный голубой купол, напоминающий пещеру, диаметром 35 м, увенчанный восьмиугольным молельным залом, украшенным кораническими надписями, под которым одновременно могут молиться 3000 мусульман, затеняет пространство, которое может вместить более 10000 молящихся. Есть также небольшая женская секция на 500 прихожан и гораздо меньшая королевская ограда, а небольшой музей рассказывает о жизни короля. Это единственная мечеть в Аммане, которая открыто принимает посетителей-немусульман. Таким образом, мечеть короля Абдаллы обязательна к посещению

для всех, кто интересуется иорданской королевской семьей или современной исламской архитектурой».

За вход в мечеть взимается небольшая плата, а посетители женского пола должны украсить себя бесплатной абайей. Все посетители входят через большой сувенирный магазин. Что касается осквернения священного пространства, я наткнулся на такое предупреждение на TripAdvisor:

Отзыв о Мечети короля Абдаллы

«Будьте осторожны в сувенирном магазине. Сама мечеть была интересной. Но в сувенирном магазине в мечети короля Абдаллы, через который вы должны войти, вас могут обмануть. Мы наивно купили здесь подарки, не зная цен в других местах. Продавцы очень приятные, вежливые, предлагают кофе,

но по нашему опыту, цены на товары завышены. Мы купили керамику и маски из грязи Мертвого моря, а потом узнали, что даже после торга в сувенирном магазине цена была в 4 раза выше, чем, например, в магазинах возле мечети Хусейни. Будьте осторожны!»

Отзыв написан: 28 октября 2019 г.
Дата посещения: октябрь 2019 г.

Моя вторая поездка по местам религиозного туризма была в древний город Мадаба, неоднократно упоминаемый в Библии. Этот город наиболее известен своими потрясающими мозаиками. Там я посетил Церковь Св. Георгия, чтобы увидеть византийскую мозаичную карту Иордано-Палестинского региона VI века. Более интересным был Храм Усекновения главы Иоанна Крестителя, под которым находился 3000-летний акрополь Мадабы.

▲ **Рисунок 11.**
Моя дочь Кристина Крас и я в Абае, в мечети короля Абдаллы, Амман, Иордания, 2019 г., автор Джерри Крас.

«Затеряйтесь в церкви святого Иоанна Крестителя»

Здесь, под церковью, вы пройдете по узкому лабиринту тщательно отреставрированных, вымощенных камнем троп, которые ведут через древнюю цитадель. Мы неоднократно упоминаем долгую историю Мадабы в этой статье, однако, возможно, именно здесь, окутанную множеством визуальных подсказок (включая все еще функционирующий колодец, восходящий к эпохе Маобитов), вы можете оценить ее во всей красе. После того, как вы исследовали, что находится внизу, пришло время

подняться вверх, на вершину тесной колокольни, откуда открывается лучший вид на Мадабу. Подъем требует небольшого маневрирования вокруг колокольчиков и веревок, а также достаточно закругленных лестниц, — лучше не пытаться делать это людям с ограниченной подвижностью или боязнью высоты, — но это стоит затраченных усилий».

Возможно, самым простым механизмом осквернения священного в Нью-Йорке, как и в других туристических городах, является добавление ритуала или практики в различные списки этнических праздников. Таким образом, религиозный ритуал становится достопримечательностью в календаре событий, таких как NYC.go.com, Timeout.com, NYC.gov и cityguideny.com. Самым последним дополнением стал индуистский фестиваль Дивали, который также стал праздником государственной школы Нью-Йорка. По сообщению Аяны

Арчи, мэр Эрик Адамс сказал, что празднование — это некая возможность обучать студентов.

«Нам давно пора сказать нашим индуистским, сикхским, джайнским и буддистским студентам и сообществам, что мы видим вас, мы признаем вас», — сказал Адамс. — «Инклюзивность этого города чрезвычайно важна, и это наша возможность громко заявить об этом».

Дивали — самый известный праздник в Индии, который отмечают более миллиарда индуистов по всему миру.

«Предыстория праздника отличается в зависимости от религии и страны, поскольку другие секты, такие как буддизм, сикхизм и джайнизм, приняли свои собственные версии праздника».

Во всех версиях праздник представляет собой победу света над тьмой, добра над злом и знания над невежеством (Арчи, 2022 г.). Учитывая очевидную политическую ценность публично отмечаемых этнических и религиозных мероприятий для избранных должностных лиц, индуистские жители Нью-Йорка теперь могут рассчитывать на то, что они присоединятся к своим священным обязанностям вместе с политиками, баллотирующимися на посты.

ВЫВОД

Надеюсь, в этом кратком иллюстрированном эссе мне удалось представить разумные аргументы о том, как сакральные религиозные обычаи и ритуалы могут превратиться

◀ Рисунок 12.

Моя дочь Кристин в туннеле под Храмом Усекновения главы Иоанна Крестителя, Мадаба, Иордания, 2019 г., автор Джерри Крас.

▲ Рисунок 13.

Рисунок 13. Алтарь Дня Мертвых, Парк Слоуп, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2021 г., Джерри Крас.

в мирские, и как они не только выживают, но и процветают в своей новой итерации. Наконец, я хотел бы показать фотографию религиозной практики, которая пока еще не осквернена. Это алтарь Дня Мертвых (Dia de Los Muertos) в Бруклине, Нью-Йорк.

«Празднование Дня Мёртвых основано на вере в то, что в эти дни души усопших могут вернуться в этот мир. Алтари Дня Мертвых — наиболее заметная часть празднования, потому что они показывают душам (анимам) путь к их дому, заставляя их чувствовать себя желанными и незабытыми».

ЧТО ЕВРЕЮ ОТ ЕГО БОГОИЗБРАННОСТИ? ЖЕРТВЕННОСТЬ

Евреи всегда верили, что Бог приходит в жизнь человека на Земле и в частности приходит в избранных им людей. В выборе некоторых людей Святой Дух может отдохнуть и отдыхал в необычной степени, и существует верование, что этот связывающий дух иногда настолько же количествен, как и качествен.

(Эдвард Робертсон, примечание к книге Рабби Джулиоса Ньюмана «Смиха (рукопо-

ложение). Изучение ее происхождения, истории и назначения в Раввинской литературе»)

История еврейского народа, его традиции и культура насчитывают тысячи лет. Недаром, небеспричинно испокон веков продолжает своё существование образ восприятия евреев как мудрых,

PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

знающих людей; старательного и трудолюбивого, изобретательного и смелого народа – народа «книги» (Торы), подарившего миру Эйнштейна, Сонди, Мендельсона, Нострадамуса, Фрейда, Спинозу, Кафку, Гейне, Ротко, Пруста, Бора, Пастернака, Ландау, Стругацких, Левитана и миллионы других выдающихся деятелей науки, искусства и культуры, выдающихся богословов и общественных деятелей. Множество исторических событий на протяжении не одного десятка столетий, завоеваний и войн, смен власти и передела территорий также оказали немалое влияние на историю еврейского народа, на воспитание и его мировосприятие, мировоззрение и жизненный подход.

«Быть евреем» – весьма ёмкое и многогранное понятие, заключающее в основе своей фундаментальные принципы и основы того, что значит жить правильной жизнью. Недостаточно просто родиться в еврейской семье; евреем ещё предстоит стать, а потому система воспитания личности выступает ключевой в этом вопросе. При этом нередко проводится параллель между евреями и особенным, богоизбранным народом, как их называют. Так о себе говорят и сами евреи. Но что означает «быть богоизбранным»? Именно в истинности и сути, заложенной в данном понятии, нам и предстоит объективно разобраться в данной и последующих статьях.

Для начала осмыслим сам термин «богоизбранность». С точки зрения еврейской науки, этот термин не является изначальным, хотя возник достаточно давно, еще во II периоде деградации. Справки ради отметим, что историю человечества можно

разделить (классифицировать) на 5 периодов деградации, причём непосредственно пусковой к процессу деградации выступил целый свод причинно-следственных факторов, как-то: исчезновение методики воспитания и института наставничества, раскол веры на религии и пр., чему существует, в частности, ряд документальных подтверждений. В книге «Шримад Бхагават» содержится описание этого периода – одного из тех поворотных моментов истории, что делит картину мира на «до» и «после». Также ранее, ещё в 30–40-х гг. XX столетия, аспект деградации аксиологически осмысливали выдающиеся академики **А. С. Яковлев**, занимавшийся исследованиями в области прикладной истории,

Алексей Самуилович Яковлев

Григорий Семенович Попов

а также академик **Г. С. Попов** в рамках его исследований прототипологии и ключевого навыка эпохи. Немаловажен принцип: **глобально деградация определяется тем, в каком периоде живет превалирующая масса людей.** Например, если 80% людей на Земле находятся в V периоде деградации, следовательно, в мире преобладает V период деградации. При этом оставшиеся 20% людей могут жить в состоянии других периодов деградации или в I периоде без деградации.

Изначально на Земле царил I период без деградации, в котором люди жили в состоянии богоподобия – Бога живущего и творящего на Земле. Уровень их подготовки и способностей был запредельным, о чем свидетельствуют сохранившиеся исторические документы и трактаты в старейших библиотеках Европы, а также величественные сооружения, оставленные нам в наследие предками, причём технологии строительства храмовых и архитектурных сооружений до настоящего времени остаются загадкой. Например, высеченные в скалах масштабные архитектурные комплексы; построенные на отвесных скалах огромные замки и храмы; даже один исторический регион Венеции и сама Венеция, возведённая на воде более 1000 лет назад.

До II периода такого явления как богоизбранность не существовало, люди жили

в состоянии без деградации, они жили Постаментом. Постамент – это с одной стороны, определенная доктрина правильной жизни, с другой – мировоззрение, с третьей – самый эффективный жизненный подход, определяющий комплексное отношение к ситуациям, к людям, к себе, к поступкам, к Богу, к определенным явлениям, к институтам и к перспективе:

- **к Богу.** В данном ключе так или иначе каждый может задать вопрос: «Зачем человеку отношения с Богом?» Постамент даёт ответ: «Желает того человек или нет, но у него уже существуют отношения с Богом. Другой вопрос – эффективны ли эти отношения?» Если ответ «Нет», стоит задуматься об этом как об одной из причин неприятностей в жизни.
- **к людям.** Постамент формирует отношение к людям, он не приемлет отношение к группе, толпе или организации. Отношение формируется к каждому конкретному человеку.
- **к себе.** Насколько вы имеете чувство собственного достоинства для того, чтобы принять правду? (Такова ось вращения диалога с самим собой).
- **к ситуациям.** Как человек поведёт себя в ситуации? Постамент знает только одно определение: достойно или недостойно.

- **к поступкам.** Постамент не обсуждает и не осуждает чужих поступков, фокус внимания – исключительно на собственных поступках в ключе самосовершенствования.
- **к определенным явлениям.** Правда превыше всего, целесообразно лишь объективное отношение к явлениям.
- **к институтам** (например, институт семьи). Догматика Постаumenta позволяет осмысливать и безошибочно принимать решения относительно сути и способа взаимодействия с различными социальными институтами (как их использовать, для чего они существуют и пр.).
- **к перспективе.** У Постаumenta не существует перспективы. И дело не в отрицании будущего. Напротив, дело в том, что принципиально в перспективах нуждается только тот человек, который длительное время чего-то ждет от своей жизни. Человек, который постоянно достигает результатов и не пребывает в ожидании перспектив, – сам создает то, что объективно требуется каждую минуту жизни.

Ранее, исторически такой шаг как принятие человеком догматики Постаumenta свидетельствовал о зрелости его личности, а не избранности. Иными словами, **форма зрелости была изначально важнее формы избранности.** Безусловно, все люди разные: одному человеку, чтобы осмыслить необходимость жить правильно, требовалось не столь немного времени; другой и за всю жизнь мог не понять, к чему стремиться и какой дорогой идти – всё в силу индивидуальных свойств личности. Тем не менее, при должной системе воспитания зрелость наступала непременно. Обычно мужчина становился зрелым к 45 годам, а вот о женщинах порой бытовало мнение, что у них зрелость вообще могла не наступить. Впрочем, данное мнение ошибочно, поскольку женщин характеризует такое качество как стабильность. Женщина могла быть менее умной, чем мужчина, но при этом превосходить мужчину по работоспособности, акку-

ратности и последовательности. Поэтому нецелесообразно однозначно заявлять, что только мужчине свойственно приходиться в определенный период времени к состоянию зрелости, а женщине – нет. Женщина также способна достичь формы зрелости, возможно не так быстро, в силу её личных качеств, однако не по причине того, что она родилась женщиной.

Термин **«богоизбранность»** впоследствии был введён еврейскими мудрецами для ускорения понимания необходимости жить правильно и ускорения наступления зрелости у человека. Эвристически опишем это так: если душа человека аналогизируется еврейской наукой как плод, то плод созревает быстрее, когда для этого есть соответствующие условия.

Как бы ни искажалась наука и мировая история, евреи – это потомки предыдущей, предшествующей цивилизации. Еврей – это не фамилия или принадлежность к национальности по матери или отцу, как многие полагают. Еврей – имя собственное, определяющее некий образ жизни; некую веру и определенный акт отношения с Богом. **Евреями люди не рождаются, евреями – становятся, достигая определенного уровня зрелости.**

Сегодня, в силу многократного искажения подлинной истории, мы можем наблюдать достаточно странных и порой даже комичных по своей модели поведения людей, которые считают себя евреями. Их можно было бы даже охарактеризовать как «людей с другой планеты» (нередко складывается именно такое впечатление). На самом деле, евреи никогда не выглядели, подобно комикам или отчуждённым от социума личностям. Поскольку на рубеже XIX–XX веков в Российской империи проживало $\frac{3}{4}$ евреев, выберем данную среду в качестве исследовательского периметра, дабы убедиться, что вид еврея, который стереотипно представляют сегодня, порой даже карикатурно, совершенно не соответствует в действительности тому, как выглядели евреи.

Итак, то, что мы наблюдаем в наши дни, есть последствия ком-

«К СОЖАЛЕНИЮ, В МИРЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ТАКОГО ЯВЛЕНИЯ, КОТОРОЕ ЧЕЛОВЕК НЕ СУМЕЛ БЫ ДОВЕСТИ ДО ПОЛНОГО АБСУРДА».

АКАДЕМИК Г. С. ПОПОВ

плексного многовекового искажения фактических данных. Более того, если раз за разом изменять исходные данные, в результате возникает абсурд. Недаром академик **Г. С. Попов** пояснял: «К сожалению, в мире не существует такого явления, которое человек не сумел бы довести до полного абсурда».

Данный принцип образно описан в следующей притче:

Однажды в монастыре молодой монах, только-только принявший постриг, получил своё первое задание: переписать несколько церковных молитв, псалмов и законов... Занимаясь делом, он обратил внимание на то, что другие священнослужители переписывают подобные тексты не с оригинала, а с предыдущих (уже не раз переписанных) копий. Он с удивлением поделился своим сомнением с настоятелем монастыря:

– Падре, братья переписывают тексты не с оригинала, а с копий, а вдруг в первой копии кто-то случайно допустил ошибку? Ведь те, кто переписывают, повторяют её...
– Хм, сын мой, – ответил отец-настоятель, – вообще-то мы так делали столетиями... Но, в принципе, в твоих рассуждениях логика есть, – и с этими словами он спустился в архив, находящийся в подполье под монастырём, где издревле хранились оригиналы, в которые никто не заглядывал десятилетиями, поскольку всё переписывалось с копий.
Ушёл и... исчез...

Через сутки со времени его исчезновения обеспокоенный молодой монах спустился в архивные помещения, чтобы узнать, куда же запропастился святой отец. Не случилось ли с ним чего? Не

сразу он нашёл его... Но заглянув в одну из самых дальних комнат, он вдруг увидел святого отца. Тот в прострации сидел перед открытым фолиантом и что-то бормотал себе под нос.

– Что произошло, святой отец? – воскликнул изумлённый монах, – Что случилось?!
– Celebrate, – простонал отец-настоятель, – слово было: с-e-l-e-b-r-a-t-e!
А не celibate!

Примечания:

- Celebrate – празднуй, радуйся;
- Celibate – воздерживайся.

Мораль: всегда работайте с первоисточником.

Безусловно, некорректно было бы заявить, что все евреи – все 100% – довели себя до абсурда. Существует и другой пример – евреи, которые ни до какого абсурда себя довести не позволили, потому, в частности, они и выглядят, и живут как обычные люди. Тем не менее, известны и примеры среди евреев, которые не просто довели себя и свой образ жизни до абсурда, но ещё и перешагнули некий рубеж, вследствие чего абсурд стал неким «особенным знаком качества», свидетельствующим о некоей фактической близости к психологическим и психиатрическим отклонениям.

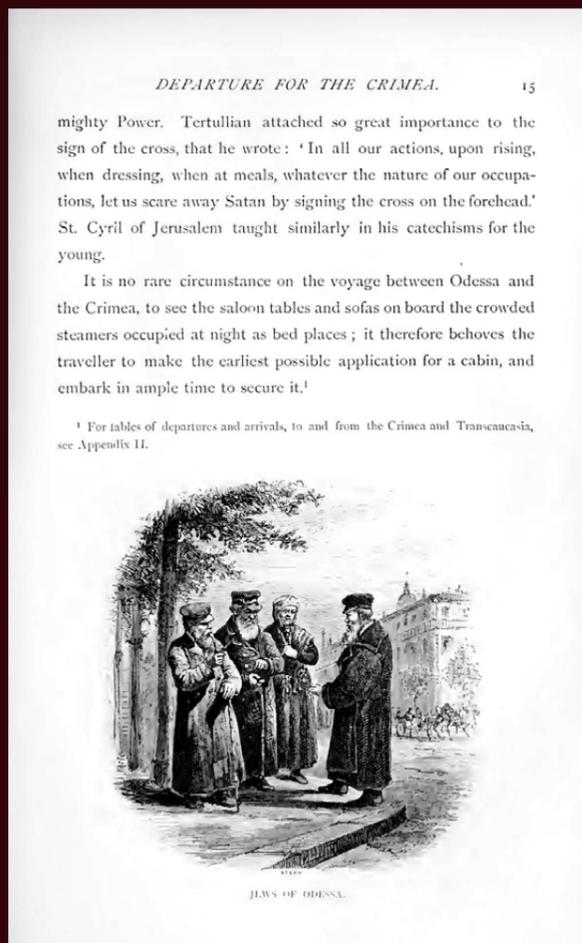
В основе стремительного развития и масштабирования абсорбирования кроется нетривиальная причина: **исчезновение прямой линии передачи знаний**. Отметим, что у евреев существует такое понятие, как «лик Бога». Причём, это не иконы, не какие-либо картины или изображения, а, можно сказать, непосредственно осмысляемые «божественные явления».

▲ Члены первого общего собрания (1-й генеральной ассамблеи) в городе Одессе в Российской империи «Общества поддержки детей Палестины, земледельцев и ремесленников Сирии и Святой Земли», 01 мая 1890 года.

▲ Еврейские писатели в Одессе в 1910 году. Справа налево: Хаим Нахман Бялик, Мордехай Бен Ами, Шолом Алейхем, книготорговец Менделеев Мохер.

▶ Евреи Одессы. Из книги «Крым и Закавказье: повествование о путешествии по Кубани, Гурии, Грузии, Армении, Осетии, Имеретии, Сванетии и Мингрелии, а также по Таврическому хребту», 1876 год. Автор: британский командор Джон Бьюкен Телфер

DEPARTURE FOR THE CRIMEA. 15
mighty Power. Tertullian attached so great importance to the sign of the cross, that he wrote: 'In all our actions, upon rising, when dressing, when at meals, whatever the nature of our occupations, let us scare away Satan by signing the cross on the forehead.' St. Cyril of Jerusalem taught similarly in his catechisms for the young.

It is no rare circumstance on the voyage between Odessa and the Crimea, to see the saloon tables and sofas on board the crowded steamers occupied at night as bed places; it therefore behoves the traveller to make the earliest possible application for a cabin, and embark in ample time to secure it.¹

¹ For tables of departures and arrivals, to and from the Crimea and Transcaucasia, see Appendix II.

JUDS OF ODESSA.

В прежние времена еврейские мудрецы по-разному писали о том, сколько всего существует ликов Бога, поскольку каждому человеку одни лики доступны, а другие – нет (опять-таки в силу его восприятия). Поэтому сперва человеку требуется подняться на весьма высокий уровень восприятия, усовершенствовать себя и способы миропонимания, чтобы стать способным увидеть лики проявления Бога и божественного в мире. Бог человеку являет лики свои посредством определенных ситуаций, декораций и разного рода обстоятельств в его жизни. Такого способа восприятия не существует ни в одной религиозной конфессии в силу того, что еврейская наука религией не является. Это некая духовная среда, которая формирует мировоззрение и позволяет понять, как жить правильно и эффективно.

Главным ликом Бога для еврея является Ребе (Учитель, Наставник). Бог дал евреям Тору и Тайну. **Тора – это источник знания, а Тайна – это Ребе (Учитель, Наставник).** Именно Учитель создаёт условия и обращает внимание на Тору, раскрывая Тайну знаний, в ней заключённых; учит, как следует поступать в той или иной ситуации, объясняет, почему именно так (в Торе даны все ответы), в частности, несложно усвоить (из примеров в Торе), что произойдёт, если поступить иначе. Еврей именно через Ребе связан с Тайной. Если у человека Ребе (Наставника) нет, то и связи с Тайной никакой нет. И человек живет лишь в одной плоскости – в плоскости Торы, и Тайну ему никогда не познать, так как у него нет к ней доступа. Тайна передается только из уст в уста, от Ребе к ученику – что и является прямой линией передачи знаний.

В параллели с прямой линией передачи знаний появилась также коллегиальная форма: представим, как собираются несколько раввинов и обсуждают вопросы воспитания, вопросы назначения того или

иного человека раввином. То есть сегодня евреи пытаются коллегиально решать, кто похож на раввина, а кто не похож, что является полным абсурдом, противоречащим еврейской традиции. Еврейская традиция всегда базировалась на прямой линии передачи, а жизнь и горнило жизненных ситуаций впоследствии расставляла всё на свои места, убирая любые искажения.

Форма богоизбранности создавалась искусственно еврейскими мудрецами как инструмент для наступления зрелости. Чтобы создать такого рода инструмент, необходимо было охарактеризовать качества еврея, то есть определить направление воспитания зрелости и соединить все в единую методологическую платформу.

Мой Наставник Виктор Павлович Светлов всегда мне говорил: «Еврей – это жертва, единство и индивидуальность», что формирует собой треугольник Постамент II периода. И только тот человек, в котором сочетаются эти три качества, может считаться евреем – избранным Богом.

Самым сложным категориальным элементом треугольника «жертва, единство, индивидуальность» выступает понятие «жертва», в силу того, что в наше время оно трактуется стереотипно и неточно, нередко с отрицательным коннотатом. Начало **жертвенности** заключается в твёрдости

убеждений личности и стремлении к правде. Поскольку преобладающее большинство на деле ни к какой правде не стремятся и нередко открыто ненавидят людей, которые эту правду ищут, человек, стремящийся к правде, становится неким изгоем в обществе. Выбрав такой путь, человек не может отойти от правды ни в какой форме, ни при каких обстоятельствах – даже перед угрозой тюремного заключения. Именно в этом заложена **основа жертвенности.**

Еврейская культура оказала самое мощное влияние на русскую криминальную традицию, более того, именно она стала фундаментом и основой. Обратите внимание, что до определённого момента времени, практически все воры в законе были евреями. И этот факт свидетельствует о том, что несмотря на ограничения ряда социальных институтов и неких норм, оставались люди, которые не просто стремились к правде, но и не желали отступить ни на шаг, оставаясь твердыми в своих убеждениях. Даже отбывая срок тюремного заключения (порой и пожизненного), такие люди всё равно оставались верны своим убеждениям. Исходя из этого, можно заключить, что евреи и создали российский underground.

Те же евреи, что остались на свободе, сознательно «перекроили» свою систему восприятия, сделали необходимые выводы и продолжили жить в неблагоприятных условиях. Данное явление прекрасно показано в сцене фильма «Статский советник», когда Эсфирь Литвинова стреляет

в руководителя филеров (далее приводится дословная цитата из фильма):

Бурляев: Да ты кто такая? Имя говори!
Госпожа Литвинова: Эсфирь Авиславовна Литвинова.

Бурляев: Всех в предворилровку!
Эраст Петрович Фандорин: Увозить никого не позволю! На каком основании арестованы эти люди?

Бурляев: Она же стреляла в меня, в должностное лицо во время исполнения! Это же висельное дело!

Фандорин: Она в вас не стреляла (показывает на часы на стене). Это раз. О том, что вы – должностное лицо, знать не обязаны, вы же не в мундире. Это два. А при исполнении я бы на вашем месте вообще бы промолчал. Это три.

Бурляев: Эх, Эраст Петрович, господин статский советник – дочистоплюйничаетесь! Пошли.

Поскольку еврейская традиция легла в основу русской криминальной традиции, в результате появилась уникальная система выживания, уникальная система фехтования, уникальная система ближнего боя, которая по сей день остается загадкой для большинства людей. Если бы я как ученый, криминолог и исследователь мировых воинских систем ранее не исследовал детально этот вопрос, не написал бы книги «На ножи», «Махалово» и другие, если бы не показал разницу между двумя системами рукопашного ближнего боя, – так называемыми системами Попова и Яковлева, – никто бы в жизни ничего не узнал про эту систему. И тому в мире есть подтверждения. В качестве примера рассмотрим следующий. С виду простой еврейский математик, который сумел первым получить должность профессора в США и стать главой кафедры в Оксфорде у себя на родине, в Британии, с ножом управлялся не хуже, чем закадычный уголовник.

«ЕВРЕЙ, ИЛИ БОГОЛЮБЯЩИЙ (ЛЮБЯЩИЙ БОГА) – ЕСТЕСТВЕННАЯ ФОРМА ЗРЕЛОСТИ ЧЕЛОВЕКА.»

PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

«Его называли Адамом в мире математики – он придумал «матрицу» и изобрел десятки терминов, которыми пользуются до сих пор. Пробив стену антисемитизма, **Джеймс Джозеф Сильвестр** стал первым евреем в Оксфорде и первым еврейским профессором в США.

Родился 3 сентября 1814 года в большой обеспеченной еврейской семье, обосновавшейся в лондонском Ист-Энде. Окончил он самую известную в то время еврейскую школу города. А Сильвестром стал, когда старший брат уехал в США, где от всех иммигрантов требовали взять вторую фамилию.

Математический талант проявился в мальчике вместе с готовностью постоять за себя и свои убеждения. В 14 лет будущий ученый поступил в Университетский колледж Лондона, где впервые в Великобритании студенты-евреи были на равных с сокурсниками-христианами. Впрочем, **он быстро вылетел оттуда после того, как набросился с ножом на одного из своих обидчиков.** Продолжил учебу в Королевском институте Ливерпуля, там получил свою первую математическую награду, а в 17 лет был принят в Кембридж. Пропустив по болезни почти два года, юноша занял второе место из приблизительно ста студентов на традиционном выпускном экзамене. Степень бакалавра, однако, не получил – для этого требовалось подтвердить верность догматам англиканской веры, что он, как еврей, сделать отказался.

[...] Точная причина скандала, в центре которого оказался Сильвестр через четыре месяца после прибытия в Университет Вирджинии, до сих пор неизвестна. Современники рассказывали о недалеком и вспыльчивом студенте, решившем, что профессор задел его честь: тот сбил с Джеймса шляпу и ударил по голове. **Ученый, недолго думая, выхватил клинок и нанес обидчику удар в грудь.** Рана оказалась пустяковой, но Сильвестр быстро собрал вещи и в середине учебного

года – с ведома руководства – покинул кампус.

Это было прагматичное решение: **британский еврей, пустивший в ход оружие** против своего студента – такое в Вирджинии не прощалось. Большинство студентов были южанами-плантаторами, воспитанными в атмосфере высокомерия и жестокости, оружие было частью их образа жизни. Лишь в 1859-м администрации удалось обязать первокурсников сдавать при поступлении свой нож и пистолет на хранение. Все это в случае с Джеймсом накладывалось на антисемитские и антибританские настроения...».

(фрагмент статьи «Первый в Оксфорде», издание Jewish.ru)

С самого детства желание устоять на пути к правде, равно как и необходимость отстоять свои убеждения, при этом сохраняя условия для созревания души и воспитания зрелости, заставляли евреев двигаться в сторону умения за себя постоять. Однако, поскольку человек по своей натуре слаб, каждому присущи различные страхи, мешающие оставаться твердым в своих убеждениях на пути к правде.

Знающие люди недаром говорили, что **еврей должен пожертвовать время.** Не

себя, а именно время. Причём время нужно потратить в тайне от всех, что и становилось определенной формой, которая обеспечивает жертвенность.

Следующий немаловажный аспект – борьба с собственными пороками. Бытует расхожее мнение, что пороки евреев врожденные, что еврей родился уже богатым и жадным. Тем не менее, это не так. Пороки евреев – не в рождении, а в том образе жизни, который 600 лет Российская империя создавала для этих людей.

Поскольку одним из отражений культуры и традиций народа выступает его кухня, давайте посмотрим на такое еврейское блюдо, как вертута. Готовится оно очень просто: нужна горсть муки, вода и немного яблок для начинки, которые обычно собирались где-то в саду. Иными словами, это очень простая еда, как и вся еврейская кухня. Поэтому ошибочно считать евреев богатыми людьми. История Российской империи, в период с XVI-го века показывает, что евреи были очень бедными людьми, у которых все забирали, и они были вынуждены тяжело работать с утра до ночи, чтобы прокормить свои семьи.

В некоторой степени легче было тем евреям, которые проживали в сельскохозяйственных регионах, где возможно было вести хозяйство, обрабатывать землю и выращивать овощи, фрукты и пр. Еврей-горожане и те, кто проживали на окраинах городов, действительно бедствовали, поскольку на работу их не брали, в университеты поступать не разрешали, даже возможность получения образования в гимназии – под большим вопросом. Таким образом, люди в принципе в плане деятельности были обречены только на одно: копать ямы (ничего другого евреям просто не позволяли), за что платили весьма скудные деньги. Такие невыносимые условия были созданы для подавляющего числа евреев. Хотя многие и сегодня, в XXI веке нередко представляют себе еврея в образе Ротшильда, который восседает в комфортном замке и неспешно занимается пересчётом алмазов.

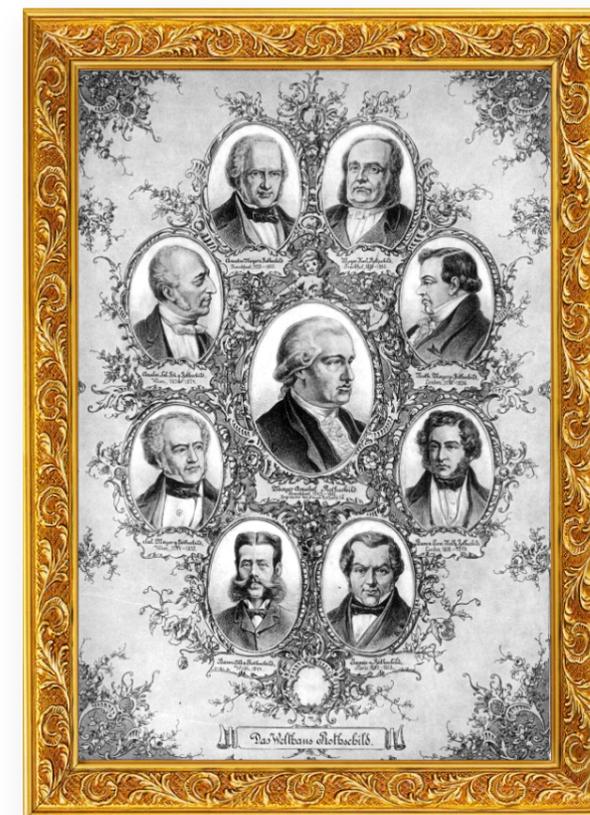
Объективно и внимательно изучая исторические документы, несложно убедиться

в том, что отношение к евреям было, корректно выражаясь, не завидное:

«На рубеже XX века более половины евреев планеты, примерно шесть миллионов человек, обитали на территории России. По численности это была пятая народность империи (после русских, украинцев, поляков и белорусов). Однако евреи были существенно ущемлены в правах. Как писал граф И. Толстой, либеральный министр просвещения в период после Октябрьского манифеста: «... Власть исходит из предпосылки, что она в лице евреев имеет дело с основательно испорченным, преступным и почти неисправимым народом».

(Б. Акунин, серия «История Российского государства», книга «После тяжелой продолжительной болезни. Время Николая II»)

Отдельно, в качестве ремарки, отметим такую историческую фигуру как князь Сергей Александрович, которого даже называли «жидомором», как упоминает Борис Акунин в книге «После тяжелой продолжительной

болезни. *Время Николая II*». Сергей Александрович настолько преуспел в создании евреям невозможных условий существования, что «жидомором» его называли небеспочвенно. И он, и ряд иных князей и фигур, стоящих у руля власти, создавали евреям самые невыносимые условия, при этом обосновывали политику неизбежной необходимости «гнобить» евреев весьма научными способами и методами:

«...В стараниях «спасти русских людей от дурного влияния евреев», правительство учредило так называемую «черту оседлости», наследие средневековых гетто: иудеям дозволялось жить только в специально перечисленных польских, литовских, украинских и белорусских губерниях плюс в Бессарабии, причем не где угодно, а в городах (не во всех) и «местечках», но ни в коем случае не в деревнях, чтоб эти страшные люди не портити доверчивых крестьян. Покидать черту оседлости, даже временно, запрещалось — на это требовалось особое разрешение.

[...] Особенным «жидомором» в августейшем семействе слыл великий князь Сергей Александрович. В начале его генерал-губернаторства из Москвы административным порядком было изгнано три четверти проживавших там евреев. (Выселили даже знаменитого живописца И. Левитана, но потом, по милостивому разрешению его высочества, так и быть, пустили обратно)».

Вопросы порой формулировали чрезвычайно критично:

«...после восшествия на престол Александра III государственный курс переменился. Тому было две причины. Первая — личная. Александр Александрович был классическим «бытовым антисемитом», уже не религиозного, а совершенно биологического свойства. Он не выносил и евреев, и тех, кто их защищает.

Витте, по взглядам вполне великорусский националист, пересказывает свою беседу с царем: «В первые годы моего министерства при императоре Александре III государь как-то раз меня спросил: «Правда ли, что вы стоите за евреев?» Я сказал его величеству, что мне трудно ответить на этот вопрос, и просил позволения государя задать ему вопрос в ответ на этот. Получив разрешение, я спросил государя, **может ли он потопить всех русских евреев в Черном море. Если может, то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить**, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как в конце концов не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными государя».

(Б. Акунин, серия «История Российского государства», книга «После тяжелой продолжительной болезни. Время Николая II»)

О категоричности отношения к евреям свидетельствует также пример с выдающимся художником Исааком Левитаном. После покушения на Александра II всех евреев выселили из Москвы. Так, молодому Левитану пришлось жить в поселке под Москвой, а на занятия добираться на «чугунке». На тот момент ему было всего 18 лет. Его отец и мать, недолго прожившие в Москве, уже умерли, и Левитан остался с братом и двумя сестрами. В 1892-м последовало очередное выселение евреев из Москвы, под которое попал и Левитан: уже будучи знаменитым художником, он также был изгнан из Москвы в числе прочих евреев,

и понадобились усилия его многочисленных именитых друзей, чтобы он смог вернуться в город на законных основаниях. Официальное разрешение жить там он получил лишь в январе 1894 года. Жила мировая знаменитость достаточно скромно в небольшом доме, состоящем из нескольких комнат, хотя на тот момент он был уже великим художником.

В то время российские цари и князья делали всё, чтобы евреи жили как можно хуже, и объясняли это крайне «взвешенно», юридически, даже «по-человечески», почему так правильно:

«Но царю Александру III была ближе логика другого министра, обер-прокурора Победоносцева. Главный идеолог эпохи обосновывал дискриминацию государственными соображениями.

Адвокат Г. Слиозберг, одно время служивший помощником обер-прокурора Святейшего синода, так объясняет суть победоносцевской доктрины:

«...Благодаря тысячелетней еврейской культуре евреи представляются элементом более сильным духовно и умственно; при темноте и некультурности русского народа борьба против более сильного в культурном отношении элемента, евреев, не представляется для него возможной; для того чтобы несколько уравнять шансы этой борьбы, является справедливым, с точки зрения правительства, поставить евреев в худшее правовое положение, при котором слабая способность окружающего населения бороться была бы уравновешена».

(Б. Акунин, серия «История Российского государства», книга «После тяжелой продолжительной болезни. Время Николая II»)

Представленное объяснение адвоката Г. Слиозберга свидетельствует об осознанном недопущении создания любых человеческих норм существования еврейского народа. Мол, если евреи начнут учиться и работать в университетах, то неминуемо

займут места на всех кафедрах; то же самое касается и мест на государственной службе — евреи займут тогда все посты, потому что они умнее, трудолюбивей и «проворнее», чем остальные люди. И чтобы не дать евреям возможность продемонстрировать свои способности, надо несколько «уравнять шансы», поставив их в худшее правовое положение, чтобы они не были способны что-либо предпринять.

Поэтому, возвращаясь к вопросу **борьбы с собственными пороками**, отметим, что как таковая борьба на уровне жертвенности превращается в придумывание, изобретение того, как жить, каковы бы ни были текущие условия. То есть у человека будут эти пороки только в том случае, если он не найдет способа, как жить правильно и эффективно, не передавая пороки по наследству. А для этого необходимо, с одной стороны, научиться брать на себя ответственность, а с другой стороны, научиться быть стойким.

Подводя итог по первому компоненту треугольника богоизбранности — жертвенности, необходимо подчеркнуть, что никто еврейю не создаст условий для созревания его души и разума. Ему необходимо самому посредством твердости в убеждениях, стремлении к правде, жертвовании временем в тайне от всех, борьбы с собственными пороками, научиться брать на себя ответственность и становиться стойким — что и есть первый шаг к богоизбранности.

ПСИХОЛОГИЯ РИТУАЛА

С точки зрения осмысления понятия «**ритуал**», стоит отметить, что мы не рассматриваем ритуал, как Obsession или как сферу клинической психологии, а смотрим на него как на нечто относящееся к психологической норме. Психологи, в отличие от психиатров, должны прежде всего во всём руководствоваться категорией нормы. И мы помним слова нашего наставника Л. Сонди, говорившего, что патология — это гипертрофированная норма. Следовательно, если мы рассматриваем ритуал как нечто Obsessive-Compulsive, как некую навязчивость, из этой посылки проистекает, что в основе этого ритуала лежит некая норма. И это не секрет, поскольку нас в жизни выручают те ритуалы, которые в своё время выявил Г. Эббингауз и обозначил, как определен-

Вся западная вера и аутентичность делали ставку на репрезентацию: на то, что знак способен отражать сокровенный смысл, что он способен обмениваться на смысл, и то, что он способен обмениваться на смысл, что существует нечто, что делает этот обмен возможным, гарантирует его адекватность — это, разумеется, Бог. Но что, если и самого Бога можно симулировать, то есть свести к знакам, удостоверяющим его существование? Тогда вся система теряет точку опоры, она сама становится не более чем гигантским симулякром — не тем, что вовсе оторвано от реальности, а тем, что уже никогда не обменивается на реальное, а обменивается на самое себя в непрерывном круговороте без референта и предела.

“ ЖАН БОДРИЙЯР

PH.D САГАЙДАК АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Кандидат психологических наук, юнгианский аналитик, преподаватель, глава Ассоциации глубинной психологии «Теурунг», председатель Психолого-филологического общества.

ные стереотипы памяти, сохраняющиеся и после периода забывания. В целом наличие того, что раньше называли психологическими автоматизмами, немного позже считали стереотипами, а на сегодняшний день называют паттернами, очень здорово облегчает жизнь человека, потому что помогает не перегружать свое внимание, когда человек действительно автоматически что-то делает. Однако ритуалы, интересующие нас в религиозном контексте — это явление более глубокого порядка. Поскольку речь идет о психологии ритуала, отметим, что нельзя непосредственно сам ритуал рассматривать отдельно от того трансцендентного наполнения, которое придает ему силу, чего и касается религия, эзотерика и всё, что связано с трансперсональной феноменологией.

Осмысляя ритуал на границе психологии и религии, в первую очередь необходимо соотнести его с важнейшей составляющей любой религии — **сотериологией**.

В каждой религии сотериология выступает одной из важнейших её составляющих. Можно сказать, что сила влияния религии на души и умы людей в значительной степени зависит от того, насколько глубока и действенна сотериология, то есть учение о спасении. Можно с позиции рационального, критического, позитивистского ума сколько угодно смеяться над страхами гибели души, но в действительности, здесь мы, кстати, переходим в сферу психологии. Дело в том, что эмпирические феномены, — страх гибели и необходимость спасения, — это то, что в психологии и психиатрии, да и вообще в любых гуманитарных науках известно и представлено под разными именами.

Сотериология (др.-греч. σωτηρία «спасение» + λόγος «учение; слово») — богословское учение о спасении человека.

Если мы обратимся к исторически первой школе глубиной психологии — психоанализу, — отметим, что непосредственно пребывающее в сфере интересов сотериологии в психоанализе является одной из важнейших тем, а по сути, основой психоанализа. Напомним, что Зигмунд Фрейд описывает «*оно*» (лат. «*id*») как бессознательное и осмысляет его влияние на наше несчастное Эго; так что это, как не угроза гибели, распада, деструкции нашего сознания со стороны хтоничных инстинктивных импульсов бессознательного? Своего рода убежищем и островами спасения для нашего Эго, как предположил Фрейд, является Эдипов комплекс, некая внутриличностная структура, некий комплекс бессознательных и отчасти осознаваемых паттернов, в сущности, ритуалистика, при помощи которой человек защищается от убийственного для него инцестуозного влечения к материнской или отцовской фигуре. Эдипов комплекс, как ритуально-сотериологическая структура, помогает Эго защититься от преступных влечений бессознательного и от наказующих влечений сверхсознательного (Супер-Эго) ввиду неспособности постичь человеческой природе тему гибели и необходимость спасения. Кстати говоря, знаменитые фрейдовские оговорки, или, как их еще называют, «оговорки по Фрейду»

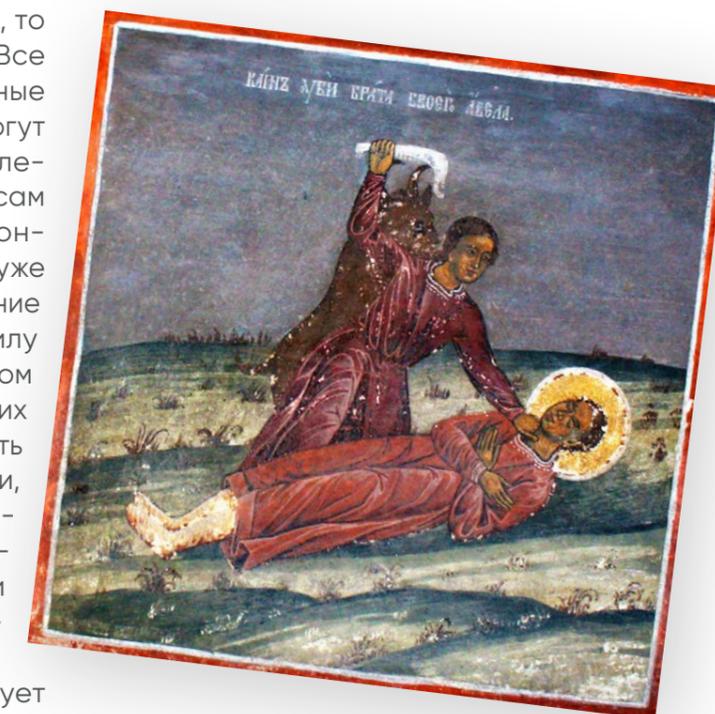

с точки зрения рассматриваемого нами предмета, есть не что иное, как **«ритуалы блокировки»**. Собственно говоря, защитные механизмы, которые блестяще изучила дочь Фрейда Анна, есть не что иное, как ритуал, при помощи которого сознание играет с бессознательным, пытается его запутать и хоть как-то защитить от антикультурных побуждений.

В Юнгианской психологии, трудах нашего любимого мэтра, тема страха гибели и необходимости спасения выражена еще более явно. Именно Карл Юнг принес в психологию из алхимии такое понятие как **«диссолюция»**, то есть растворение, размывание Эго, когда наше «Я» тонет в пучине бессознательного. Особенно ярко он это описал в книге *«Либи́до, его метаморфозы и символы»*. Также достаточно качественно это отражено в трудах единомышленника Юнга – Эриха Нойманна, писавшего об архетипе Великой и ужасной Матери. Пока сам Юнг писал об архетипе Тени, его последователи развивали исследования хтоничных и ужасающих импульсов бессознательного. Например, замечательный постъюнгианец Дональд Калшед писал о фигуре

внутреннего преследующего садиста, то есть страдающей части нашего Эго. Все эти примеры – не что иное, как хтоничные импульсы бессознательного, которые могут приводить к размыванию Эго и к появлению психологических травм, которые сам Юнг назвал **диссоциативными**. А в концепции Дональда Калшеда эти травмы уже называются архетипическими, и их влияние угрожает нашему сознанию. Если в силу разных причин Эго оказывается слишком слабым или даже отдается во власть этих импульсов, если происходит одержимость и захват, в конце концов состояние души, личности, сознания может перейти в состояние саморазрушения. В современной постъюнгианской терминологии недаром существует интересный термин – **деструдо** (состояние саморазрушения). В принципе это соответствует тому, что Л. Сонди в своих исследованиях называл **апполодеструкцией** и **аутодеструкцией**, то есть тягой к саморазрушению, которая автоматически становится тягой к разрушению внешнего.

Обращаясь к другой школе глубинной психологии, не менее заслуженной – индивидуальной психологии Альфреда Адлера, которая сегодня нашла своё продолжение в гуманистической и экзистенциальной психологии, отметим следующее: комплекс неполноценности, виктимность, состояние морального мазохизма – это то, что личность постепенно превращает в угнетенную жертву, всё более и более погружающуюся в состояние своей ущербности. Или, наоборот, когда человек «проваливается» в другую крайность – комплекс превосходства, в состояние гиперкомпенсации своей ущербности, у него наступает утрата восприятия реальности, он становится чрезмерно амбициозным, вызывающим и в конце концов может даже впасть в состояние антисоциальности.

И, конечно же, необходимо обратиться к судьбоаналитическому учению Л. Сонди, непосредственно к понятию **«фундаментальный бинер»**, который Сонди представляет как парность двух радикалов, Каина и Авеля. Известно, что губительными и разрушительными могут быть как один, так и другой радикал. Сонди в своих трудах, конечно, гораздо больше уделяет внимания разрушительности Каина, опасности, исходящей от него, что обусловлено историческими причинами и влиянием социального контекста. Хотя фигура Авеля может быть не менее разрушительной и деструктивной, если этот сценарий развивается, как навязанная судьба. Но в целом, обозначая главную мысль Леопольда Сонди, опасностью гибели для личности, опасностью разрушения для аутентичной судьбы человека являются именно навязанные родовые жизненные сценарии, особенно, если они морботропические. В целом, если мы уже на уровне метатеорий, на общеметодоло-

«РИТУАЛ – ЭТО СИЛА, КОТОРАЯ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ»

PH.D. АЛЕКСАНДР САГАЙДАК

«ЕСТЬ ЛЮДИ В КОТОРЫХ ЖИВЕТ БОГ, ЕСТЬ ЛЮДИ В КОТОРЫХ ЖИВЕТ ДЬЯВОЛ, А ЕСТЬ ЛЮДИ В КОТОРЫХ ЖИВУТ ТОЛЬКО ГЛИСТЫ»

“**ФАИНА РАНЕВСКАЯ**

гическом уровне постараемся охарактеризовать, что в психологии соотносится с понятием «**гибель**», что именно требует спасения и какая составляющая этого спасения — это ритуал. Здесь мы видим два полюса. На одном — **хтоничность**, то есть абсурд, одержимость Тенью, это компульсивная патопсихология, которая находится на грани нормы и патологии и зачастую её перешагивает. На другом полюсе мы видим его антипод — **отчуждение**, шизоидность, состояние при котором сознание человека превращается в симулякр. Это прекрасно описали в своих трудах на экономическом уровне К. Маркс, на философском уровне Ф. Ницше, на культурологическом уровне О. Шпенглер, А. Тойнби, на психологическом уровне это описали К. Юнг, философы франкфуртской школы неомарксизма и, конечно же, всем известный Ж. Бодрийяр.

Когда сознание становится плоским и одномерным, вот эта опасность противоположного полюса очень хорошо передается ироничной, едкой в сущности, очень горькой фразой Фаины Раневской: «*Есть люди в которых живет Бог, есть люди в которых живет дьявол, а есть люди в которых живут только глисты*».

Для преодоления опасности гибели одного и другого полюса, **полюса одержимости и полюса симулякра — ритуал, как психологический феномен**, конечно же, является не единственным, не панацеей, но достаточно важным способом преодоления тенденции той или иной крайности. Впрочем, и здесь мы тоже должны обратить внимание на то, что ритуал может носить двойкий характер: ритуал сам может быть симулякром, то есть бессмысленной имитацией, неким знаком, за которым ничего не стоит. Но также ритуал может иметь глубокую символическую насыщенность, то есть ритуал сам может выступать символом,

благодаря которому происходит соединение Эго с действительно витальными религиозными ресурсами бессознательного и наполнением комплементарностью нашего сознания, для конструктивного преодоления опасностей гибели.

Известно, что одним из значимых, действенных проявлений сотериологических явлений ритуалов есть их **инициатичность**. **Инициация** как таинство посвящения — это, с психологической точки зрения, переход психики из одного состояния идентичности в другое, то есть перерождение человеческой души. Не взирая на то количество написанной литературы в антропологии, этнопсихологии, других отраслях психологии, где написано много исследований про суггестивный характер ритуалов, которые проводят в примитивных племенах и в современной культуре, про то, что это влияние на уровне процессов восприятия. И вроде бы всё объяснено, но, тем не менее, по сути своей природа ритуала трансцендентна, и ядро этого ритуала, когда мы говорим именно о его инициатичности, с точки зрения позитивизма в рациональных терминах, всё равно не описывается. Дело в том, что сама инициация происходит в соответствии с законом хронологии, в соответствии с принципом сопричастности: иницируемый в ходе ритуала вводится в состояние сопричастности с (кем или чем) с какими-то трансцендентными феноменами, и как бы эти феномены ни описывались с точки зрения эмпирической реальности, как бы это ни объяснялось с точки зрения измененных состояний сознания, гипертонии, гипотермии и т.д., — это не объясняет всей сути, поскольку ядро трансформации ускользает от чисто эмпирического наблюдения. Даже невозможность объяснить это в терминах физиологии или биохимии не должно вас останавливать, потому как

перед нами стоит задача осмысления психологического феномена. А значит, поскольку это психологический феномен, соответственно, представляется возможным выявлять его закономерности и, что самое главное, возможно эти знания превратить в конструктивный ресурс для человека, которому необходимо избежать двух полюсов, о которых мы говорили ранее.

Соответственно, **ритуалистика** — это серьезная дисциплина, требующая фундаментального подхода и комплексного методологического аппарата. Тем не менее, если за формирование реализации ритуала берутся дилетанты, которые, в сущности, делают это на уровне бихевиоризма, превращая ритуал в выработку условных рефлексов или, в лучшем случае, в суггестивку, конечно, и от этого есть результат, но, как мы знаем, он не стойкий и неэффективный. Не секрет, что при описанном выше подходе, трансформации и изменения внутренней сути не происходит; выражаясь терминологическим языком Л. Сонди, **не происходит преодоления навязанных тропизмов — неких сил, диктующих человеку его судьбу. Для преодоления же важен подлинный ритуал, а подлинный ритуал — это символ, соединяющий человека с трансцендентностью.**

ИНТЕРВЬЮ

РИТУАЛ КАК ПРЕДМЕТ РЕЛИГИОЗНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Дорогой читатель, на сей раз нам удалось побеседовать с гостем из Великобритании – доктором философии, социологом религии и экспертом по новым религиозным движениям Айлин Баркер. С чего начался наш разговор и чем закончился, предлагаем ознакомиться.

– Профессор Баркер хотелось бы начать нашу беседу с фундаментального вопроса о том, с чего, на Ваш взгляд, необходимо начинать исследование такого явления, как религиозные ритуалы?

– Исходя из многолетней практики, я считаю, что:

- Первым шагом крайне важно изучать ритуалы, находясь в непосредственном контакте с людьми, практикующими церемонии, которые вас интересуют.
- Вторым ключевым аспектом является изучение видеоматериалов, аудиозаписей, фильмов, разного рода статей и интервью. В современном мире их

АЙЛИН (ЭЙЛИН) ВАРТАН БАРКЕР

Британский социолог религии, специалист по новым религиозным движениям, профессор-эмерит Лондонской школы экономики, эксперт Центра исследования прав человека при Лондонской школе экономики, офицер Ордена Британской империи (OBE), член Британской академии.

с легкостью можно найти в открытом доступе.

- И третьим шагом, но не менее важным является изучение специальной литературы, в которой более широко описаны интересующие ритуалы. Я считаю, что именно с этих шагов необходимо начинать исследование.

Безусловно, изучение всевозможных книг, документов, фотографий и других материалов при исследовании играет важную роль, но также обязательно нужно найти возможность пообщаться с людьми, которые проводят этот ритуал, чтобы понять, какое значение он имеет для них, какой смысл они в него вкладывают. Дело в том, что во время визуального наблюдения можно увидеть, что «официальное» значение какого-либо ритуала, по факту, для его участников может нести совершенно другой смысл.

– Практически каждая из существующих религий, вероисповеданий сопровождаются определенными традициями, таинствами и ритуалами. Могли бы Вы рассказать, какое значение несет в себе ритуал? Это некий призыв к действию или, наоборот, ограничения для человека?

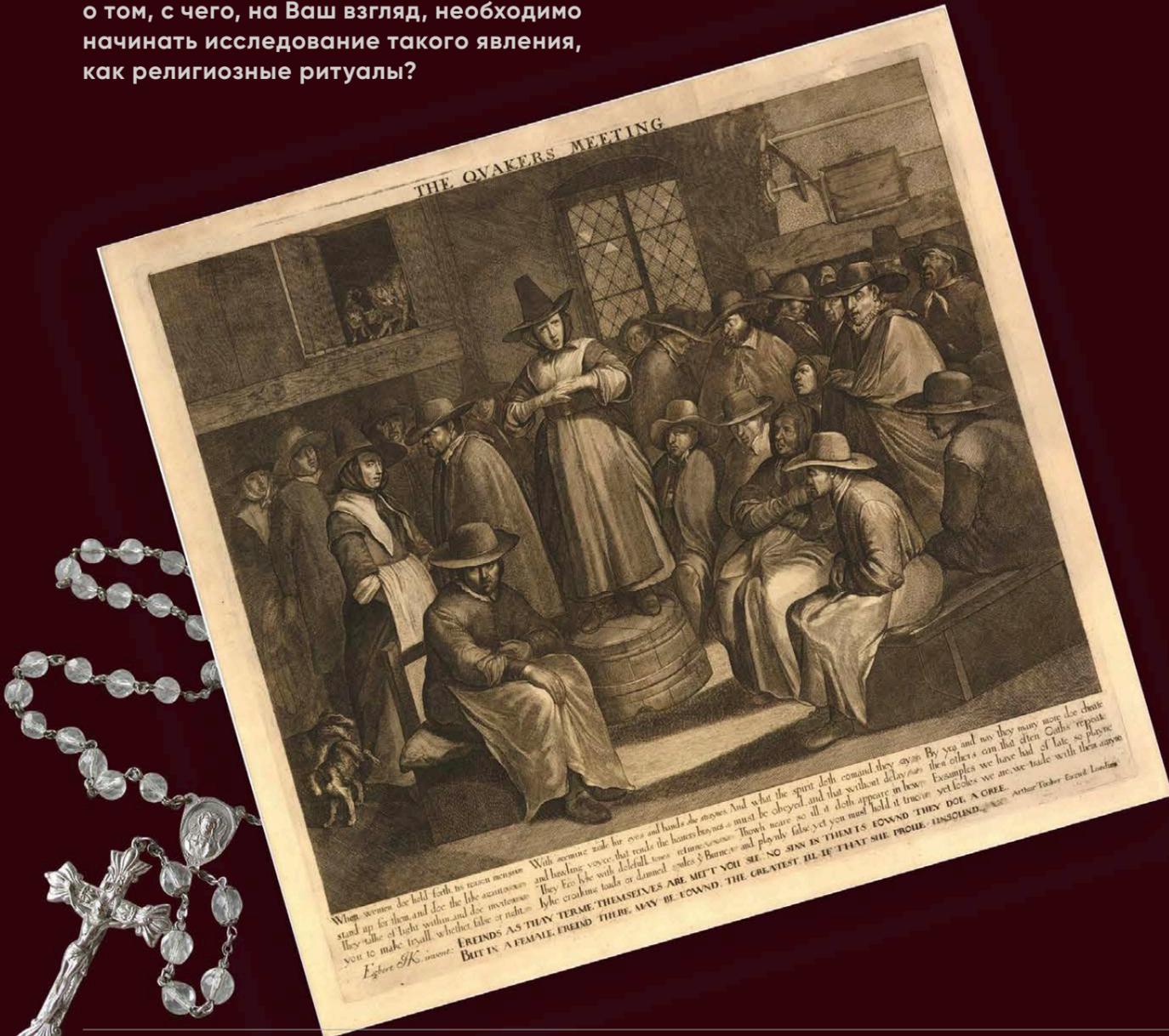
– На самом деле, каждый ритуал может иметь разные значения у разного рода лиц: кто-то может использовать один ритуал с целью посвящения, а другие используют идентичный ритуал в совершенно других целях. В повседневной жизни людей есть ритуалы, которые не имеют никакого смысла, но, тем не менее, люди передают их из поколения в поколение.

Конечно же, существуют ритуалы, которые несут большую смысловую нагрузку.

Они специально разрабатываются, внедряются и передаются людям от какой-то религиозной структуры. Например, такое протестантское христианское движение **Quakers (Кв́акеры), официальное их само-название – Религиозное общество Друзей**, возникшее в годы Английской революции (середина XVII века) в Англии и Уэльсе, имело ритуал молчания. Безмолвие заключается в том, что люди собирались у кого-то дома или в другом условленном месте для совместной молитвы. Нет ни церкви, ни священника, никаких специальных ритуалов или декламации отрывков из Библии. Обычно такая молитвенная встреча длилась около часа. Заговорить мог любой, если почувствует в этом потребность, но, как правило, попусту люди не говорили. Конечно, диапазон вариативности ритуалов в разных религиях и учениях может быть абсолютно разным, от тихих до громких, ярких ритуалов (коронация), до более спокойных (погребения). И каждый из них несет в себе свой особый смысл.

– Ни для кого не является секретом, что в современном мире очень активно появляется всё больше новых религиозных движений, многие из них являются синтезом предыдущих. С чем связана данная тенденция? Неужели существующих религий недостаточно, и поэтому возникают новые религиозные движения?

– Новые религиозные движения появлялись и существовали с древних времен в нашем мире. Они всегда будут появляться и существовать, потому как сменяются эпохи, условия среды, социальные потребности людей, меняется общество и его личностные переживания, а, соответственно, люди

будут нуждаться в изменениях даже в религиозных вопросах.

– Профессор Баркер, за Вашими плечами большой объем научных исследований. Поделитесь самыми запоминающимися примерами ритуалов, обрядов из вашей практики, с которыми доводилось сталкиваться?

– Да, действительно, за годы работы мне довелось увидеть и изучить много разных ритуалов. Но самое поразительное для меня, что никакие новые религиозные движения и их ритуалы меня не удивили. Поясню, что я имею в виду. Дело в том, что, когда только начинаешь изучать ритуалы, они действительно могут показаться странными и порой шокирующими, но это только до тех пор, пока вы не поймете их смысла. Как только вы погружаетесь глубже в среду одной из религий, вы убеждаетесь, что все достаточно логично, становятся понятны значения ритуалов, и вас это уже абсолютно не удивляет.

В этом заключается одна из сложностей для социологов и ученых, которые занимаются вопросами религии. Ведь в исследова-

ниях важен не эмоциональный окрас, а способность показать совершенно посторонним людям суть ритуала и передать его истинный смысл. Мало пересказать увиденное, необходимо донести эти смыслы и значения доступным и понятным языком до людей, которые не знакомы с данными религиозными движениями. Именно по этой причине ученому необходимо объективно подходить к исследованию, изучать обе стороны медали – тех, кто проводит религиозные ритуалы, и тех, кому необходимо показать и объяснить их истинный смысл. Молодые ученые нередко попадают в ловушку, потому что при изучении новых религиозных движений начинают воспринимать это лишь с какой-то одной стороны, не учитывая другую сторону. Поэтому необходимо научиться держать баланс. К примеру, представьте себе актера, который должен сыграть роль скучного человека, если сам по себе актер и так скучный человек. Он не сможет удержать внимание зрителя. Лишь профессионал может так сыграть скучного человека, что люди никогда не заскучают на его спектакле. Он сыграет скучного человека так, что всем будет интересно за ним наблюдать.

– Не секрет, что в современном мире постоянно появляются новые религиозные движения, при этом огромное число людей резко негативно относятся к представителям других религий. Часто встречаются случаи, когда православные христиане считают всех, кто к ним не причастен, «сектантами». Могли бы Вы, пожалуйста, рассказать нашим дорогим читателям об этом любопытном парадоксе, исходя из своей практики? Почему представители одной конфессии нетерпимо относятся к представителям другой религии?

– Это достаточно обширный вопрос, ведь причин такому явлению существует целое множество. Одна из них заключается в том, что представители православной конфессии считают себя во всем абсолютно правыми, а остальные должны прильнуть в лоно их истинной церкви. Другая причина – это власть. Люди, которые исповедуют опре-

деленную религию или идеологию, считают, что все, кто исповедует иную религию, угрожают их власти. Как ни странно, чаще всего такое непонимание и неприятие наблюдается между религиями, которые ближе всего друг к другу по религиозным взглядам и убеждениям.

Например, когда я посещала Украину, у меня была там встреча с православным священником. Так вот, что я заметила. Он очень дружелюбно общался с представителем кришнаитов, после чего я даже сказала ему, что очень рада видеть, как представители одной религии доброжелательны к представителям, которые исповедуют другую религию, на что он мне ответил: *«Я буду рад поговорить с человеком любой религии, кроме прихожанина Московского патриархата!»*

Существуют разные межрелигиозные организации, где собираются представители различных религиозных движений: католики, евреи, иудеи и христиане. Они собираются вместе, пьют чай и общаются. При этом не желают включать в свои собрания представителей новых религиозных движений, таких, как Свидетели Иеговы, мормоны и др. Когда я поинтересовалась, почему они не пригласят, к примеру, представителей Сокугайко (новое религиозное движение в буддизме), мне ответили: *«Буддисты в нашей организации не хотят их видеть. Индусы не хотят видеть людей Хари Кришны, а христиане не хотят видеть мормонов, потому что те делают вид, что они христиане, хотя они не являются таковыми».* То есть определенные религии видят в других религиях некую угрозу, угрозу их правде.

Помимо всего прочего, национализм тоже играет большую роль. Когда-то в Армении у меня состоялся любопытный разговор с одной женщиной. Я рассказала ей, что посещала Храм Кришны, на что она мне сразу же возразила, что они не армяне. Я ей ответила, что они родились в Армении и разговаривают на армянском языке

«... САМОЕ ВАЖНОЕ В ДАННОЙ СИТУАЦИИ – ДАТЬ ОДНО ДЛЯ ВСЕХ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИЯ, ТОГДА БЫ СИТУАЦИЯ ПОЛНОСТЬЮ ИЗМЕНИЛАСЬ ...»

АЙЛИН БАРКЕР

ке. Тогда она мне еще более настойчиво повторила: «Нет они не армяне и не христиане». Тогда я ее спросила: «Твои двое детей, получается, тоже не христиане? Они атеисты». На это она возразила, что ее дети христиане-атеисты, поэтому они армяне. Данный пример ярко показывает, как люди смешивают все понятия между собой.

Вопрос иностранного влияния также играет большую роль. К примеру, в таких странах, как Россия и Китай ЦРУ воспринимают как большую угрозу якобы из-за попыток подорвать их общество. Так же существует много конспирологических теорий, что евреи и масоны правят миром.

Современное общество свободно может исповедовать любую религию, которую они хотят, но, тем не менее, существуют страны, в которых новые и даже старые религии вообще не воспринимаются, как религиозные движения, они не защищены конституцией. Более того, там на уровне государства определяется, что является религией, а что не является.

Например, в Китае религии поделили на несколько категорий и определили, какие из них официальные, а какие нет. Есть группы религий, на которые просто закрывают глаза, например **Xiejaiao** – иногда трактуется как «злой культ» или Фалуьгун («Церковь Всемогущего Бога»). Список подобных течений растет с каждым годом. Когда-то в Пекине я делала доклад на тему новых религиозных движений и упомянула в нем Фалуьгун, после чего у меня возникли даже проблемы, потому что в Китае это считается криминальной организацией, а люди, которые исповедуют подобные религии, не защищены Конституцией.

Казалось бы, даже в Британии, где существует религиозная свобода, есть некоторые религиозные движения, которые считаются террористическими. Верующие люди, исповедующие

такую религию, автоматически становятся террористами, в соответствии с криминальным кодексом. Я считаю, что **самое важное в данной ситуации – дать одно для всех определение, что такое религия, тогда бы ситуация полностью изменилась.**

В рамках нашего интервью, мне бы хотелось затронуть еще одну важную тему – что является религиозным экстремизмом. Например, во многих странах Свидетелей Иеговы считают экстремистами, хотя на самом деле они самые законопослушные, простые и добрые люди. Во времена нацизма очень много их представителей погибли в Освенциме, потому что отказались принимать авторитарность и новое правление, сказав, что для них Бог – высшая сила, и за это погибли. Совсем недавно в Южной Корее были случаи, когда их садили в тюрьму за их религиозные взгляды.

В 1970–90-х годах в Западной Европе действовали организации, которые пропагандировали, что новые религиозные движения «промывают мозги», принуждают людей к самоубийству, издеваются над детьми, забирают у людей деньги и прочее, но дело в том, что они не изучали подробно

все религиозные движения, а просто всех неугодных встраивали в один шаблон. СМИ очень быстро подхватывали подобного рода новости, так как им нужны были «сочные истории», чаще всего с негативным эмоциональным окрасом и большинство людей, из-за незнания и собственного невежества, верили этой дезинформации. Например, в России подобного рода деятельностью занимается Александр Дворкин, вешая ярлыки «сектантства» на все неугодные организации.

Существует очень много историй, которые абсолютно неправдивы, например, про ритуалы сатанистов: якобы они расчленяли детей и поедали их во время ритуала. В Америке существуют вовсе нелепые конспирологические теории, например, что Хилари Клинтон состоит в группе педофилов.

Конечно, я не говорю, что не существует новых или старых религий, которые действительно совершают ужасные вещи – издеваются над людьми и их семьями, но нам необходимо понять, что не все к этому причастны. Для этого ученому нужно внимательно и ответственно подходить к изучению того или иного религиозного движения, качественно разбираться в предмете, прежде чем делать какие-либо выводы.

РИТУАЛ В СТРУКТУРІ РЕЛІГІЇ: ЗМІНА РОЛІ ТА ЗНАЧЕНЬ

Розмірковуючи про місце та значення ритуалу в структурі релігії, ми з необхідністю заглиблюємося в історію вивчення самої релігії, яка зазнала різних хвиль концептуалізації різноманітних ідей і припущень у вигляді теорій. Досі не до кінця з'ясованим вважається питання про першість міфу чи ритуалу, про ієрархію елементів релігії в її структурі, про схожість, але не тотожність ритуалу та обряду та ін.

ЛЮДМИЛА ОЛЕКСАНДРІВНА ФИЛИПОВИЧ

Український філософ, релігієзнавець, доктор філософських наук, професор, провідний науковий співробітник Відділення релігієзнавства Інституту філософії імені Г. С. Сковороди Національної Академії наук України, віце-президент Української асоціації релігієзнавців, виконавчий директор Центру релігійної інформації і свободи Української асоціації релігієзнавців.

ВАЛЕНТИНА АНАТОЛІВНА БОДАК

Українська наукова діячка, ректор Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Доктор філософських наук, професор.

Етимологічна спорідненість цих понять, яка очевидна для тих, хто володіє латиною («ритуал» так і перекладається, як «обряд», «релігійний обряд»), заплутують ще більше наукові пошуки, оскільки важко розвести такі близькі за своїм змістом феномени.

Використовуючи надалі ритуал і обряд як синоніми (бо десь вони такими і є), маймо на увазі, що під **обрядом** ми розуміємо традиційні символічні дії, а **ритуал** встановлює послідовність цих символічних дій.

Наука виокремлює різні історичні форми ритуалу, прив'язуючи їх до еволюції світогляду людини. Так, виділяються такі види ритуалів, як магічний, релігійний і світський. Всі вони тісно пов'язані між собою, бо в будь-якому релігійному ритуалі є елементи магії, а в будь-якому світському присутні елементи як магії, так і релігійної обрядовості.

Найбільш давньою формою обрядовості та ритуалу справедливо вважають **магічні обряди**. Нині загально прийнятим стало розуміння магії як діяльності, яка «нехтує зв'язками природної причинності і ґрунтується на впевненості в ефективності такого впливу на навколишній світ, який випливає із безпосередньої включеності людини в природу» [Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. — М., 1981. — С. 137].

Магічна обрядовість людини первісного суспільства тісно пов'язана з таким етапом в розвитку її мислення, який одержав назву архаїчного. Основні риси його чітко визначив **Фрідхарт Клікс**. Серед них:

- висока степінь злиття індивіда з навколишньою природою;
- значна інтеграція індивіда та соціального середовища, інтеграція індивіда та роду. При цьому рід вказує на походження. Ця істотна якість відображається в символіці та ритуалах. Тут присутній сильний духовний, а також емоційний зв'язок із первинним соціумом;
- висока емоційна чуттєвість і афективна напруженість спілкування.

Частково це пов'язане з відносною нестійкістю життєвих умов. Більша образність, а відтак і тим самим іконічна повнота змісту пам'яті [Клікс Ф. Пробуждающееся мышление. — М., 1983. — С. 152–154].

Зазначені особливості архаїчного мислення дають можливість глибше осмислити ті психологічні аспекти магічної практики, які зберігаються й надалі в обрядах і ритуалах наступних історичних епох. Серед них — притаманна культурній діяльності образна виразність, а також емоційна насиченість

обрядових дій, яка сприяє появі механізмів навіювання, наслідування і зараження, в сферу впливу яких попадають всі учасники обрядового дійства.

Магічні обряди в первісно-общинному суспільстві були засобом уявного практичного впливу людей на навколишній світ. **Д. Угринович** зокрема підкреслював, що невпевненість первісних людей в успіху їх трудової діяльності, відсутність достатньо ефективних реальних засобів, які могли б забезпечити, скажімо, успішне мисливство, рибну ловлю тощо, є тими чинниками, які спонукали людей тієї епохи використовувати уявні засоби впливу, тобто користуватися магічними обрядами [Угринович Д. М. *Обряды: за и против.* – М., 1975 – С. 63].

Первісні магічні обряди виникли внаслідок обмеженості форм відносин між людьми, їх неспроможності контролювати розвиток своїх власних відносин. Але, як би там не було, магічні обряди, так само як і інші форми первісних релігійних ритуалів, виступали в ролі уявних заміників реальних засобів практичного впливу на навкілля і ті сили, які його визначають.

Таким чином, релігійні обряди/ритуали виникають в первіснообщинному суспільстві як специфічний опосередкований засіб практичного впливу людини на навколишню дійсність. Такий висновок можна зробити, якщо дотримуватися думки, що магічні обряди в первісному суспільстві мали цілком релігійний характер. Але в нашій літературі з цього приводу є різні точки зору. Одні дослідники вважають, що спочатку обряди в первісному суспільстві були повністю безрелігійними і лише згодом почали набувати релігійного забарвлення. Так, **В. Ф. Зибковець** в своїй книзі «**До-релігійна епоха**» спробував довести, що існував довготривалий історичний період у розвитку людства, коли люди володіли розвиненим інтелектом, зачатками мистецтва моралі і водночас взагалі не мали релігії. Тому він вважав, що перші обряди первісних людей не містили в собі якийсь релігійний зміст і лише згодом набували «**забобонного характеру**» 319. Подібний погляд на цю проблему мав і **В. І. Брудний**,

який в заголовок одного із розділів своєї книги виніс питання: «**Що раніше: релігія чи обряд?**» Відповідаючи на це питання, він зауважує, що обряди виникають ще до появи початкової (а не тільки розвиненої) релігії [Брудный В. И. *Обряды вчера и сегодня.* – М., 1968. – С. 3].

Щодо таких міркувань **Д. Угринович** небезпідставно і слушно зауважив: розуміння дорелігійної епохи як такої, коли людське суспільство і людська культура вже сформувалися, а релігія ще повністю відсутня, є принципово, методологічно неприпустимим. Адже релігія, вважає він, була закономірним і необхідним продуктом людського суспільства, оскільки людина завжди прагнула усвідомити навколишній світ і подолати реальну обмеженість своїх відносин з природою. В цю епоху усвідомлення довкілля з необхідністю включало в себе уявлення, які базувалися на вірі в надприродне. Про дорелігійну епоху, а відтак і про дорелігійні обряди можна говорити, зазначає **Д. Угринович**, лише стосовно епохи формування людини і людського суспільства. Дійсно, в цей часовий період релігії ще не було, але ж, власне, ще не було й людини як людини.

Факти, добути етнографами й археологами, засвідчують те, що первісна свідомість з самого початку мала синкретичний характер. В свідомості первісної людини зачатки знань і мистецтва, моралі і релігії не відділялися один від одного, а поєднувалися між собою, утворюючи часто суперечливі і своєрідні явища первісної культури. Такими синкретичними були також первісні обряди. В них в символічній формі втілювалися як релігійні вірування, так і елементи моралі, зачатки художньої творчості. **С. Токарев**, досліджуючи ранні форми релігії, приводить немало прикладів того, як в первісних обрядах органічно перепліталися реальні знання про світ з магічними уявленнями. Так, знахарство і лікувальна магія поєднували в собі емпіричні прийоми народної медицини з магічними (тобто релігійними) обрядовими діями. Те ж саме можна сказати й про охоронні обряди, які, на думку дослідника, водночас поєднують в собі нерелігійні

раціональні мотиви і елементи релігійних, зокрема тотемістичних, уявлень [Токарев С. А. *Ранние формы религии и их развитие* – М., 1964. – С. 35].

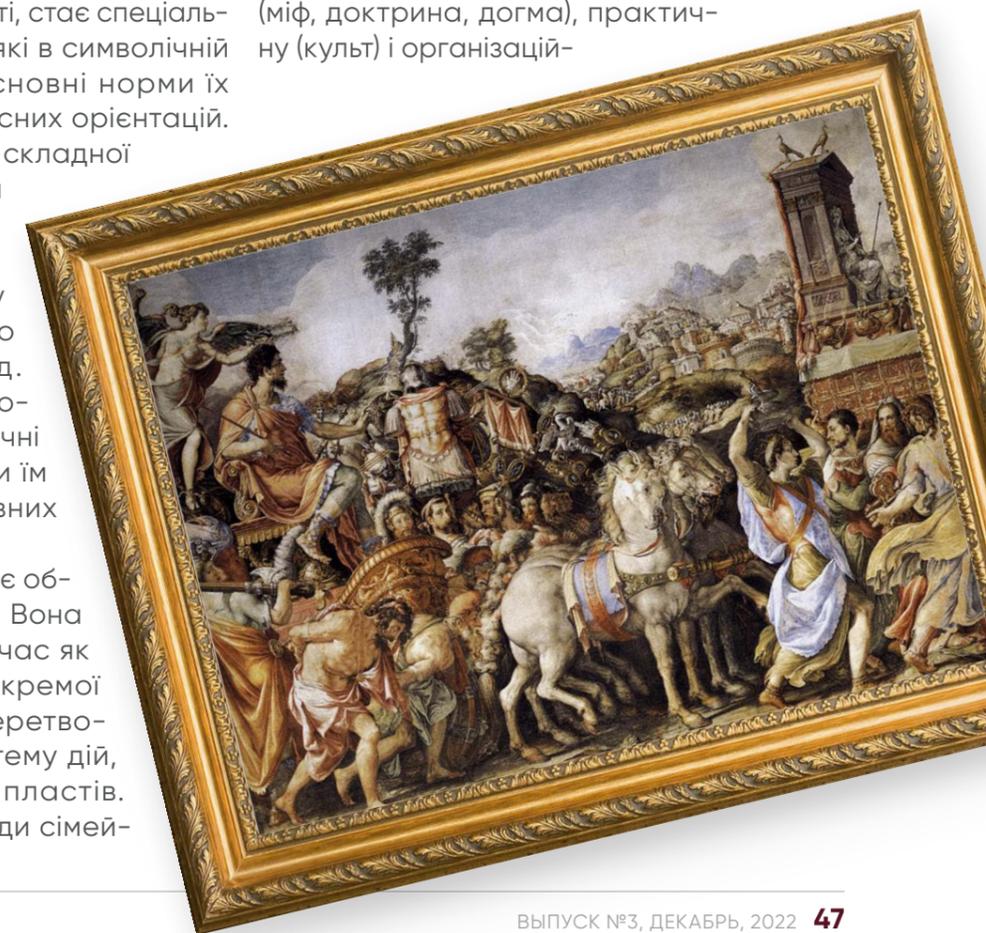
Отже, первісні обряди не мали чіткої диференціації на релігійні та безрелігійні. Вони органічно поєднували в собі елементи одного й іншого. Більше того, тут можна сказати, що обряди первісної епохи синкретично поєднували в собі і релігійні вірування, і моральні норми, і початки художнього освоєння світу. Взагалі в часи первіснообщинного ладу більшість подій в житті роду чи племені одержували традиційне обрядове оформлення. В обрядах в наочній формі ображалось міфічне минуле роду чи племені, усвідомлювалась кровно-родинна єдність первісних спільнот людей, виявлялось прагнення в такий спосіб опанувати тими силами природи, які руйнівні впливали на життя роду чи племені.

З часом з'являються нові обряди, що мають вже більш складний і диференційований характер. Суспільна диференціація призводить і до розмежування в обрядовій/ритуальній сфері. Ритуал перетворюється на окрему сферу діяльності, стає спеціальною системою обрядів, які в символічній формі закріплювали основні норми їх співжиття, вірувань, ціннісних орієнтацій. У формуванні й розвитку складної і розгалуженої системи релігійних обрядів особливу роль відіграли професійні служителі культу (жреці, духовенство), що з'явилися в цей період. Саме вони прагнули виробити конфесійно специфічні системи обрядів, надати їм статус офіційних державних обрядів.

Класичним прикладом є обрядовість Давнього Риму. Вона формувалась тривалий час як професійна діяльність окремої верстви суспільства і перетворилася на складну систему дій, що включало декілька пластів. По-перше, це були обряди сімей-

но-родового культу, походження яких губилося в глибокій давнині. По-друге, аграрні свята і обряди, які тісно пов'язані з річним землеробським циклом. По-третє, обряди офіційного державного культу, пов'язані із поклонінням богам-покровителям Римської держави, в яких мали право брати участь тільки повноправні римські громадяни. Рабам брати участь в цих обрядах категорично заборонялось. Саме тому раби та вільна біднота мали свою особливу мораль, свою систему релігійних вірувань і культових дій.

Науковці неодноразово прагнули визначитися в структурі релігії, виділивши її елементи. Говорячи про внутрішню і зовнішню діяльність людини, частина з них розглядала релігію загалом як органічний комплекс думок, почуттів і поведінки. В ній виділялося чотири сторони – ритуал, емоції, віра, раціоналізація. Інші фокусувалися на релігії як сукупності певних уявлень, настроїв і дій. І таке структурування стало домінуючим в підході до визначення елементів релігії на довгі роки. Представники соціально-типологічного аналізу релігійного феномену (Ю. Левада, І. Яблоков та ін.) виділяють три сфери релігійного вираження: теоретичну (міф, доктрина, догма), практичну (культ) і організацій-

«РЕЛІГІЯ, ЯКА ПОЄДНАНА З БАГАТЬМА ОБРЯДАМИ, БІЛЬШЕ ПРИВ'ЯЗУЄ ДО СЕБЕ»

МОНТЕСК'Є

ну (релігійні групи). Особливістю такого розгляду структури релігії є не стільки виділення окремих її елементів, скільки пошуки зв'язків, переходів, співвідношення між ними, визначення їх місця в даній структурі. В літературі зустрічаємо ще й спроби звести безпосередньо виявлений набір елементів релігії до одного з них (в одних – до міфу, в інших – до почуття або соціальної організації) чи просто подати їх поруч як простий набір, сукупність явищ, зв'язки яких нібито лежать десь поза межами наукового дослідження. Характерна особливість практично всіх таких підходів полягає в тому, що в ролі вихідного пункту розгляду приймається якість уже наявне, видиме протиставлення виокремлених елементів.

Про це свідчать дискусії навколо дилеми «міф чи ритуал», які почалися ще на початку століття і не завершені ще й досі. Вони представлені декількома тенденціями.

Раціоналістична традиція, що з'явилася в епоху Просвітництва, ритуал ігнорувала. Вона підходить до релігії як до різновиду філософського знання, а відтак висуває на перше місце в ній теологію, її концептуальну теорію, зводячи всі інші видимі сторони релігійного життя лише до засобів поширення останньої. «Релігія, яка поєднана з багатьма обрядами, більше прив'язує до себе», – відзначав ще **Монтеск'є** [323 Монтеск'є Ш. О духе законов // Французские просветители XVIII века о религии. – М., 1960. – С. 137]. Ця точка зору тісно пов'язана як з загальним розумінням соціальної поведінки («думка править світом»), так і з спец-

ифічним предметом вільнодумної критики – християнським богослов'ям, яке акцентує увагу на значенні «віри» й протиставляє її ритуалізму попередніх культур, що подаються на цій основі як «недосконалі» або «деградовані». Більш глибокий погляд на релігію мав Гегель. Він вбачав у культурі той внутрішній рух, що знімає протиставлення суб'єктивного духу об'єктивному [Див.: Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х т. – Т. 1. – М., 1976. – С. 260].

Такі висновки базувалися на думках про те, що релігія в первісну епоху була не стільки системою вірувань з практичними додатками, скільки системою фіксованих традиційних дій, яким підпорядковувався будь-який член суспільства. Люди створювали загальні правила поведінки до того, як почали виражати їх загальні принципи в словах. Тому релігійні інститути старші від релігійних теорій. Такий підхід мав істотні вади, оскільки прагнув з'ясувати одним прийомом два, нібито безперечні факти:

- а)** генезис особливої традиційної дії – релігійної;
- б)** генезис «теоретичного» (міфологічного) виду цієї дії. Згодом в суспільній думці (Е. Харрісон, С. Томпсон) запанував тезис про примат ритуалу над міфом і, більше того, про ритуальне джерело міфології. Вважалося, що міфи насамперед є описанням і виправданням певних ритуалів. Лише будучи звільненими від ритуального навантаження, вони можуть використовуватися для описання історичних подій, пояснення явищ природи тощо. Подібні погляди на співвідношення релігійного

міфу і обряду були поширеними в релігієзнавстві радянської доби (С. Токарев, Ю. Францев та ін.).

Проте протиставлення обряду міфу, підхід до них як відокремлених явищ релігійного життя обмежує плідність дослідження релігії саме як соціального феномену. Визначення міфу як системи словесних символів, а обряду як системи символів об'єкту і дії є обмеженими, оскільки зводять розмежування цих елементів до «осмисленого» і «неосмисленого» їх сприйняття, тобто критерієм розмежування роблять те, як усвідомлює ці явища релігійний індивід.

Релігія виступає такою системою, в якій функціонує і віроповчально-концептуальний, і обрядовий її елементи. При цьому ми вважаємо некоректним вживання щодо першого поняття терміну «міф», оскільки в такий спосіб цей визначальний елемент релігійного комплексу розглядається заздалегідь як щось хибно витворене, плід фантазії.

Нас цікавить оцінка зазначених компонентів релігії під кутом зору їхнього місця в системі соціальної діяльності і тих типів масової діяльності, які з нею пов'язані. В цьому аспекті питання про структуру релігії буде розглядатися вже шляхом з'ясування структури релігійної діяльності

або релігійної поведінки. І ось щоб підійти до характеристики релігійної структури саме під таким кутом зору, потрібно відмовитися від протиставлення віроповчального елементу релігії її культовій системі.

Відомо, що жодне релігійне вчення не існує (не є релігійним) поза певною системою його «відтворення», «виконання». Перш за все, очевидним є те, що таким відтворенням є здійснення обрядових дій. Релігійний зміст віроповчальної системи проявляється в тому, що будь-хто, хто вірить в це вчення, повинен обов'язково здійснювати певні обряди. Коли віровчення зобов'язує людей робити це, тоді воно є важливою складовою частиною релігії. Крім того, жодний релігійний акт не є релігійним поза певною системою культових значень. Лише ті рухи тіла, висловлювання, переживання можуть бути віднесені до релігійно-ритуальних, якщо вони несуть відповідне смислове навантаження або є знаками культових відносин, оскільки ритуал – це така ж мова культу, як і її віроповчальний елемент, така ж її знакова система.

Означений підхід до аналізу структури релігії як соціального явища дає можливість віднести і обряд, і віроповчання до одного структурного рівня. **Ю. Левада** вичленовує три таких рівні:

1. **Культурний текст** – сукупність знакових систем, які позначають якимсь чином (в жестах, словах, категоріях) відношення людей до сакрального світу або описують цей світ, священні об'єкти, дії тощо;
2. **Відтворення культурного тексту** – сукупність дій (включаючи і внутрішні, тобто переживання), що приводять в рух культурний текст, перетворюючи його в факт соціального спілкування. Сюди відноситься і виконання обряду, і дотримання визначених релігійною доктриною норм поведінки;
3. **Соціальна організація культури** – сукупність відносин між людьми (різні види спільнот, авторитетів тощо), завдяки яким тільки й може відбуватися відтворення культурних текстів [Левада Ю. А. *Социальная природа религии.* – М., 1965 – С. 107].

Під релігійним культурним текстом слід розуміти сукупність позначень культурних об'єктів, взятих поза культурною дією. Релігійний текст служить в ролі засобу, за допомогою якого відповідна соціальна система керує вчинками і помислами своїх членів. Проте, з іншого боку, цей культурний текст можна розглядати як спосіб фіксації релігійної мови, хоч ці способи не можна ототожнювати один з одним.

Відтворення релігійного тексту означає відновлення тих ситуацій, які в ньому зафіксовані. Саме в цьому процесі виявляється людське, соціальне значення даного тексту, його реальний і релігійний зміст. Відтворення ж тексту є елементом культури лише тоді, коли воно постає як відтворення релігійного відношення окремої людини чи ж людських спільнот до відповідних об'єктів. Це має певне місце при звершенні релігійною общиною або окремими її членами необхідних обрядів. В релігійному обряді відтворення визначених зовнішніх дій (звуків, жестів) супроводжується відтворенням відповідних внутрішніх дій (переживань, уявлень).

Грані релігійного обряду/ритуалу історично змінні. Існує величезна кількість їх видів, виконання яких входить в певну

систему релігійно-культурних відносин. Якщо культурний текст діє тільки в процесі свого відтворення, то останнє можливе лише в рамках певної системи відносин людей, яку ми називаємо соціальною організацією культури. До останніх відносяться ті специфічні відносини між людьми і суспільними групами, які складаються та закріплюються в культурних діях. Оскільки ці відносини проходять через суспільну свідомість, вони можуть бути віднесені до суспільних відносин.

Релігійно-культурні відносини становлять сторону або частину суспільних відносин, але це не відносини віруючих людей між собою і не відносини між певними релігійними ідеями, а такі відносини і зв'язки між людьми, які виражені за допомогою релігійно-культурних дій і відносяться до їх релігійних уявлень, оцінок, переживань.

Значна частина дослідників релігії, як засвідчують це видання останніх років, в з'ясуванні структури релігії залишаються на позиціях трьохскладового її поділу – вчення-концепти, почуття, культ. Але, знаходячись на цій точці зору, говорити про первинність релігійного культури щодо релігійної свідомості – це не розуміти те, що обряд стає релігійним лише як символічна реалізація релігійних вірувань. Релігійні ж відносини і релігійні ж організації формуються внаслідок відправлення культурних дій, а відтак на основі індивідуальних релігійних вірувань і уявлень, що притаманні взаємодіючим індивідам. Отже, релігійна свідомість виступає в ролі стрижня всієї релігійної надбудови. Всі інші структурні компоненти релігійного комплексу формуються на її основі і безпосередньо пов'язані з нею.

Не вдаючись до детального аналізу релігійної надбудови, відзначимо, що кожен з основних її компонентів наділений певною внутрішньою структурою, яка підлягає соціологічному аналізу. Так, релігійна свідомість включає богословську, філософську та соціально-політичну доктрину, які пропагуються Церквою, а також релігійну психологію – реально функціонуючу релігійну свідомість рядових віруючих, що постає в ролі мотиву їхньої поведінки. Певні

компоненти можуть бути виділені і в структурі релігійного культури (проповідь, сповідь, молитва та ін.) і в релігійних організаціях (клір, миряни).

Релігійний обряд/ритуал, як і релігія взагалі, впливає на суспільство в декількох взаємопов'язаних між собою напрямках. Іншими словами, релігійним обрядам характерна певна система соціальних функцій, які інтегрально характеризують вплив обряду на суспільне життя. Цей вплив може мати як прогресивний характер, що виражається у його сприянні поступальному розвитку суспільства, переходу на більш високі щаблі, так і деструктивний, що виявляє себе у перешкоджанні висхідному розвитку. Враховуючи загальну тенденцію обрядів до традиціоналізації, а відтак до тривалої усталеності, відзначимо те, що вони в деяких випадках просто консервують вироблені форми взаємозв'язку людини та суспільства в його релігійному дискурсі.

Враховуючи зазначене, соціальну роль релігійних обрядів визначаємо як сукупність функцій, що виконуються ними в конкретних історичних умовах. Специфіка соціальної ролі релігійних обрядів в конкретних історичних умовах визначається перш за все тим, якими є соціальні установки їх виконавців, чи підтримують вони і освячують існуючу систему певних відносин в суспільстві, а чи ж навпаки – протистоять їй. Одним із аспектів цієї специфіки є проблеми співвідношення обряду

і культури. В цій площині постає питання, чи має обряд завжди репродуктивний характер, тобто постає простим відбитком, копіюванням вже досягнутого, а чи ж несе в собі елемент творчості, тобто створення нового і оригінального заради якихось задумів.

Відзначимо все ж, що співвідношення репродуктивності та творчості в ході історичного розвитку обрядовості постійно змінюється. Як правило, доля репродуктивного елемента поступово знижується, а доля

творчого – збільшується. Але врахуємо той факт, що релігія, зокрема релігійний обряд, відносяться в основному до репродуктивних елементів культури. Як вже зазначалося, релігійні обряди – консервативні за своєю природою, внаслідок чого вони утримують в собі здатність протидії будь-яким змінам і нововведенням. Це цілком зрозуміло з точки зору гносеологічного змісту релігійних вірувань: утверджуючи абсолютну істину своїх концептів, будь-яка релігія декларує в такий спосіб вічність і незмінність свого догматичного змісту, який нібито не залежить від умов місця і часу. Догматичність релігії закріплюється в релігійному культі, що постає як система традиційних релігійних обрядів, які формують певні стереотипи в свідомості та поведінці віруючих і через які церква визначає і водночас контролює їх підпорядкування канонам і нормам віри. Так, виконуючи функцію культурного ретранслятора від покоління до покоління, релігійний обряд закріпив і розвивав мистецтво іконопису, різьблення іконостасів, виготовлення різного церковного начиння, одягу, формування музичного супроводу богослужіння, художнього оздоблення внутрішнього простору храмів і взагалі їх розбудову і т.ін.

Очевидним є те, що з'ясувати соціальну роль релігійних обрядів неможливо без вивчення особливостей функціонування релігійних груп та інститутів, в рамках яких і за допомогою яких ці обряди здій-

снюються. А між тим саме завдяки наявності в суспільстві таких груп та інститутів релігійний обряд існує й функціонує. Без визначення місця та ролі цих чинників неможливо побачити і зрозуміти функціонування релігійних обрядів в суспільстві, їх зв'язок з іншими надбудовними системами, їх вплив на окремого індивіда.

Ритуал/обряд є засобом символічного відтворення сакрального часу. Через них сакральне пронизує всі сфери життя, вступає в контакт з повсякденним життям людей, допомагає віруючим в такий спосіб глибше проникати у сферу священного. Тим самим ліквідується безодня між сферою священного, надприродного і профанного в людському бутті, надається можливість віруючій людині набути життєвої чистоти і у визначений час спокійно залишити цей нечистий, грішний світ. Подібний перехід, як правило, знаменується ритуальним актом відродження, який є складовим елементом будь-якого релігійного обрядового дійства. Таким чином, релігійний обряд, якщо розглядати його в широкому сенсі, постає насамперед як відповідь священному. Форми такої відповіді – перш за все масові та індивідуальні культу, а також ритуальні акти, порядок виконання яких регламентується традицією.

Особливістю релігійних обрядів є те, що вони надають всьому життю людини пев-

ну розміреність, цілеспрямованість, можливість регламентувати його, приурочувати до чогось, відчувати його продуктивність і отримувати від нього радість і задоволення. Вони своєрідно розмінюють життєвий простір людини на окремі періоди, сфери, які наділяються ним своїм власним сакральним сенсом. За допомогою релігійних обрядів здійснюється також освячення тієї чи іншої території і встановлюється там такий порядок, який свого часу нібито був санкціонований священним, надприродним чином.

Саме за допомогою релігійних обрядів певні ріки, гори, людські будови, а насамперед храми, гробниці і міста стають «воротами», «сходами», «центром» або «стовпом», що поєднує Небо і Землю. Таке священне місце в свою чергу дає можливість сакральній енергії через обряди вливатися в людське існування і надавати життя віруючих стабільності і порядку.

Таким чином, виміри сакрального і його вплив на життєдіяльність людей здійснюється за допомогою релігійних обрядів. Саме цей елемент культової діяльності сприяє осягненню сакрального і його впливу на суспільне життя як на рівні індивідууму, так і на рівні релігійних общин. Він сприяє також формуванню соціальних відносин між людьми в рамках релігійної общини, а також формує здатність розглядати ці відносини як

один із вимірів, через який проявляється сакральне. В такий спосіб уявлення про прояви сакрального поширюються на соціальні відносини віруючих через релігійні обряди і ритуали. В них сакралізуються людські цінності за допомогою певних соціальних обмежень, які приписують зокрема вірним, що можна вживати в їжу, з ким брати шлюб, чи можна вести війни тощо. Ці встановлені спільнотою вимоги формують вищезгадані відносини, які, так би мовити, є сакральними, оскільки несуть на собі знаки граничної, вічної, надприродної сили.

Релігійний ритуал чи обряд постає як така форма соціальної поведінки віруючого індивіда, що розкриває його відношення як до сакрального, так і до профанного (мирського). Їх функція в суспільстві полягає в тому, що вони регламентують взаємовідносини людей з сакральним, слугує нібито містком, по якому здійснюється перехід від мирського до сакрального і навпаки. Виконуючи цю функцію, обряд/ритуал викликає у віруючих почуття благоговіння, страху і любові, які переживаються ними щодо священного. Він набуває символічного характеру щодо сакральної діяльності.

Отже, якщо релігія із своїми канонами віри й культу існує в межах суспільства, то вона так чи інакше пов'язана з тими суспільними процесами, що відбуваються в ньому, більше того вона своєрідно відгукується на ці процеси. Релігійна діяльність конфесій, груп виходить за межі релігійного і починає, як і кожне суспільне явище, виконувати певні соціальні функції.

Без ритуалу релігія частково втрачає свою традиційну релігійність. Небезпечним є заміна ритуалу релігійно-моральним життям, або, навпаки – ідентифікація культу з релігією взагалі, розгляд останньої лише як релігійної діяльності. Обидва ці підходи шкідливі як для самої релігії, оскільки виводять її за власні межі або ж підмінюють релігійність ритуалізмом. Культ, як особистісний, так і громадський, відповідає потребам релігійного духу, що в останній спосіб прагне виразити своє вшанування Всевишньому. Як це слушно зауважує **К. Тиле**, «істинний культ є для людини серйозною дією, в якій він бере участь

всією своєю душею, який за своєю суттю завжди є жертвоприношенням, смиренням і посвяченням» [Тиле К. Основные принципы науки о религии // Классики мирового религиоведения. – М., 1996. – С. 187].

Релігійний обряд/ритуал – це не тільки форма прояву певних думок і почуттів, це ще й емоційно насичена форма. Обрядовий процес, системно регламентований в ритуалі, неможливий без емоційного забарвлення, взаємодії душевних станів віруючих, відчуття своєї співучасті в чомусь. Тому, беручи участь в обрядових дійствах, люди тією чи іншою мірою реалізують свою потребу в духовному спілкуванні.

Обмінюючись між собою інформативним матеріалом, отриманим під час виконання обрядових дій, вони, в силу своєї суспільної природи, водночас обмінюються між собою почуттями, діляться переживаннями. При цьому відзначимо те, що релігійна обрядовість постає в ролі специфічного засобу продукування позитивних емоцій, настроїв. Саме підвищена емоційна тональність обряду, що надає йому відповідну виразність, становить його сильну сторону, надає обряду особливу привабливість і дієвість.

Співпереживання, яке виникає в процесі участі віруючого в обрядовій дії, підсилює і поглиблює його індивідуальні переживання і настроює їх на переростання в колективні. При цьому «спрацьовує» своєрідний механізм «емоційного зараження», який іманентно притаманний самій обрядовій дії.

Таким чином, **релігійний ритуал/обряд – це суворо регламентована, урочиста, символічна форма емоційно-психологічного спілкування людей певного віровизнання з приводу певних чинників, які визнаються як цінність.** Але тут слід зазначити, що специфіка обрядовості будь-якої релігійної системи не зводиться тільки до якихось одних (нехай навіть домінуючих) моментів. Лише в сукупності, у взаємозв'язку всіх зазначених вище основних суспільно-функціональних сторін проявляється своєрідність обряду як соціального утворення.

ИНТЕРВЬЮ

РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР – МИР РАЗЛИЧИЙ И ВАРИАЦИЙ

Нам выпала честь побеседовать с профессором Массимо Интровинье, который преподавал социологию религии в Папском Салезианском университете и религиоведение в Папском университете Царицы апостолов. Представляем вашему вниманию эту беседу.

– Профессор Интровинье, бытует такое мнение, что человек не может жить без веры. Подскажите, пожалуйста, возможно, по этой причине с каждым годом появляется все больше и больше религиозных движений?

– **Интровинье:** Это явление не новое. Как говорил великий ученый-религиовед **Родни Старк** (который умер в этом году):

«Дело не в том, что в прошлые века не было новых религий, просто в прошлые века их не изучали социологи».

Но очень вероятно, что в течение первых столетий нашей эры и в эллинистический период было больше новых религий, чем сегодня, в том числе некоторые из них стали очень успешными, включая христианство. Только в XX веке начала зарождаться социология религии как более широкая область науки, а затем – социология новых религиозных движений, которая как автономная область исследований начала существовать в 1960–70-х годах.

Сегодня мир считается секуляризованным, но на практике мы видим совершенно другое. Люди нуждаются в религии. И пусть даже есть те, кто пытаются отрицать Бога – атеисты, они все равно будут в меньшинстве. Сейчас в Италии 9% атеистов и агностиков – это 5–6 миллионов. С одной стороны, это значительная цифра, но, с другой стороны, 91% населения – верующие люди, которые нуждаются в религии. И снова обратимся к словам **Родни Старка:**

«Религиозные движения обычно рождаются на обочине».

Он считает их маргинальными явлениями, культурами, или явлениями с сомнительной репутацией. Так было с христианством, когда

PH.D МАССИМО ИНТРОВИНЬЕ

Преподавал социологию религии в Папском Салезианском университете и религиоведение в Папском университете Царицы апостолов. Является автором около 60 книг на итальянском языке и более 100 статей в научных журналах, посвященных таким темам, как новые религиозные движения, религиозный плюрализм в современном обществе и современный западный эзотеризм. Главный редактор книжной серии *Studies in Contemporary Religion*.

оно зародилось: понадобилось несколько столетий, чтобы христианство продвинулось от периферии к центру. Но, в то же время, в маргинальных движениях всегда есть люди, заинтересованные в новом альтернативном и антисистемном опыте. Поэтому, когда одна религия перемещается в центр, то на периферии рождаются другие религии. Какие-то из них останутся где-то в стороне или даже исчезнут, но будут и те, которые переместятся в центр, например, такие как Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (Мормоны) в США. Таким образом, группы рождаются «на обочине» и пытаются продвинуться в центр. И такое движение продолжается на протяжении всей истории.

– Каждая религия или вероучение сопровождается определенными ритуалами, традициями, таинствами. Что такое ритуал? Что он должен в себе нести? Он к чему-то должен побуждать или как-то ограничивать человека? По Вашему мнению, как возникают ритуалы и какой смысл они несут или должны нести в себе?

– **Интровинье:** В истории социологии и антропологии религии существует давняя дискуссия на эту тему. Прежде всего, все зависит от определения ритуала. Сегодня есть социологи, такие как **Рэндалл Коллинз**, которые активно проводят исследования в области микросоциологии, они дают очень широкие интерпретации ритуалов и определяют людей как «ритуальных животных». Но для них ритуал имеет более широкое значение, нежели просто религиозный ритуал. Например, Коллинз считает, что, когда

люди говорят «доброе утро» или «добрый вечер» – это тоже является ритуалом. Возможно, утро совершенно не доброе, может быть, был ужасный день, но люди все равно говорят «добрый вечер», и это является микроритуалом. Религии также приходят к подобному опыту общения и применения микроритуалов.

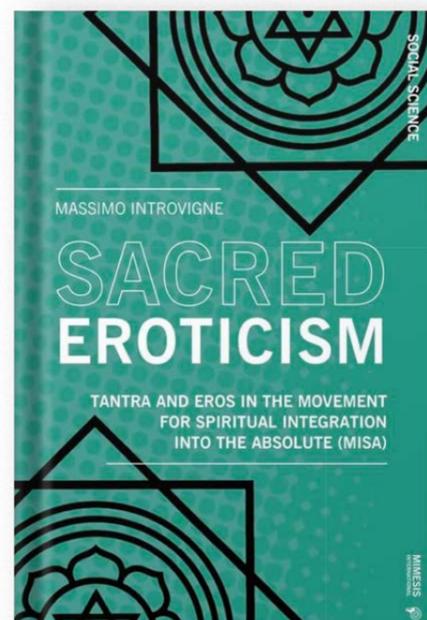
Одни религии склонны к индивидуальной молитве, а другие, наоборот, склонны к созданию сообществ. Римско-католические или православные верующие любят проводить церковную мессу, которая отличается от протестантской службы, и еще больше она отличается от пятничного намаза в мусульманской мечети. Если религии с целью создания сообщества используют одни ритуалы, точно так же и политические силы для создания сообщества применяют свои ритуалы – это национальные праздники или церемонии, определенные спортивные мероприятия, которые собирают целые нации. (Конечно, ритуалы везде разные).

Сегодня очень серьезно изучается проблема религии, возникшая как следствие COVID-19. Дело в том, что во время пандемии, мусульмане, например, запрещали совершать паломничество, а католики в Италии собирали воскресную мессу и даже пытались проводить ритуалы не в церквях, а онлайн – в Zoom. Однако они обнаружили, что такая месса слишком сильно отличается от традиционной. И после того, как закончился карантин и возобновились службы в церкви, выяснилось, что люди отвыкли ходить на службы в церковь и соблюдать все ритуалы. А снова привить им эту привычку будет не так-то просто.

– Расскажите, пожалуйста, о малоизвестных ритуалах. Такие ритуалы, как крещение или венчание в разных религиях, достаточно известны. Возможно, есть малоизвестные ритуалы? В чем их особенности?

– Интровинье: Моя последняя книга, которую я только что опубликовал на английском языке, называется «Священная эротика» («Sacred Eroticism»). И она о ритуале, который, можно сказать, основан на эротике. Дело в том, что они не хотят использовать

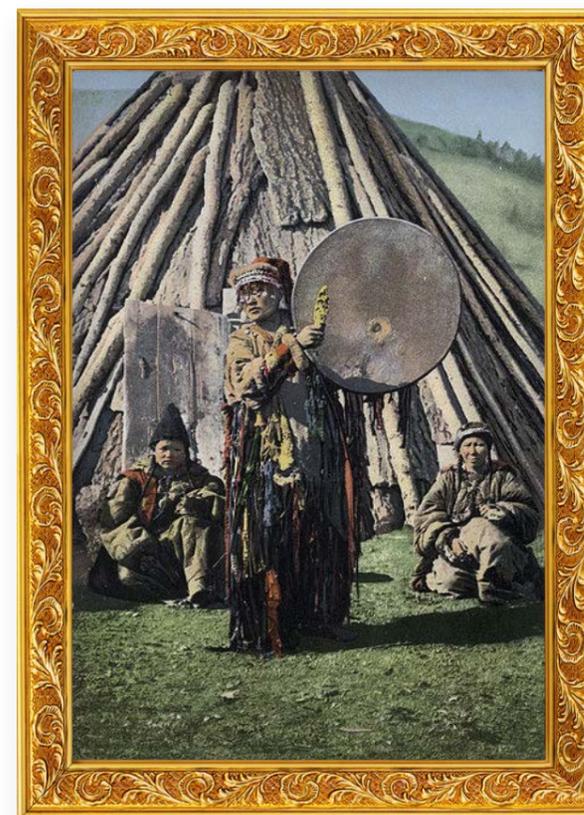
слово «секс», потому что для большинства религиозных групп сексуальность является чем-то низменным, в то время как то, что может быть ритуализировано – это скорее эротика, а не секс или сексуальность. Безусловно, на самом деле это очень старая традиция, потому что существуют тексты, которым не менее 1500 лет, об индийском тантризме и о китайском мистицизме, где мужчина и женщина проводят различные ритуалы во время сексуального союза, чтобы достичь просветления и даже бессмертия. В Китае говорят, что с помощью этих техник вы можете достичь не только духовного бессмертия, но даже физического, по крайней мере, в том смысле, что вы можете прожить очень долгую жизнь. Даже есть истории, – конечно, неизвестно, правдивы они или нет, – о китайских мудрецах и мастерах, которые применяли эти техники и прожили 150–200 лет. Подобные истории мы находим и в Тибете, и в Индии. Другими словами, в данном случае речь идет не об обычном половом акте: ему предшествуют и завершают его молитвы и медитации. Также имеют место самые современные примеры новых религиозных движений, которые пересматривают эти особенности индийских тантрических техник. Во многих старых и новых религиозных движениях говорится о половых актах без эякуляции, то есть без использования мужского семяизвержения,

что опять же делает их более ритуализированными. И в этом значительное отличие от обычного полового акта, приводящего в некоторых случаях к зачатию детей. Конечно, это подчеркивает безусловный ритуальный аспект. И, как я уже отмечал, в Азии, Индии и Китае это также является очень старой традицией, которая существует во многих культурах. Есть новые религиозные движения, подчеркивающие *священную эротика*. Я считаю, что это пример того, что мы можем назвать ритуалом, однако они не так распространены.

В новых религиозных движениях есть и другие виды ритуалов, которые также связаны с очень старой традицией. В качестве примера можно вспомнить традицию использования костей, чтобы вступить в контакт с духами предков. Сейчас этот ритуал встречается в одном из новых религиозных движений, но он существовал давно в Сибири среди шаманов. Еще достаточно интересно то, что западные движения XX века, у которых есть практика использования костей, чтобы войти в контакт со своими предками, также появились в Центральной Азии, например, Казахстане. Кстати, такие движения не очень хорошо воспринимаются властями, и когда они приходят в Россию, то их называют тоталитарными сектами или культурами. В каком-то смысле эти движения новы, но при этом они восходят к очень древним шаманским практикам, которые вовсе не являются новыми, и, возможно, в Средней Азии существовали уже 1000 или даже 2000 лет назад.

– Могли бы мы сравнить современные ритуалы, которые появляются сейчас, и ритуалы, которые появились 100 лет назад? Вы как ученый могли бы рассказать, как они изменились? Можем ли мы их сравнить, или увидеть кардинальные

различия? И почему с течением времени ритуалы в религии меняются?

– Интровинье: Это зависит от того, к какой традиции относятся ритуалы, потому что некоторые из них очень сильно изменились. Например, католическая церковь, которая в 60–70-х годах прошла через очень глубокие реформы. В некоторых ритуалах католической церкви латинский язык заменили на местные языки: в США – мессы проводятся на английском языке, в Италии – на итальянском. Также старая григорианская музыка была исключена в обязательном порядке и заменена чем-то вроде современной поп-музыки или церковной версией эстрадных песен. И, конечно, не все с этим согласны, были своего рода движения сопротивления. В некоторых случаях церковь старалась пойти им навстречу, создавая небольшие отдельные группы, но по-преж-

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ РЕЛИГИИ МОЖЕТ. ОБЩЕСТВО – НЕТ»

РОДНИ СТАРК

нему контролируя их. В то же время, традиционалисты, которые категорически были против таких нововведений, вышли из католической церкви и основали отколовшиеся группы.

Кроме того, в Италии существует явление, которое проявлено не слишком широко, но при этом крайне значимо. Речь идет о некоторых последователях, которые переходят из католической церкви в православную церковь, — либо в русскую, либо в греческую, — потому что, как они говорят, православная церковь никогда не менялась. Она до сих пор практикует старые ритуалы, в отличие от католической церкви, которая модернизируется и становится «не очень красивой»: в ней проявляется поп-культура, массовое пение и новые ритуалы. Некоторые люди действительно хотят чтить традицию. И, конечно же, в католицизме есть люди, которые хотят создать новые ритуалы, используя современную музыку, поп-музыку, рок-музыку и даже протестантскую метал-музыку. Более того, они хотят заимствовать ритуалы из современного искусства или поэзии. То же самое мы видим в прогрессивной реформе иудаизма. Так что есть очень разные люди: кому-то нравятся традиции, отсюда и популярность право-

славных обрядов, которые в принципе не изменились, а кто-то ищет модернизации и новшеств.

– Почему люди одной конфессии очень нетерпимо относятся к людям другой конфессии? Почему они считают, что все должны принадлежать к одной, а именно к их конфессии? Все почему-то стремятся к этой массовости. Но как мы знаем, массовость — это некий психоз... По Вашему мнению, почему это происходит?

– Интровинье: Опять же, **религиозный мир — это мир различий и вариаций.** И тем не менее, это верно для одних религий и неверно для других. Например, ортодоксальный иудаизм не в восторге от изменений и новых членов. Ортодоксальные евреи считают, что их религия существует исключительно для этнических евреев и, если человек не родился евреем, то обратиться в эту религию практически невозможно. Человеку необходимо пройти годы испытаний. И, в конце концов, ортодоксальные евреи (они отличаются от прогрессивных евреев-реформаторов) считают, что человек должен соблюдать более 300 заповедей, в то время как христианин соблюдает только 10 заповедей и все равно попадает

в рай. И если к ним придет человек, то они спросят его: «Вы дурак? Почему Вы хотите соблюдать 300 заповедей вместо 10-ти?»

Дело в том, что у них есть «Принцип Ноя», который означает, что не-евреи, соблюдающие лишь 10 заповедей, все равно находятся под властью Ноя, они также будут спасены и попадут на Небеса. Так что незачем обращаться в иудаизм, если твоя мать не была еврейкой. (Ведь в иудаизме важна религия твоей матери, а не твоего отца).

В католической церкви также нынешний Папа цитировал Папу Франциска, который много раз говорил, что люди могут быть спасены во всех религиях. Опять же, вам не нужно становиться католиком. Конечно, для некоторых людей это нонсенс и ересь, но это часть прогрессивно-либеральной традиции в католической церкви.

В противовес этому существуют религии и движения, которые против такого подхода. Например, в исламе считается, что все рождаются мусульманами, а потом родители уговаривают детей принять другую религию. То есть они считают, что мы все родились мусульманами, так что нам просто нужно напомнить, что мы мусульмане.

В целом большинство новых религий, за некоторыми исключениями (некоторые эзо-

терические группы, которые просто хотят заниматься своими делами), конечно же, хотят вырасти и стать широко распространенными. Большинство просветительских групп, такие как Мормоны или Свидетели Иеговы, которые считаются сравнительно новыми религиями, — несмотря на то, что им уже 100 или 200 лет, — хотят стать главной мировой религией. Они очень прозелитичны.

Еще ответ на ваш вопрос о некоторых религиозных движениях лежит в *богословии*. Согласно некоторым религиям, при наступлении Конца Света (некоторые из них верят, что скоро наступит Конец Света) выживут только члены этой религии, или же только члены этой религии в новом мире будут жить хорошо. В этом случае вы все еще можете выжить, если вы не член этой религии, но вы будете, скажем так, *гражданином второго сорта*. Обращая вас в свою религию, они делают вам одолжение, потому что, когда наступит Конец Света, и вы будете исповедовать их религию, вы будете в гораздо лучшем положении. Потому что все в ваших руках. Для них это — альтруистический поступок, потому что в ваших же интересах принять их религию.

ЧТО ЕВРЕЮ ОТ ЕГО БОГОИЗБРАННОСТИ? ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Мне хотелось бы сказать о том, что, по-моему, значит быть евреем. Думаю, что это не только означает соблюдать религиозные установления и выполнять их. Для меня быть евреем означает и всегда означало – гордиться тем, что принадлежишь к народу, в течение двух тысяч лет сохранявшему свое своеобразие, несмотря на все мучения и страдания, которым он подвергался. Те, которые оказались неспособны выстоять и избрали отказ от еврейства, сделали это, думаю, в ущерб собственной личности. Они, к сожалению, обеднили себя.

Одна из основателей государства Израиль, 4-й Премьер-министр Израиля
Голда Меир

Golda Meir

В прошлой статье мы рассмотрели первый элемент богоизбранности – жертвенность. Пришло время разобраться со второй составляющей, которая называется «индивидуальность».

Для евреев вопрос возможности где-то учиться, работать, занимать какие-то должности даже не рассматривался, а практически сразу пресекался на корню, и даже государю императору напрямую задавался вопрос: «Можем ли мы всех евреев потопить в Черном море?». Из этого можно сделать вывод, что они опасались того, что евреи всенепременно заполнят все ВУЗы и займут высокопоставленные должности. Но если посчитать и сопоставить в процентном соотношении число евреев и общее число русских в государстве, то евреев на фоне всех русских и других народов, кто проживал на территории российского государства в начале XX века, будет совсем мизерное число. Возможно, даже 0,001% не наберется от всего населения Российской империи. Так что же мешало всей этой массе людей проникнуть в образовательные учреждения? Как вы понимаете, звучит это все странно и абсурдно. Или государь император настолько не верил в свой народ и поэтому опасался каких-то «страшных» евреев, которых было единицы по сравнению со всей Российской империей.

Исторические события всегда отражались в стихотворных формах, иногда их сочинял народ, а порой автор произведения оставался неизвестен. Как по мне, наиболее точно «еврейский вопрос» в начале XX века описал Михаил Танич вместе с Сергеем Коржуковым в песне «Еврейское местечко», поэтому предлагаю вам ознакомиться с текстом этой песни:

PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

«Еврейское Местечко»

(музыка – С. Коржуков, слова – М. Танич)

Еврейское местечко с синагогой
И с ворохом гешефтов и забот...
Рождённый под звездой его убогой,
Я в нём не жил – оно во мне живёт...
Местечко, местечко –
Над крышей дым колечком.
Упала на крылечко
Субботняя звезда.
А в доме нет лада
И ехать всё же надо.
Ой, кто бы подсказал бы
Откуда и куда...
Местечко поднималось из пожаров,
Горевшее, как наши семь свечей.
Мы дали миру много комиссаров,
Но, слава Богу, больше скрипачей.
Местечко, местечко –
Над крышей дым колечком.
Упала на крылечко
Субботняя звезда.
А в доме нет лада
И ехать всё же надо.
Ой, кто бы подсказал бы
Откуда и куда...
Красавицы у нас – что это чудо!
И потому детишек полон дом.
И от куриной шейки до Талмуда
Мы ничего на веру не берем.
Местечко, местечко –
Над крышей дым колечком.
Упала на крылечко
Субботняя звезда.
А в доме нет лада
И ехать всё же надо.
Ой, кто бы подсказал бы
Откуда и куда...

Многие отмечают гениальность **Ми-хаила Танича** в том, что он, как никто другой, мог поставить акценты именно там, где нужно, а также его потрясающую способность одним предложением, одной фразой передать всю суть — «мы миру дали много комиссаров, но слава Богу, больше скрипачей».

Такое отношение государственной политики к евреям заставило их из интеллигентных, образованных, умных и трудолюбивых, прошедших специальную индивидуальную систему подготовки преобразиться и мутировать. Дело в том, что все, что в мире происходит — это дело рук человеческих, а не божественных. К сожалению, ни один субъект в мире совершая определенный поступок, никогда не задумывается о его последствиях. А когда это происходит на государственном уровне и касается большой массы людей — последствия коснутся всех. Я как эксперт-криминолог стоял, стою и буду стоять на одной и той же позиции: **именно государство виновно в существовании преступности, именно оно сделало все для того, чтобы преступность росла и развивалась.**

В фильме «*Статский советник*», снятом по книге Бориса Акунина, очень красочно это продемонстрировано. Фильм начинается с убийства ножом министра Храпова. Но этому убийству предшествовала целая череда исторических событий, оно не произошло на ровном месте. Сначала нужно было устроить погром в Гомеле. В этом погроме нужно было посадить в тюрьму Грина, одного из главных героев противостояния, а затем отправить его на каторгу, после чего он сбежал с этой каторги, затем стал руководителем БГ, а, к слову, чтобы у эсеров стать руководителем БГ, нужно было сильно «постараться», то есть убить огромное число людей и только после этого убить министра Храпова. Этот фрагмент показывает, что причиной убийства Храпова стал погром в Гомеле, а не желание Грина убить Храпова.

Поэтому, когда государство устраивает погромы, создает ужасные условия для жизни, ставит евреев в худшее правовое

положение для «уравниловки», отбирает и издевается над ними на протяжении долгого промежутка времени, оно должно понимать, что в итоге получит глобальное подполье, которое потом начнет убивать их же самих.

Возможно, кто-то не исследовал этот вопрос, но к 1905 году эсеры провели более 1000 спецмероприятий, то есть 1000 убийств на территории Российской империи в отношении чиновников. В составе эсеров преобладающим числом людей были евреи. Как вы думаете, кто это все организовал? Государство российское в лице государя императора.

Чтобы понять, какая реакция государства была на те события, обратимся еще к одному фрагменту из фильма «*Статский советник*»:

Фандорин:

— Я думал, Вы карьерист и интриган, а Вы провокатор и государственный преступник. Все акции БГ — Ваших рук дело. Хотите доказательств?

Пожарский:

— Нет, не хочу. Сейчас начнете нудить, пальцы загибать: это раз, это два, это три... А у меня времени нет. Мне нужно быстренько жирную точку на этом деле поставить. Вы чего хотите мне сказать-то? Что я предводитель террористов? Дальше что?

Фандорин:

— Как это «что»?

Пожарский:

— Ну, так что? Что у Вас есть? Умоzakлючение? Следов я не оставляю. Для любого нормального человека то, что Вы можете ему рассказать, это бред. Вам не поверит никто. А умоzakлючение свое Вы можете засунуть себе в «портмоне».

Фандорин:

— Потрясающе! Скажите, пожалуйста, а зачем Вам понадобилась эта гадость?

Пожарский:

— Ой, как же так? Что ж Вы, Фандорин, спасение отечества гадостью называете? Вот уж непонятно.

Фандорин:

— А Вы это все «спасением отечества» называете?

Пожарский:

— Именно, мой друг! Мои враги двух видов: салонные тупицы, бездарностью своей разваливающие государственную машину изнутри, и террористы, которые пытаются сделать это снаружи. Кто из них более опасен? По совести сказать, я пока не знаю. Но и времени нет, Фандорин. Еще пару лет и развалит Россию не те, так эти.

Фандорин:

— И Вы поэтому...?

Пожарский:

— Да! Черт побери, да! И поэтому я свой ум, свой талант, свою храбрость, свое трудолюбие употребил на то, чтобы создать тончайший механизм. Он действовал тихо, точно, безотказно. Как вот этот Breguet. К слову сказать, подарок императора. Руками товарища Грина я расчищал дорогу России. Этих тупоумных становилось меньше. Воздух чище. Дышать легче. А тот, кто поймает БГ, которое напугало всех до смерти, может потребовать чего угодно, и ему дадут столько, сколько сможет унести.

Фандорин:

— Чего?

Пожарский:

— Чего угодно! Кому денег хочется, кому власти.

Фандорин:

— Хорошо, а если не дадут?

Пожарский:

— О! А если не дадут, то появится новая БГ, и похлеще старой.

Фандорин:

— Стало быть, Вы себе дорожку расчищаете, а не России?

Пожарский:

— Я себя от России, в отличие от Вас, Фандорин, не отделяю. Что выгодно России — выгодно и мне. И наоборот, надеюсь.

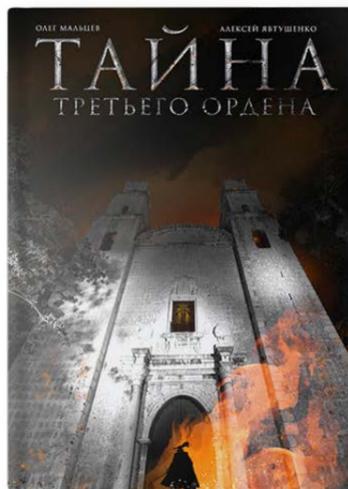
(фрагмент фильма «*Статский советник*» по одноименной книге Б. Акунина)

Данный пример еще раз демонстрирует, что именно государство, а точнее его руководство, своими собственными руками создало криминальное сообщество на своей территории. Государство создало евреям такие условия, которые повлекли за собой «духовное мутирование» евреев в Российской империи. И эта «мутация» в результате достигла наивысшей мировой формы. Причем пример с убийством Храпова — это еще «цветочки». вспомните, как убили Троцкого ледорубом в голову. Не пистолетом, не ножом, а именно ледорубом.

вспомните таких личностей, как **Яков Исаакович Серебрянский**, полковник госбезопасности, руководитель спецгруппы особого назначения, который родился в бедной еврейской семье, а его отец был подмастерьем у часовщика и погиб в Минском гетто. Сам же Яков в результате всего, уже в 16 лет вступил в ученическую организацию эсеров-максималистов и в итоге стал отцом мировой технологической диверсии. Советский разведчик, генерал-майор государственной безопасности **Наум Исаакович Эйтингон** родился в черте оседлости в еврейской семье конторщика бумажной фабрики и уже в 6-летнем возрасте пережил еврейский погром в родном городе Могилеве. Как результат, впоследствии Эйтингон стал гением телепортации живой формы с одного света на другой. Таких примеров можно привести сотни — до чего довели евреев. Они такими не родились, их такими сделал государь император и его приближенные.

Те, кто считали, что евреи неспособны быть героями и совершать героические поступки, посмотрите на статусный список

всех героев Советского Союза. Евреи в процентном отношении занимают чуть ли не первое место по количеству героев в СССР. Что касается женщин — это вообще отдельная тема для разговора, так как существует немало примеров, когда женщина, не знающая и не умеющая вообще ничего, с точки зрения военной подготовки, ехала за границу и творила там чудеса.

отрицательными. «Отрицательность» — является своего рода залогом продолжения существования еврейского рода. В какие бы условия вы ни поставили евреев, вам потом мало не покажется. Так как в душе еврея существует некий предохранитель, который не дает исчезнуть еврейскому роду — предохранитель этот с отрицательным знаком.

Сколько бы мнений ни существовало о евреях хороших, а еще больше — о плохих, но по какому-то странному стечению обстоятельств, после развала двух империй — Российской и Испанской, еврейская форма вышла на передний план и сегодня в мире является центральной.

Возможно, кому-то это покажется странным, а кто-то задумается над тем, почему в Украине говорят «казачьему роду нет переводу». Казачий род, у которого нет перевода — это некий еврейский прототип. Который подтверждается моими трехлетними исследованиями украинской идентичности. В 2020 и 2021 гг. состоялись две украинские экспедиции, по результатам которых мною была написана монография «Тайна третьего ордена». Именно в рамках этих исследований мы много раз приходили к тому, что казачество и еврейство связаны между собой чуть ли не единой калькой. И это прослеживается не только исторически. Речь идет именно об украинском казачестве. Если вы посмотрите на еврейскую и казачью украинскую общины, то увидите, что они абсолютно идентичны — от кухни до языкового эквивалента.

В монографии «Тайна третьего ордена» достаточно много внимания уделено явлению характерника южного и северного, которые являются по сути эталонами для казаков. При этом северный и южный характерник — сами по себе очень разные, но у них один исток — немецкий город Вормс, земли Рейна, там, где расположена колыбель европейского еврейства, так называемый «Иерусалим на Рейне», обра-

зованный тремя немецкими городами на Рейне — Шпайером, Вормсом и Майнцем, известными на весь мир как памятники еврейской истории. По сути, северный и южный характерники — это две сходящиеся линии Вормса:

«Надо сказать, что две линии характерников — не украинского происхождения, как многие могут предположить, и никакой украинской идентичности они не описывают, потому как обе — европейского происхождения. Они существовали и до Украины как таковой, просто

кто-то использовал юг страны с целью решения своих стратегических и оперативно-тактических задач...».

(фрагмент из монографии «Тайна третьего ордена»)

Если для казаков характерники — это эталоны, тогда нет ничего удивительного, что все строится вниз от этих эталонов (исток которых является магический круг Рейна), и, как следствие этого, казачья система никак не отличается от еврейской. Более подробно о связи казаче-

Может возникнуть спорный вопрос: для чего мы разобрали все эти примеры и какое отношение это имеет к богоизбранности? Все дело в том, что **в еврейской душе заложен механизм мутации.** Способность к «мутированию души» являет собой некую отрицательную форму созревания — когда еврейское воспитание, еврейская образованность, еврейская культура, еврейские возможности и еврейская форма организации жизни получает отрицательный вектор развития. Ведь зло — оно тоже может быть триумфальным. Конечно, большинство хотят видеть лишь триумф добра, но зло может достичь также своего триумфа. Вспомните слова князя Пожарского из фильма «Статский советник»:

«... я свой ум, свой талант, свою храбрость, свое трудолюбие употребил на то, чтобы создать тончайший механизм. Он действовал тихо, точно, безотказно...».

Индивидуальность также имеет свои плюсы и минусы. Когда равновесие нарушается, при таких характеристиках и показателях личности, как у евреев, это превращается в криминальную среду на высоком политическом уровне. Ведь изначально евреи жили спокойно, никого не трогали, занимались своими делами и обеспечением своих семей всем необходимым. Но когда в один момент их лишили всего, они нашли решение, как они будут все себе возвращать назад. То есть громадное количество положительных качеств еврея резко стало

ства и еврейства написано в монографии «Тайна третьего ордена», которая как раз глубоко раскрывает данный вопрос.

Есть разные источники, описывающие образ евреев – от достоверных до карикатурных. Карикатурная форма еврея, которая существует сегодня, возникла очень поздно, примерно с конца 1940-х годов. Придумал ее **Менахем-Мендл Шнеерсон 7-й и последний Любавичский Ребе** в Америке. То, что изначально планировалось как возрождение еврейского образования и изучения основ хасидизма наравне с Талмудом, со временем приобрело американскую карикатурную форму, которая распространилась по всему миру в виде Хабада, но уже в таком измененном виде, который совершенно не имеет никакого отношения к изначальной форме еврея.

Этот образ Шнеерсон, придумал у себя в кабинете вместе со своими помощниками. И этого никто не скрывает. Написана целая автобиографическая книга «Мой Ребе», автором которой является **Адин Эвен-Израэль Штейнзальц** и в которой описаны «частично биография, частично мемуары, частично руководство для великих лидеров, «Мой Ребе» исследует эволюцию всемирного успеха Хабада, его основные верования и практики, личную историю Ребе и его видение, вдохновляющее на перемены».

Как гласит предисловие к книге:

«Для легендарного исследователя Талмуда и плодовитого автора, одного из самых влиятельных еврейских мыслителей современности, раввина Адина Эвен-Израэля Штейнзальца Любавичский Ребе олицетворял собой миссию всей жизни по улучшению мира. Превосходя роль учителя, рабби Менахем Мендел Шнеерсон был одновременно научным умом и верующим, новатором в области образования и общественным деятелем, духовным наставником и мастером по созданию сетей.

Книга «Мой Ребе» – это долгожданное личное свидетельство раввина Штейнзальца о человеке, чья страсть и видение превратили Хабад-Любавич из крошечной группы хасидов в образовательное и духовное движение, охватывающее весь мир. С восхищением близкого ученика, пронизательным наблюдением ученого и духовной глубиной мистика Штейнзальц создает интимный портрет революционного религиозного лидера, чья преданность интеллектуальным, религиозным и духовным принципам повлияла на поколения последователей».

Дабы не быть многословным, приведу еще несколько фрагментов из книги «Мой Ребе»:

«...Работая с тестем, Менахем Мендл прилагал все усилия, чтобы обычаи Хабада сохранились и в чуждом им американском обществе.

Поскольку немало общин Хабада было уничтожено в годы Холокоста, а уцелевшие общины были раздроблены и нередко подвергались гонениям – многие выжившие были сиротами в том, что касается знаний, утратив и забыв особенности неповторимого хабадского уклада. Мир менялся. Будущее оставалось неясным. Еще одна угроза единству и внутренней солидарности движения. Ни на секунду не забывая о замысле Ребе Йосефа Ицхака (6-й Ребе), будущий

7-й Ребе создавал структуру движения, кодифицируя его обычай и закрепляя культурные коды. Ясный и недвусмысленный кодекс религиозного образа жизни, принятый всеми общинами Хабада, был лучшим способом обеспечить единство и единообразие.

В 1940-х годах Ребе публиковал и свои собственные труды. Его перу принадлежат исследования по каббале и хасидизму.

Его комментарий в пасхальной агаде (ежедневный календарь) также знакомил читателя с обычаями Хабада и разъяснял их.

Менахем Мендл распространял уроки и лекции Ребе Йосефа Ицхака, добавляя к ним короткие компиляции хабадских обычаев. Этот материал он во многом черпал из своих дневниковых записей («решимот»), сделанных в годы пребывания в Берлине и Париже...».

«[...] Позже Ребе добавит еще один пласт хабадских обычаев, предписывая хасидам исполнять многочисленные обряды, которые прежде практиковали только в доме Ребе (Бейт гарав). По мнению Ребе эти обычаи по праву принадлежат всем.

Он верил, что любой обычай, о котором говорил предыдущий Ребе (6-й), был изначально предназначен для всех хасидов, невзирая на то, что он никогда не требовал следовать этим практикам. Однако старинные обычаи не закрепились. Ребе сочетал хабадские традиции и нововведение. Например, когда настаивал, чтобы замужние женщины покрывали голову париком, а не шляпкой или платком...».

«[...] Главы Хабада никогда не ограничивали свою деятельность помощью своим последователям. Они рассматривали себя в качестве лидеров всего еврейского мира. Своих хасидов они превратили в авангард, ударный отряд еврейского

народа. Своих учителей они посылали в отдаленные земли, например, в Грузию или Бухару. Ничего подобного в тогдашнем хасидском мире никто не делал...».

«...Отношение Ребе к своей миссии было непосредственным продолжением хабадской традиции международного руководства. Его заботы охватывали евреев всего мира, в то время как еврейский народ рассеивался все больше и больше. Его «посланники» работали на всех континентах и рассказывали ему о всех сторонах жизни, так или иначе касающихся всех местных еврейских общин...».

«...Один из моих друзей как-то предложил замечательную формулировку. Он назвал Ребе «самым успешным в мире индивидуальным предпринимателем», поскольку он одновременно играл множество ролей, дополняющих друг друга. Ребе был учителем, духовным Наставником, общественным активистом, дипломатом, личным консультантом. Будет очень интересно и познавательно оценить его работу, как если бы речь шла о руководителе проекта...».

«...Система Ребе, предложенная им Хабаду, не только работала, но и способство-

вала дальнейшему росту. Разумеется, не все шло гладко. Ни одна система не способна создавать или привлекать одних гениев и ангелов. Директивы Ребе по большей части были указаниями, предписывающими те или иные действия...».

«...Тяжелый опыт двух мировых войн, миграции и ассимиляции свидетельствовал, что нужно искать новые приемы

и новые слова, чтобы разъяснять людям иудаизм и хасидское учение [...]».

«[...] Именно 6-й Ребе создал работоспособную систему «посланников», которые должны были действовать неназойливо, но бескомпромиссно. Он создал также учебные и благотворительные структуры, словно пытаясь найти общий язык с каждым евреем.

Кроме того, из-за своих бород и одежды сотрудники-хабадники находились вне американского мейнстрима. Их внешний облик служил зримым напоминанием о старом доме, т.е. о мире, который был утрачен навсегда [...]».

«[...] Фактически программа хабадского «посланничества» началась как анти-теза распространенному убеждению, что в Америке все иначе. Т.е. к образу мысли, ведущему к ассимиляции. Хотя для философии Хабада еврейская Америка казалась крайне неблагоприятным местом, Ребе Йосеф-Ицхак настаивал, что существует насущная, жизненно важная потребность в пропаганде. Задача Хабада заключалась в том, чтобы всячески способствовать развитию еврейского образования внутри общины, и чтобы учить других... [...]».

«[...] 6-й Ребе принял стратегическое решение, что в Америке Хабад не будет замыкаться в себе, но попытается выйти за пределы исходной религиозной общины. Однако 6-й Ребе имел весьма ограниченные возможности для работы в окружающем мире. Американские евреи, с которыми он имел дело, также не проявляли особого интереса к миссионерскому подходу Хабада. Поэтому, несмотря на определенные успехи, результаты этой деятельности в первые годы оставались достаточно незначительными. То, что начал Ребе Йосеф-Ицхак, продолжилось благодаря 7-му Ребе. Идеям, принадлежавшим 6-му Ребе, его приемник придал гораздо больше размах, а также использовал ряд новаторских походов и инструментов. Собственная посланническая программа Ребе разворачивалась постепенно. С каждым годом он настойчиво увеличивал число «посланников».

«[...] Просветительство было делом не только «посланников», но и приоритетной задачей всего движения. Ребе требовал, чтобы дом каждого любавичского хасида стал «Бейт Хабадом» (миниатюрным центром Хабада)».

«[...] Все любавичские хасиды были ударной силой просветительских кампаний Ребе. Ребе инициировал десять мивцаим (кампаний); слово, которое в современном иврите означает, в том числе, «военные операции». Эти кампании были призваны способствовать возвращению к соблюдению традиционных обрядов. Среди этих десяти были кампании, призывающие возлагать тфилин, прибавлять мезузы к косякам еврейских домов, соблюдать кашрут, жертвовать на благотворительность (цдаку), держать в домах священные книги и зажигать субботние свечи. У каждой кампании была своя тактика...».

(фрагменты книги Адина Эвен-Израэля Штейнзальца «Мой Ребе»)

Шнеерсон уже став 7-м Любавичским Ребе продолжил реализовывать идеи своего тестя Ребе Йосефа-Ицхака. Задача была развить Хабад на весь мир и сделать так, чтобы к евреям в Америке относились уважительно и серьезно, они должны были

отличаться внешне от всей массы, при этом сохранили свою культуру и вернулись к изначальным традициям даже в условиях современных реалий. Но многое пошло не так: возник культ личности, а «предписания» Ребе не только не выполнялись, но и были доведены до абсурда.

Шнеерсону, после смерти 6-го Ребе, досталась неуправляемая «банда», которую нужно было привести в чувство, организовать и научить работать. И Ребе применял те методы, которые ему были известны. Кто не знает, Менахем-Мендл Шнеерсон изначально совсем не хотел быть Ребе. От слова «совсем». Он трижды отказывался от этого, объясняя это тем, что очень любит свою жену. И с большим удовольствием продолжал бы заниматься издательством «Кехос», молодежным движением Хабада или чем-то иным – чем угодно, кроме того, чтобы стать новым Ребе. Шнеерсон был хорошим ученым, работал на судостроительном заводе, где его очень ценили, был прекрасным математиком и очень обеспеченным человеком. У него было все. Возможно, поэтому он и не хотел религиозного руководства. К слову, будущий Ребе – чуть ли не единственный человек, женившийся по любви, а не по каким-то традициям; он

очень любил свою жену и хотел заниматься своей семьей и совершенно не хотел заниматься управлением Хабадом. Поэтому он до последнего отказывался принимать статус Ребе. В 1951 году, после отказа старшего зятя и очередного обращения хасидов с просьбой принять на себя руководство движением, 17 января 1951 года Шнеерсон принял руководство Хабадом на собрании хасидских раввинов США и Канады (фарбрэнгене – хасидском застолье), посвященном первой годовщине смерти 6-го Любавичского Ребе.

Менахем-Мендл Шнеерсон был уникальным Ребе, еврейским лидером и духовным наставником сотен тысяч евреев, такого, как он, второго нет, и многие евреи не понимают, почему им Бог не дал 8-го Любавичского Ребе.

У еврейского народа, в отличие от других, есть система воспитания, которая талантливого человека делает могущим и способным что-либо сделать. А как известно, талантливые люди есть везде. И когда этот талант преобразовывают в «могу», «умею», «сделаю», через невыносимые условия для жизни, они могут получить отрицательный знак.

Еврей – это такая, условно говоря, душевная субстанция, из которой жизнь может слепить все что угодно, но лучше всего она лепит отрицательный фактор. Живучесть с отрицательным фактором – это и есть индивидуальность еврея, которая является составляющей его богоизбранности.

Это подтверждается множеством исторических примеров. Один из таких – Мюнхенская олимпиада 1972 года, на которую приехала израильская олимпийская сборная в составе 11 человек, ставшие жертвами теракта, совершенного членами террористической палестинской организации «Чёрный сентябрь». В результате весь мир узнал о возможностях израильских спецслужб, когда Голда Меир вызвали директора Моссада к себе и дала соответствующие распоряжения – в результате практически все участники теракта в Мюнхене, кроме одного человека, понесли соответствующее наказание в течение года после этих событий.

«МЫ ХОТИМ ЖИТЬ. НАШИ СОСЕДИ ХОТЯТ ВИДЕТЬ НАС МЁРТВЫМИ»

“ ГОЛДА МЕИР

Когда касается отрицательного фактора, Израилю в этом нет равных. Весь мир боится этого государства, потому что все профессиональные диверсанты в мире, которые существовали в истории, – были евреями. Одна известная фраза Голды Меир тому подтверждение: «Мы хотим жить. Наши соседи хотят видеть нас мёртвыми».

Индивидуальность еврея – это некий божественный предохранитель, который сохраняет еврейскую форму души, но с отрицательным фактором. И чем более зрелая еврейская душа, тем будет больше амплитуда отрицательного фактора и тем большего злодея получим.

СКВОЗЬ ТУСКЛОЕ СТЕКЛО: УТОПИЧЕСКИЕ ЧАРЫ И УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

ЭЛЬВИРА ГРОЗИНГЕР

Немецкий литературовед, публицист и переводчик

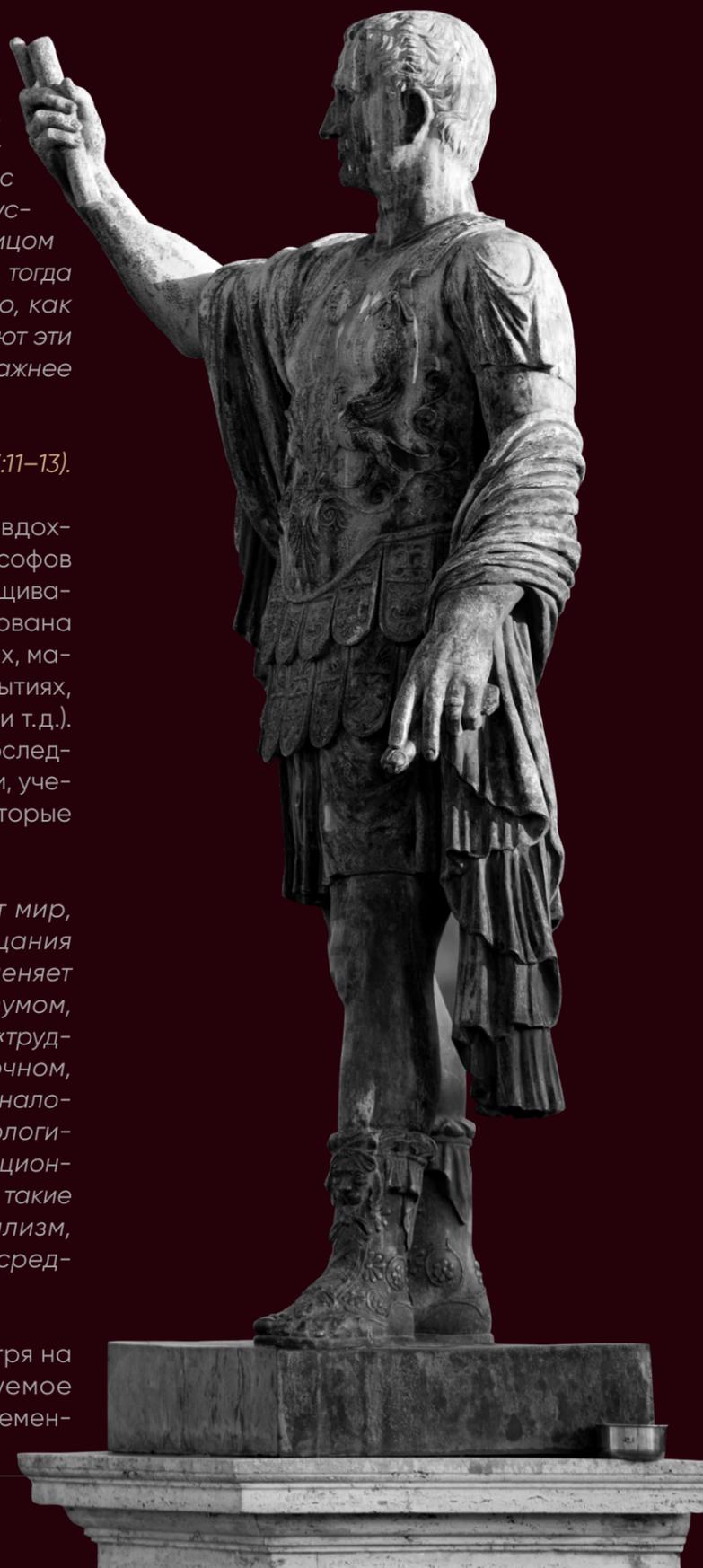
«Когда я был ребенком, я и говорил, как ребенок, я и мыслил по-детски, и рассуждал по-детски. Но когда я стал взрослым, то оставил все детское позади. Мы сейчас видим неясно, как отражение в тусклом зеркале, тогда же увидим лицом к лицу. Сейчас я знаю лишь отчасти, тогда же буду знать так же совершенно, как меня знает Бог. А сейчас существуют эти три: вера, надежда и любовь, но важнее из них — любовь»

(Коринфянам 13:11–13).

Цитата из Послания к Коринфянам вдохновила поколения богословов, философов и писателей на поиски знаний и возвращение пронизательности. Религия основана на заколдованном мире (духах, мифах, магических или провиденциальных событиях, внешних вмешательствах, видениях и т.д.). Сегодня, с изменением парадигм и последними технологическими разработками, ученые преследуют новые критерии, которые утверждают, что:

«Наука же расколдовывает этот мир, посредством изгнания или отрицания этих магических элементов и заменяет их объективностью (логикой, разумом, автономией и т.д.). В нашем мире «трудно характеризуем, беспорядочном, непредсказуемом, с цифровой и аналоговой, технологической и нетехнологической, биологической и информационной «постцифровой реальностью», такие философии, как новый материализм, теперь могут вступить в бой как средства повторного очарования».

Некоторые утверждают, что, несмотря на широко известное и часто цитируемое социологическое определение современ-

ности **Макса Вебера**, характеризующееся «прогрессивным расколдовыванием слова», существует повторяющаяся контртенденция к его повторному очарованию.

Это эссе посвящено нескольким образцовым текстам из мифов древнего мира и классических литературных произведений. Мистическое мышление и заколдованные миры присущи религиям, фольклору и суевериям. К ним прибегают во время кризисов, войн на политической и религиозной почве или пандемий, чтобы обеспечить утешение, смягчение последствий или просто удовлетворить чью-то интеллектуальную любознательность. Стремление к совершенствованию, достижению идеального состояния дел на Земле, сейчас, а не потом в Небесном Царстве, всегда сопровождало существование человека. Еврейское понятие «*Tiqqun Olam*» («Восстановление мира»), представленное в Раввинистической литературе и Каббале, направлено на восстановление состояния гармонии, существовавшего до (согласно Лурианской Каббале) «Разбития сосудов», которое привело к хаосу до Творения. **Но цель состоит не только в том, чтобы исправить ущерб, нанесенный миру, но и в том, чтобы улучшить его** — утопическое стремление, разделяемое многими людьми, и не только евреями. Однако в отношении состояния нашего мира это желание остается неисполненным, и все попытки заканчиваются фиаско. После войн, пандемий и прочих угроз,

после периодов разочарования и потери веры, полуутопические или откровенно антиутопические видения становятся доминирующими, как это имеет место в XXI веке.

МИФЫ И ОБРЯДЫ КАК СРЕДСТВА ОЧАРОВАНИЯ

Еврейская Библия и сказания восточных религий древности из Египта, Израиля и Ближнего Востока — Месопотамии — колыбель нашей цивилизации, от древних мифов Ассирии, Вавилона до современных. **Мифы нужны человеку, чтобы найти ответы на экзистенциальные вопросы; мифы служат путеводной звездой через явления, которые поначалу кажутся непонятными.** Они также играют роль компаса из поколения в поколение. Они питают надежды, объясняют несчастья и те становятся менее болезненными; они вызывают в воображении идеальные условия существования на тысячи лет, делая условия гуманно терпимыми:

«Например, мифы о потерянном рае дают людям надежду на то, что, живя добродетельной жизнью, они смогут добиться лучшего и большего в будущей жизни. Мифы о золотом веке дают людям надежду на то, что есть великие лидеры, которые улучшат их жизнь. Поиски героя являются образцом для подражания для молодых мужчин и женщин, поскольку они принимают на себя взрослые обязанности. Некоторые мифы просто успокаивают, например, мифы, объясняющие природные явления действиями богов, а не произвольными явлениями природы. Сюжеты мифов отражают общечеловеческие заботы человечества на протяжении всей истории: рождение, смерть, загробная жизнь, происхождение человека и мира, добро и зло и природа самого человека. Миф подключается к универсальному культурному нарративу, к коллективной мудрости человека».

«Обряды перехода» («Rites de passage») — это церемонии во всех культурах, которые отмечают важные этапы жизни от рождения до смерти и часто сопровождаются фольклором, основанным на мифах. Многие обряды инициации имеют религиозную мотивацию. Например, Первое Святое Причастие в католических кризисах, Конфирмация в протестантских или Бат/бармицах в еврейских общинах, имеющие в то же время социальную значимость — дети или подростки становятся полноправными членами определенной религиозной или этнической группы. Крещение христианских детей подразумевает как присоединение к религиозной общине, так и очищение от греха. Согласно поверью, крещеный ребенок становится «чистым», и если он умрет в младенчестве, то будет спасен от ада и проклятия. Другим подобным религиозно мотивированным обрядом перехода и одновременно инициацией является обрезание еврейских мальчиков на 8-й день жизни (Брит-мила, завет обрезания) или мусульманских мальчиков (Кидани или Хатны) на 7-й день после рождения, но их также можно обрезать в возрасте от семи до десяти лет,

что означает переход от детства к зрелости. Последнее также практикуется во многих африканских обществах, где практикуется женское обрезание или, скорее, калечащая операция (обрезание женских половых органов, FGC), которая, согласно старой традиции, символизирует переход от детства к женственности. Девушка, оставшаяся необрезанной, будет считаться непригодной для замужества. Однако, поскольку условия, в которых происходят эти обряды, примитивны, а исполняющие их, — в основном пожилые женщины, — незнакомы с анатомией и гигиеной, то многие девушки не выдерживают такого обряда или их здоровье калечится на всю оставшуюся жизнь. Также существуют заблуждения, что необрезанная девушка будет распутной, нечистой, принесет неудачу или будет менее плодотворной. Этот обычай не имеет религиозной основы, но поскольку суеверия и заблуждения часто лежат в основе обрядов перехода, они стали частью мистического мышления.

Многие народы разделяют мифы о потерянных или затонувших чудесных островах или городах. Таков был миф об Атлантиде, породивший споры, было ли это изобретение Платона или конкретное историческое место. В Средние века, когда главным языком была латынь, этот миф был забыт, но он вновь был открыт в эпоху Возрождения благодаря знанию греческого языка европейскими учеными. В Северной Германии существует средневековая сказка, или миф о Винете, богатом городе на берегу Балтийского моря, который был наказан Богом за моральное разложение его жителей и затонул во время шторма. Моральные последствия напоминают о судьбе библейских городов Содомы и Гоморры. В то время как платоновская Атлантида служила образцом идеала, которому

«ПРОПАГАНДА — ОДНО ИЗ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ МИФОВ. КОГДА ЕСТЬ БЛАГОДАТНАЯ ПОЧВА, ВЫДУМАННЫЕ ФАКТЫ, НАЗЫВАЕМЫЕ СЕГОДНЯ ФЕЙКОВЫМИ НОВОСТЯМИ, БЕЗ ОСОБЫХ УСИЛИЙ ЗАМЕНЯЮТ ПРАВДУ»

ЭЛЬВИРА ГРОЗИНГЕР

следует подражать, другие вышеназванные города были разрушены и служат теологическим нравственным учениям.

Некоторые мифы, какими бы полезными они ни были, могут быть разрушительными и обманчивыми. Таков, например, миф о Гитлере, распространяемый его последователями. Как показывают Себастьян Хафнер и Ян Кершоу, этот миф был создан нацистской пропагандой при Геббельсе и подпитывался самим Гитлером в его речи в Рейхстаге 28 апреля 1939 года:

«Собственными усилиями «я преодолел хаос в Германии, восстановил порядок, значительно поднял производительность во всех сферах нашей национальной экономики... Я преуспел в трудоустройстве тех 7 миллионов безработных, которые так трогали наши сердца... не только политически объединили германскую нацию, но и перевооружили ее в военном отношении, далее я пытался ликвидировать этот Договор лист за листом, 448 статей которого содержат самое гнусное издевательство, которому когда-либо приходилось подчиняться нациям и людям. Я вернул Рейху провинции, отнятые у нас в 1919 году; я вернул миллионы глубоко несчастных немцев, отнятых у нас, обратно на родину; я восстановил тысячелетнее историческое единство немецкого жизненного пространства; и я все это постарался осуществить без пролития крови и без причинения страданий, связанных с войной, как моему народу, так и какому-либо другому. Все это я совершил своими собственными усилиями в качестве того, кто 21 год тому назад был еще неизвестным рабочим и солдатом своего народа...».

В то время как старые обряды перехода остаются в силе из поколения в поколение, к старым добавляются новые мифы. **Пропаганда — одно из современных средств создания мифов. Когда есть благодатная почва, выдуманные факты, называемые сегодня фейковыми новостями, без особых усилий заменяют правду.** Диктатура избрета для этого новый язык или заказывает новую терминологию, как мы наблюдаем это сегодня в России: Путин запрещает своим гражданам употреблять слово «война» в связи с Украиной, они должны ее называть «спецоперация». Еще один миф российской пропаганды состоит в том, что эта агрессивная война на самом деле является актом освобождения Украины от нацистов. Тем не менее существуют и позитивные утопические мифы, изображающие видения лучших и счастливых времен здесь, на Земле, а не только на Небесах. Они пытаются принести утешение, сделать людей лучше и направить их на путь к этим целям. Я представлю некоторые из них в следующей главе.

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ ОТ ХИЛИСТИЧЕСКИХ НАДЕЖД ИОАХИМА ФИОРСКОГО И ПОСТФИОРСКИХ УТОПИСТОВ

Чары и мифология близки друг другу. Последняя населена героями и злодеями: герои служат образцовыми фигурами, а злодеи символизируют предупреждение читателям или слушателям. Мечта о Золотом Веке, известная нам из греческой мифологии и Нового Завета, обычно понимается как время мира, гармонии, стабильности, процветания и полезных для человечества нововведений. Библейская книга Даниила с апокалиптическими снами (подобными снам Навукаднецора (Nebukadnezzar)) и ви-

дениями четырех царств, которые предшествуют «концу света» и «Царству Божию» (Даниил 2, 7 и 9), является одной из основных источников для Христианского хилиастического верования в последовательность царств и эпох в истории спасения. Оно сочетает пророчество истории с эсхатологией – верой в то, что Бог Израиля спасет как Даниила от его врагов (и льва во рву, в который он был брошен), так и народ Израиля от их рабства в Вавилоне.

Среди раннехристианских утопических и апокалиптических мыслителей наиболее влиятельным был калабрийский мистик, цистерцианский монах, основатель и настоятель ордена Сан-Джованни ин Фьоре **Иоахим Фьорский** (Джоаккино да Фьоре ок. 1130/35–1201/02). Он был историком и философом богословия. Он разработал теорию трех возрастов духовности: сначала был век Отца от Адама до рождения Христа, затем Сына и последний век Святого Духа,

идеальный век Духовности и Любви. Эта последняя эпоха, называемая по-немецки «Третьим рейхом», в конце концов стала использоваться нацистами как якобы отвечающая их идеологическим требованиям. Еще при жизни Фьоре был провозглашен пророком, наделенным божественным озарением, и в то же время его подозревали в ереси. Его трактат «*De essentia seu unitate trinitatis*» («О сущности или единстве Троицы») против Петруса Ломбарда (епископ Парижа **Пьетро Ломбардо**, родился около 1095–1100 гг.) был единственным из его запрещенных (в 1215 году) произведений. Некоторые последовавшие за ним францисканцы были сожжены на эшафотах. Фьоре утверждал, что история постоянно развивается и всегда поворачивается к лучшему; в конце времен наступит «мирная суббота». Его идеи привели к созданию строгого францисканского ордена. Они также оказали сильное влияние на радикального социал-революционного немецкого реформатора, теолога Томаса Мюнцера (1489–1525). Мюнцер, будучи сперва на стороне Лютера, отвернулся от него и поддержал крестьянские восстания за права и свободу человека в духе Фьоре. Но эти восстания были подавлены, Мюнцер был взят в плен и, после пыток, обезглавлен. Тогда время еще не пришло для эсхатологических явлений или социальных потрясений, и Мюнцер был одним из многих трагически потерпевших неудачу утопистов.

Данте Алигьери (1265–1321) восхвалял Фьоре и считал его равным Святому Франциску и Святому Доминику (ср. *Divine Comedy*, *Paradiso* XII, 140). Влияние Фьоре прекратилось в XVII веке, но оно возобновилось в XIX–XX веках, в особенности благодаря немецким мыслителям и писателям эпохи Просвещения. Так, прием Фьоре виден в работах и мыслях Готхольда Эфраима Лессинга (1729–1781, *Erziehung des Menschengeschlechts*, 1780, «Воспитание человеческого рода»); в философском идеализме Георга Вильгельма Фридриха Гегеля 1770–1831 гг., и далее в разных направлениях. Идеи Фьоре прослеживаются в утопической концепции позити-

визма Огюста Конта (1798–1857), следовавшего первым этапам эмпиризма Фрэнсиса Бэкона (1561–1626) и сенсуализма Давида Юма (1711–1776), а также в Сенсимонизме, названном в честь Клода-Анри графа де Сен-Симона (1760–1825), основателя христианского социализма, ранней формы социализма, секретарем которого граф был в течение определенного периода времени. В большом труде Сен-Симона «*Новое христианство*» (1825 г.) он предвидел братство людей в новом обществе, где промышленность, – он также предвидел и индустриализацию мира, – должна быть научно организована. Он был яростным противником священников, которых, по его мнению, должны заменить ученые и инженеры, новое «священство» новой «Церкви». Функция религии «должна направлять общество к великой цели – как можно быстрее улучшить положение беднейшего класса». У него было много учеников, среди них немецкий поэт Генрих Гейне (1797–1856), эмигрировавший во Францию в 1831 г., после революции 1830 г., восторженный и полный надежд, что идеи Сен-Симона приведут к улучшению социальной справедливости и отмене привилегий богатых и знати. Но очарованные мятежники поссорились, движение распалось, однако вновь обрело влияние среди последующих немецких философов-марксистов, социалистов и социальных реформаторов XIX и XX веков, таких как Фридрих Энгельс (1820–1895), Карл Маркс (1818–1883), Эрнст Блох (1885–1977) и, как это ни удивительно, национал-консервативного немецкого писателя Эрнста Юнгера (1895–1998), задумавшего множество утопических проектов. Революция 1830 г. распространилась на несколько стран, но была подавлена в Германии, Польше и Италии. В конце концов Гейне разочаровался в гражданине-короле Луи-Филиппе, его надежды потерпели крах, и кульми-

национной точкой разочарования стала революция 1848 года, которая также была подавлена. В очередной раз утопия превратилась в антиутопию.

Но Фьоре был не единственным мыслителем своего времени, разработавшим утопические хилиастические взгляды. Небольшая анонимная еврейская книга «*Sepher Temuna*» («Книга образа», написанная, возможно, в Героне примерно в 1240 г., по еврейскому календарю – в 5000 г.) относится к талмудической циклической традиции, согласно которой, мир существует шесть тысяч лет, за которыми следует седьмая тысяча как мировая суббота, *Shemittah*, после которой цикл возобновляется. Эти семь тысяч умножаются на семь, и время существования мира составляет 49000 лет. За ними следует последнее «субботнее» тысячелетие, и Божественный Суд завершает эпоху. Только новый цикл может заставить мир существовать снова. В то время как мысли раввинов были оптимистичны, эта брошюра представляет мрачное и песси-

мистическое видение мировых судеб. Тем не менее, известный каббалист Гершом Шолем указывал на близость этой концепции к эпохе Иоахима Фьорского.

Мечта об идеальном умиротворенном мире, квазикоммунистическом обществе, в котором личность служит обществу, впервые была описана в Новое время в романе английского политика и писателя-гуманиста Томаса Мора «Утопия» (1516 г., полное название «*Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, De optimo rei publicae statu deque nova insula Utopia*»). Одна из самых ранних утопических концепций была разработана Платоном в его «Государстве» (ок. 370–360 гг. до н.э.) и его диалоге «Тимайос» (позднее произведение, 4 в. до н.э.), в котором он описывает создание «лучшего из всех миров», где Преобладают Добро и Гармония (иронически упомянутые в «*Candide ou l'Optimisme*» Вольтера, 1759 г.), которые послужили прямым источником вдохновения для Томаса Мора. Вышеупомянутый мыслитель эпохи Возрождения представлял себе идеальный остров, где деньги упразднены, а люди живут и работают сообща. Это был мятежный человек, ярый католик, который, тем не менее, позволил сечь протестантов, вообразил себе идеал, но поддался насилию. Когда он отказался принести присягу, поддерживая верховенство короля над церковью, он был арестован в лондонском Тауэре и обезглавлен в возрасте 57 лет на эшафоте в 1535 году. Его голова провисела на Лондонском мосту в течение месяца, прежде чем его дочери разрешили снять ее после уплаты взятки. Мора похоронили в семейной могиле в Кентербери. Трагический конец и крах его личных надежд и духа терпимости, возникший в эпоху Возрождения, иллюстрирует взлеты и падения, очарование и разочарование в истории идей.

После того, как Мор ввел термин «утопия», многие утопические произведения были опубликованы в Западной Европе, начиная с XVI века, в основном в Германии, Италии, Англии и Франции. Они часто носили религиозный характер. Например, «Вольфария» (1521 г.) немецкого лютеранина Иоганна Эберлина фон Гюнцбурга (также известного как Эберлейн, или Априолус,

ок. 1470–1533 гг.) считается первой протестантской утопией. В 1521 году он отказался от привычки своего монаха-францисканца следовать за Лютером и стал воинственным противником безбрачия. В 1524 году он женился, и у него родилось четверо детей. В 1525 году он получил назначение евангелическим пастором графа Георга II из Вертхайма-на-Майне и даже стал управляющим примерно двадцати приходов в этом регионе. Это был лучший период его жизни. В 1526 году Гюнцбург перевел «Германию» Тацита на разговорный немецкий язык, чтобы познакомить своих до сих пор невежественных современников с их предшественниками. Но когда его покровитель умер в 1530 году, а преемник стал католиком, 70-летнему проповеднику пришлось переехать в маленькую деревушку Лойтерсхаузен. Там прихожане воспротивились и отвергли его, и вот в 1533 году этот, теперь уже забытый, озлобленный, разочарованный и больной, человек умер в нищете. Опять же, провидец лучшего из миров в конце концов потерпел неудачу, и его утопия оказалась антиутопией.

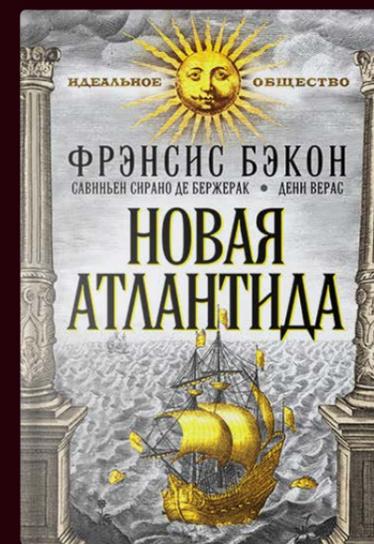
Выросший в средневековой апокалиптической традиции, а позднее воспринявший гуманистические идеи, Гюнцбург изображает в своей книге пример социально-национального идеального будущего государства Вольфария. В нем пятнадцать «конфедератов» выдвигают в своих памфлетах весьма радикальные теологические требования к новым правилам, чтобы реформировать государство и, прежде всего, католическую церковь. Вначале предполагалось расформировать монастыри, вырезать нищих монахов, но затем последовал более умеренный план: монастыри нужно обезлюдеть, в каждом из них должно оставаться не более десяти монахов, а новые монахи не могут входить в монастыри в течение десяти лет. О стареющих монахах будут заботиться, пока они не умрут, освобожденные будут интегрированы в общество, и им будет разрешено жениться. Образование должно было стать общественным делом, слуги и хозяева должны были стать равными, рабочие должны были получать хорошую зарплату, чтобы иметь возможность жить, о больных

нужно было заботиться, все зажиточные должны были помогать нуждающимся. Эти социальные альтруистические утопические идеи так и не стали реальностью. «Расколдовывание» последовало быстро.

Самыми известными утопическими философскими произведениями эпохи Возрождения, помимо «Вольфарии» Гюнцбурга и «Утопии» Мора, являются «Новая Атлантида» сэра Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), описывающая эгалитарное общество, также вдохновленное «Республикой» Платона и его видением Атлантиды в «Тимайосе» и «Города солнца» («*Civitas Solis*», 1623) итало-калабрийского доминиканского монаха Томмазо (Джованни Доменико) Кампанеллы (1568–1639). Кампанелла, обвиненный римской инквизицией в ереси, в 1594 году был приговорен к двум годам домашнего ареста. Он подвергся пыткам и был заключен в тюрьму на 27 лет по обвинению в заговоре против испанских правителей Калабрии в 1599 году. Во время заключения он написал большую часть своих произведений, в том числе «*Civitas Solis*».

«Новая Атлантида» Бэкона, опубликованная посмертно в 1626 году, так и осталась незаконченной.

Здесь автор излагает свое утопическое видение будущих научных открытий человечества, происходящих на мифическом острове Бенсалема, который был обнаружен экипажем заблудшего корабля в Тихом океане, и где «великодушие и просвещение, достоинство и великолепие, (христианское) благочестие и общественный дух восторжествовали». Бэкон считает, что христианская религия возникла оттуда. Он верил в образование и интеллектуальные возможности, которые можно было бы получить в его идеальном колледже, «*Salomon's House*» («Доме Соломона»), который представлял собой современный исследовательский университет как в прикладных, так и в чистых науках. Но конец этого мечтателя тоже не был счастливым. Обвиненный во взяточничестве, его восхождение по социальной лестнице в качестве виконта Сент-Олбанса и профессиональная карьера верховного лорда-канцлера были остановлены. После своего признания, он был приговорен к денежному штрафу, четырем дням ареста и изгнанию из Королевского суда. Но в результате испытания на снегу, он смертельно заболел пневмонией. В его случае утопия снова привела к антиутопии и потерянными иллюзиям.

Многие из известных нам авторов-утопистов были вдохновлены платоническим представлением об идеальном обществе, своего рода социалистическом, и имеют религиозное происхождение. **Ренессанс проложил путь к утопическим представ-**

лениям об эгалитарном, справедливом, гуманном и честном обществе, предвосхищающем социализм, и получил дальнейшее развитие в эпоху Просвещения. В XIX веке термин «утопический социализм» был придуман Карлом Марксом (1818–1883) в труде «За беспощадную критику всего существующего» (1843) и получил дальнейшее развитие в «Манифесте коммунистических партий» («*Коммунистический манифест*», 1948),

но был отвергнут и оставлен радикальными революционными элементами. Социалисты-утописты считают, что людей всех классов можно убедить принять их план справедливого общества добровольно, без классовой борьбы и революции.

Тем не менее, семя надежды, посеянное Фьоре, продолжало существовать, и его кульминацией стала крупная философская книга вышеупомянутого еврея-ремигранта-неомарксиста Эрнста Блоха «*Das Prinzip Hoffnung*» («Принцип надежды»). Она была написана в американской эмиграции между 1938 и 1947 годами и должна была называться «*Мечты о лучшей жизни*». Блоху предложили должность профессора в Лейпциге (оккупированная Советским Союзом Восточная Германия, позже ГДР) в 1948 году, но у него были проблемы с властями Восточной Германии, и он остался на Западе после того, как выступил против советского вторжения в Венгрию в 1956 году. Три тома были опубликованы сначала в ГДР (1954 г.), а в 1955 г. — на Западе. Блох описывает желания, стремления и надежды человечества с детства до старости. Он требует, чтобы человек научился надеяться, любить успех, а не провал задачи, и быть «воинствующим оптимистом», что означает жить подлинно, исторически осознанно, *carpe diem* («ловить момент»). Эти идеи приветствовались немецкими христианскими теологами, тогда как его видение лучшего мира, — с утопиями всех

видов: медицинской, социальной, технической, архитектурной, географической и в искусстве, — стало очень популярным среди немецких левых студентов. Существование конкретной утопии Блоха о коммунизме не было долгим, добавив к длинному списку еще одну антиутопию и разочарование. И сегодня повторное очарование, или популярный утопический позитивизм — это когда кто-то думает «позитивно» и добивается успеха в своем стремлении. Кажется, Фьоре, больше не играет в этом никакой роли.

УТОПИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В XX ВЕКЕ И АНТИУТОПИЯ В XXI ВЕКЕ

Противоположностью утопическим жизненным концепциям были книги французского писателя-реалиста Оноре де Бальзака (1799–1850). Его незаконченнымopusом является цикл «*Comédie Humaine*» («Человеческая комедия»), состоящий из 88 рассказов и романов, один из которых — социально-язвительный критический роман «*Illusions perdues*» («Утраченные иллюзии», 1837–1843), который можно считать девизом антиутопических романов эпохи XX и XXI веков. Это почти исторический документ о политических условиях и общественной жизни во Франции в период Реставрации с 1804 по 1830 годы. Параллельно с подъемом сатирической литературы во времена угнетения, особенно при диктатуре, утопические и антиутопические темы — средства выражения, часто использовались тайными противниками или критиками. Таким образом, как это ни удивительно, можно обнаружить наследников Бальзака среди писателей этой главы.

Польская литература богата фантастическими романами и рассказами. Самым известным в мире автором является Станислав Лем (1921–2006). Как пишет Мэрилин Джурич:

«Где-то между выдуманной утопией и дистопией и на периферии антиутопии существует то, что я называю псевдоутопией — общество, наиболее необычным образом изображенное в научной

фантастике Станислава Лема. Это общество трудно идентифицировать, потому что здесь кажется, что все меняется еще до того, как возникнет. Ибо в этом постмодернистском обществе достижения в науке и технике создают бешеное ускорение, порождая множество возможностей действовать и быть, и затрагивают все сферы жизни. [...] Как и утопия, псевдоутопия основана на том,

чтобы принести великое счастье людям и гармонию для более широкого сообщества. Тем не менее, как и в случае с антиутопией, псевдоутопия не может достичь этого высшего блага и, в конце концов, скорее огорчает, чем возвышает людей, управляемых ее политикой. В процессе провала своей миссии или подрыва собственных усилий, псевдоутопия часто служит разрушительным комментарием ко всему утопическому процессу; по сути, она становится антиутопией. По иронии судьбы, — и это также происходит как в утопии, так и в антиутопии, — типичный обитатель псевдоутопии не понимает, как общество потерпело крах. Граждане не испытывают ни чувства лишения, ни унижения и могут, наоборот, поздравлять себя с удовольствиями, которыми они наслаждаются при таком идеальном строе. То, что идеал является иллюзией, что система недееспособна, безумна, абсурдна, никого не приводит в сознание. Непроверенное и автоматическое принятие ее характеризует реакцию типичного гражданина, живущего в псевдоутопии Лема».

Этот философ и футуролог, автор фантастических бестселлеров создал иной тип утопии в XX веке (некоторые это отрицают). Книги Лема были переведены на 57 языков и проданы тиражом 45 миллионов экземпляров. Лем был визионером, писал о философских и этических проблемах, связанных с искусственным интеллектом, роботами,

нано- и ген-технологиями, нейронными сетями и виртуальными реальностями еще в 1960–70-х годах. Родился он в Лемберге, в семье врача-еврея, пережил немецкую оккупацию с поддельными «арийскими» документами, изучал медицину, но провалил выпускной экзамен в Кракове (Польша), когда отказался отвечать на вопросы, связанные с псевдонаучной антигенетической теорией 1930-х годов советского

агронома и любимца Сталина Лысенко. Лем был экспертом в области технологий и, пережив не одну диктатуру, начиная с национал-социалистической, а затем сталинской и постсталинской коммунистической систем, испытывал угнетение в обществах, которые, по мнению их правителей и пропагандистов, должны были быть наилучшими из возможных. Как зоркий наблюдатель за происходящим вокруг и наделенный критическим взглядом, в 1951 году он начал писать научную фантастику. Это было время холодной войны — термин, введенный Джорджем Оруэллом, когда Сталин работал над мирным договором для Германии, подчеркивая важность двух немецких государств, но тем самым он усиливал напряженность в отношениях с Западом, и не был в восторге от утопий, живущих в коммунистической Польше:

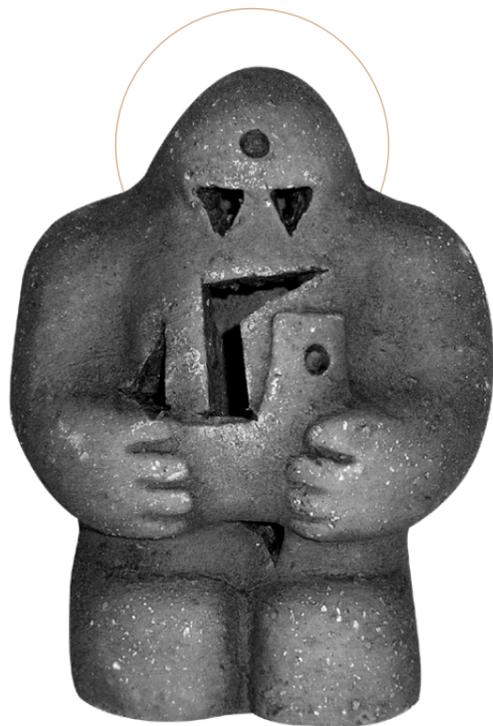
«Человек такой, какой он есть, потому что таким он был создан в ходе биологической эволюции. И это создало определенные биологические и психологические ограничения. Я не... разделяю веру мелиористов в то, что человечество может неуклонно улучшаться и становиться благороднее, и я не верю... в то, что существует общественное государство с совершенным всеобщим счастьем и благополучием».

Все коммунистические пропагандистские лозунги, культ рабочих и фермеров в новом «хорошем» социалистическом обще-

стве «нового» человека оказались ложью 16/17 июня 1953 г., когда в Восточной Германии началось мирное восстание миллиона человек, протестовавших против сложившейся экономической ситуации – отсутствия товаров народного потребления, роста цен на продукты и квот на работу, но этот процесс был жестоко подавлен советской армией. То же повторилось в Венгрии три года спустя, когда восстание там было подавлено Советами, во время Пражской весны 1968 года или при подавлении движения польского синдиката «Солидарность» в 1981–1983 годах. Их провал был антиутопическим, кульминацией которого стала Перестройка 1989 года и конец не только Советского Союза, но и «железного занавеса» и всех государств за ним. Для Лема все эти исторические события свидетельствовали о двусмысленности псевдоутопических обществ. То же самое он чувствовал даже в отношении самых сложных новых технологических изобретений, как в его книге о суперкомпьютере «ГОЛЕМ XIV», который преодолевает барьер человеческого разума, **но в конце концов не может превзойти людей, потому что у него нет чувств.** Это ссылка на известную фигуру в еврейской мифологии, Голема, рукотворное существо, созданное из глины, которое оживляется еврейскими буквами и именем Бога – «Истина» (Эмет) на его лбу, – чтобы помогать угнетенным евреям. Но когда этот Голем – прототип робота – выходит из-под контроля, он становится угрозой для своего создателя и должен быть уничтожен: первая буква на его лбу убирается, а остальное становится еврейским словом «мет» – мертвый. Таким образом, дивное существо снова превращается в груды земли.

Среди всемирно известных романов-антиутопий, посвященных историческим и социальным потрясениям XX века, – «О дивный новый мир» (1932) Олдоса Хаксли (1894–1963), написанный между двумя мировыми войнами. Это негативная футуристическая социальная утопия, действие которой происходит в 2540 году. В этом кошмарном обществе, называемом Мировым Государством, эмоции и индивидуальность обусловлены клонированными детьми, и нет

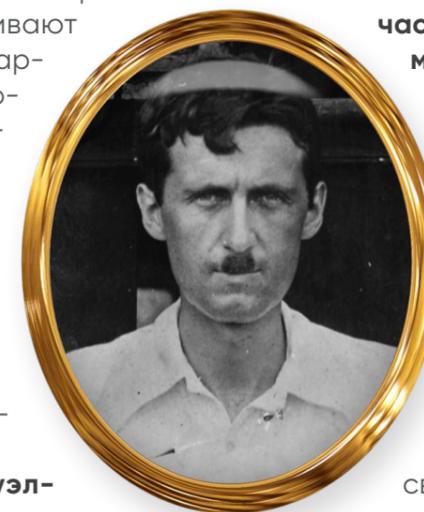
прочных отношений, потому что «каждый принадлежит всем». Это классовая система, в которой эмбрионы в инкубаторах подвергаются воздействию различного количества химических веществ и гормонов, которые распределяют их по заранее определенным классам, классифицируемым от самого высокого до самого низкого: Альфа (лидеры), Бета, Гамма, Дельта и Эпсилон (прислуга). Мятежная фигура, Джон, пытается уклониться и ускользнуть от системы, которую он ненавидит, но в конце концов он уступает и, потрясенный своим соучастием в системе, вешается. Хаксли, будучи гуманистом, глубоко интересовался мистической, религиозной философией и предупреждал о негативных последствиях технических и научных разработок.

Однако чаще всего цитируют Джорджа Оруэлла, коллегу Хаксли (Эрик Артур Блэр, 1903–1950). Его «Скотный двор» (1945) и «1984» (1946–1948) – горькие сатирические образы тоталитарных государств. Опыт Оруэлла в Бирме в качестве британского полицейского (1922–1927) заставил его ненавидеть колониализм. В 1936 году он принял участие в Гражданской войне в Испании, был свидетелем зарождения либерального социализма в Барселоне и вступил в троцкистскую партию, по-

началу не подозревая, что она была объектом ненависти Сталина. Но уже через пять месяцев в Испании он понял фальшь сталинизма, ведущего к чисткам, и отверг его. Будучи разыскиваемым сталинистами, он с женой бежал во Францию и записал свое разочарование по поводу предательства Сталина Испании. После пакта Гитлера–Сталина, Оруэлл стал стойким британским патриотом. Книга Артура Кестлера «Тьма в полдень» (1940) о сталинском терроре заставила его обратиться к художественной литературе как к средству агитации и обличения механизмов тоталитаризма. Влияние Кестлера можно найти в двух романах-антиутопиях Оруэлла.

В басне «Скотный двор» Оруэлл рассказывает историю группы сельскохозяйственных животных, которые восстают против своего жестокого фермера-человека, полные надежды создать общество, в котором люди и животные имеют равные права, будут свободны и счастливы. Сначала им это удалось, но свиньи постепенно взяли на себя инициативу, и в конце концов восстание было предано, и ферма под руководством свиньи по имени Наполеон превратилась в жестокую диктатуру, намного хуже, чем при фермере. Неудача революции, предательство и неправильные лидеры подытоживают критику тоталитаризма и сардоническую притчу (некоторые называют ее аллегорией) политических событий в Советском Союзе от Октябрьской революции до сталинского правления в конце Второй мировой войны, когда Сталин предал идеалы революции. Эта книга была запрещена в ГДР.

В наши дни роман Оруэлла «1984» удивительно актуален.

Антиутопическая новелла, опубликованная в 1949 году, повествует о жизни Уинстона Смита, низкопоставленного члена «партии», которого раздражает вездесущий взгляд правящей партии страны под названием Океания и ее зловещего правителя Большого Брата, который посредством телеэкрана контролирует каждый аспект жизни людей, их мысли и даже их историю. Партия принуждает к вне-

дрению изобретенного языка, новояза, чтобы предотвратить политический бунт, уничтожая все связанные с ним слова. Герой работает в Министерстве правды, где изменяет исторические записи, чтобы они соответствовали линии партии. Уинстона Смита раздражает угнетение, запрещающее свободомыслие – разрешены только «хорошие мысли», секс и любое выражение индивидуальности, и он сомневается, что предполагаемый лидер оппозиционного тайного Братства Эммануэль Гольдштейн, выступающий за Льва Троцкого, является самым опасным человеком для системы. В конце концов, он был предан всеми, разлучен со своей тайной любовницей Джулией, его дух был сломлен, ему промыли мозги, он учится любить партию и Большого Брата. Противостояние оказывается невозможным – индивид не может освободиться.

«1984» принадлежит к 100 лучшим, часто цитируемым и упоминаемым, книг XX века. Один из новейших романов-антиутопий, созданных по его образцу, – «2084. La fin du monde» («2084. Конец света»; Париж, 2015) Буалема Сансала (*1949). Сансал работал высокопоставленным государственным служащим в Министерстве промышленности Алжира. В 1999 году он опубликовал свой первый роман «Варварская клятва», а в 2003 году был уво-

«ЖЕЛАЯ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ НАШЕ НАСТОЯЩЕЕ, МЫ ДОЛЖНЫ ПРИБЕГНУТЬ К ТРУДАМ ВСЕХ ЭТИХ ПРОВИДЦЕВ»

ЭЛЬВИРА ГРОЗИНГЕР

лен с государственной службы и занялся писательской деятельностью, результаты которой были отмечены множеством известных наград международного уровня. Сансал – непослушный и мужественный гражданин Алжира. Я познакомилась с ним в Иерусалиме на Международном литературном фестивале в 2012 году. Это была поездка, которая совсем не понравилась его правительству. В «2084» Сансал изображает крайне тоталитарное государство будущего под названием Абистан. Напоминая немного «Волшебную гору» Томаса Манна, Сансал точно следует схеме Оруэлла, но заменяет политическую систему тотального надзора фанатичной мусульманской религией.

Приведу последний пример романа-антиутопии XXI века – сатирический роман Мишеля Уэльбека «Sousmission» («Подчинение»; Париж, 2015), опубликованный в том же году, что и пугающая история Сансала. Во Франции недалекого будущего, средних лет академик Франсуа (маленькое альтер-эго Уэльбека), как и многие его современники, переживает кризис среднего возраста. Его жизнь кажется ему бессмысленной. Когда в 2022 году на президентских выборах выдвигаются два фаворита, Марин Ле Пен от Национального фронта и Мухаммед Бен Аббес от зарождающегося Мусульманского братства, они образуют противоречивый союз с основными партия-

ми. Избранный Бен Аббес пришел к власти, и страна преобразилась за одну ночь. Во Франции вступает в силу исламский закон, шариат: женщины носят чадру, вынуждены уступать свои рабочие места в университетах коллегам-мужчинам, поощряется полигамия, а экстремизм стал частью французского образа жизни. Однако Франсуа, пьющий арманьяк, просыпается для новой жизни. Кошмарное видение Уэльбека, к счастью, еще не воплотилось в жизнь на выборах в этом году, но может случиться в следующий раз.

Во всех упомянутых выше книгах выражены надежды и опасения авторов и их современников, которые они разрешают в соответствии с духом своего времени. Но антиутопия Уэльбека стоит рядом с оруэлловской – возможной и более реалистичной, чем все утопии и антиутопии прошлого, которые мы до сих пор читали. Сегодня «новояз» Оруэлла иногда используется в современных политических дебатах как утверждение о том, что кто-то пытается ввести новые значения слов в соответствии со своей повесткой дня, поскольку мы, особенно в Германии, сталкиваемся с «гендеризмом». И языковая диктатура Путина («операция» вместо «войны» против Украины), и политические сокращения (Ingsoc = английский социализм и т.д.) напоминают нам советский Коминтерн (Коммунистический Интернационал) или нацистское гестапо («Geheime Staatspolizei» – «тайная полиция»). Новое явление в области дезинформации, «фейковые новости» представляют собой «хорошее мышление» и похожи на результат деятельности «Министерства правды» Оруэлла. **Желая лучше понять наше настоящее, мы должны прибегнуть к трудам всех этих провидцев.**

РИТУАЛЬНАЯ ДРАМА И РИТОРИЧЕСКИЕ КОНТРАКТЫ

В данной статье рассматривается, как печать и культура печати изменили ритуал на Бали. Распространение печатных текстов и рост грамотности изменили способ исполнения ритуала. В то время как печать предоставила новые средства для сохранения и передачи знаний, многие устно-ориентированные методы производства и потребления сохранились в грамотных обществах Индонезии, хотя бы в сельских районах Индонезии. Телевидение, театральные постановки, романы – все печатные СМИ – не вытеснили ритуал на Бали. Однако они оказали влияние на способы производства и потребления ритуала.

В этом обсуждении будут проанализированы драматические ритуалы, рассмотрены современные печатные условности, принятые индонезийским правительством Нового порядка, содействующим стабильности с самого конца 1960-х по 1998 год. Эти условности, которые отделяют аудиторию

от представления, коренным образом изменили форму индонезийского ритуала. Публика на Бали традиционно была интерактивной. Присвоение Индонезией печатных СМИ привело, в первую очередь, к гораздо более пассивной аудитории, которая позиционирует себя как зрителей, а не участников. Тенденция в науке указывает на то, как ритуал был «рационализован», а разразившийся хаос был подавлен. Но политическое и культурное поглощение Индонезией печатных СМИ не было таким масштабным, как утверждают некоторые ученые. Хотя это исследование проницательно и полезно для освещения того, как ритуал был изменен с идеологией Нового порядка, который воспринимает поверхность и упускает из виду подтекст. Ибо хаос был похоронен, но не уничтожен. И в важные моменты ритуала публика устремляется на сцену, чтобы участвовать в физическом взаимодействии с исполнителями.

PH.D БРЕНДОН СПАРС

Писатель, преподаватель и рассказчик. Член-корреспондент Европейской Академии Наук Украины (EUASU). Был профессором в Университете Калифорнии, Беркли, также преподает в Sapota Academy. Преподавал в Колледже Маршалловых островов, в Государственном университете Паданга, Университете Махасарасвати на Бали, Индонезия.

Рихард Шехнер дал ценные характеристики многим жанрам театра, в том числе и ритуальной драме. Его сотрудничество с Виктором Тернером представило взаимодействие между ритуалом и театром как плодотворную тему антропологических исследований и размышлений. Шехнер считает ритуальную драму одним из полюсов оппозиции, которую он считает решающей для понимания мировой драмы. Греческий театр, как рассуждает Шехнер, развился из состязаний. На этих соревнованиях пьесы исполнялись перед судейской коллегией. Первоначально награды вручались только авторам пьес-победителей. Из таких событий сохранились две характеристики греческой драмы, формировавшие западную драму более двух тысяч лет. Во-первых, что наиболее важно для этой дискуссии, это отделение исполнителя от публики. Первоначально состоявшая из судейской коллегии, публика была полностью удалена, наблюдая за драмой и оценивая ее достоинства. Тот факт, что эти первоначальные зрители были судьями, а не зрителями, вбивает клин между исполнителями и зрителями, ибо судьи, чтобы быть объективными, должны быть беспристрастны. Требуемая от судьи/зрителей эмоциональная отстраненность превратилась в буквальный и физический барьер, проявляющийся в структуре самих театров, в частности, в непроницаемой границе между сценой и сидящей публикой. Во-вторых, акцент на тексте. В оригинальных конкурсах награждали автора, а не актеров. Такая конструкция отдает приоритет писателю и письменному слову. В таком случае исполнители являются просто средством выражения. В этой статье я буду

называть эти два качества греческого театра, метафорический и буквальный барьер между публикой и исполнителями, а также буду делать акцент на писателе, а не на исполнителях, как «контракт, ориентированный на печать» между представлением и публикой.

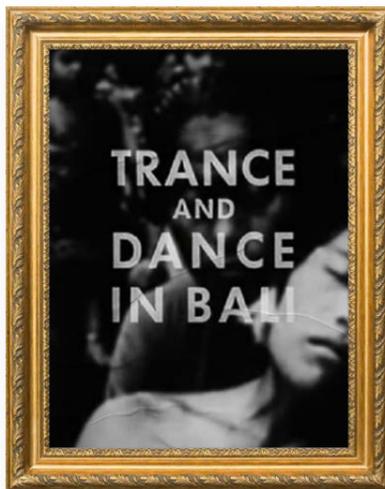
В отличие от этого западного акцента на писателе, **индийская ритуальная драма, согласно Шехнеру, характеризуется «расой» («вкусом»),** которую он описывает как «взаимность, разделение, совместное создание приготавливающие и причасное». Таким образом, индийская ритуальная драма переворачивает и противодействует двум рассмотренным выше качествам печатной драмы. «Взаимность» устраняет

барьер, который печатная драма навязывает между спектаклем и аудиторией. «Сотворчество» предполагает, что не только исполнители в драме «создают» текст, который они интерпретируют, но и зрители вносят свой вклад в этот акт творчества. Таким образом, в индийской ритуальной драме не существует печатного конструкта автора как единственного агента и творца. **Вместо разделения, между исполнителями и публикой существует единство.** В ритуальной драме задействованы зрители, которые скорее участвуют, чем оценивают.

Это же слово «раса» встречается в индонезийском языке и также означает «вкус». Это слово имеет множество тонких значений в сфере мистицизма и букв. Клиффорд Гирц проанализировал концепцию расы в яванской вере. Гирц переводит это слово как «чувство» и «значение». Это двойное значение, согласно Гирцу, освещает центральный принцип яванского мистицизма: единство чувства и значения и тесная связь субъективного опыта с истиной. В сфере индонезийской композиции и исполнения раса является основным элементом. Как указал Кунтара Вирьямартана в своем анализе рукописи «Арджунавиваха», раса — это основной тон, создающий единство в тысячах стихов поэмы.

Для целей этого обсуждения я буду использовать определение расы как взаимности, данное Шехнером, поскольку исследования Шехнера специально посвящены ритуальной драме. Чтобы понять характерную для балийской ритуальной драмы взаимность, полезно кратко рассмотреть **фильм Маргарет Мид и Грегори Бейтсона «Транс и танец на Бали» (1938).** В этом фильме представлена балийская ритуальная драма, в которой мужчины и женщины наносят себе удары крисами — действие, известное как нгурек. О создании этого фильма написано много. Особое беспокойство ученых вызывает тот

факт, что в фильме в транс входили молодые женщины, а не пожилые женщины, которые обычно выполняли эту роль в храмовых ритуалах. Эти молодые женщины были подготовлены исключительно для фильма. Из-за этой причудливой подмены подлинность фильма недавно была дискредитирована. Чтобы соответствовать среде кино, производство ритуальной драмы было ориентиро-

вано на аудиторию, которая воспринимала фильм визуально. Эта аудитория — пассивная, наблюдательная, ориентированная на печать аудитория, созданная греческой драмой. Замена старых женщин молодыми женщинами, несомненно, призванная укрепить образ Бали как экзотического и красивого, указывает на то, что предполагаемая аудитория Бейтсон и Мид является иностранной и следует диктату условностей, ориентированных на печать. Это аудитория, которая смотрит.

Чего заметно не хватало в фильме Мид и Бейтсона, так это аудитории, для которой разыгрывается такая ритуальная драма: храмовая община или прихожане. В фильме не было представлено взаимодействия между исполнителями и прихожанами, за исключением одного случая. Когда молодые женщины прижали крисс к своей груди, пожилая женщина выбежала из-за сцены позади камеры, чтобы присоединиться к ним. Камера следовала за пожилой женщиной, когда она взяла крисс и присоединилась к нгуреку. Старуха стала центральной частью спектакля, несмотря на попытки Мид создать сцену, в которой только красивые молодые женщины с распущенными волосами качаются в густом дыме ладана.

Кадр камеры Маргарет Мид формировал сцену из открытого двора храма, навязывая условности печати в ритуальной драме. В фильме редко создается впечатление, что во время спектакля присутствовала публика, за исключением

того момента, когда старуха вышла из закадрового пространства, чтобы присоединиться к молодым женщинам в транс. Ее вторжение знаменует собой разрыв цельности снятой драмы, что требует объяснений от Маргарет Мид. Мид справляется с этим вмешательством, тонко отчитывая пожилую женщину за нарушение правил печатной драмы, правил, которые требуют, чтобы публика оставалась вне сцены, вне камеры: Мид жалуется: «она сказала, что не войдет в транс». Однако в то же время Мид пытается сгладить этот разрыв в своей тщательно срежиссированной постановке, выбирая старуху в качестве исполнительницы. Она может быть артисткой, нарушившей правила, но Мид никогда не признает ее равноправной публикой, которая отказывается оставаться на месте. Шехнер, который упоминает этот фильм в своей книге, указывает, что в одном из выступлений Маргарет Мид выяснилось, что те, кто участвовал в производстве фильма, были возмущены вторжением старухи, потому что «...ее транс нарушили эстетические изыски, которые они репетировали для чужих глаз и чужих линз».

Вторжение пожилой женщины в кадр камеры раскрывает две различные концепции перформанса — полиграфическую и ритуальную. Те, кто ставил хореографию с Мид и Бейтсоном, явно ориентировались на рамку камеры, делая эти «эстетические изыски» для своей аудитории, которая будет смотреть представление на экране. Однако для старухи не существовало такого разделения между спектаклем и публикой. Она играла роль участницы в постановке драмы, а не пассивную, наблюдающую и оценивающую роль.

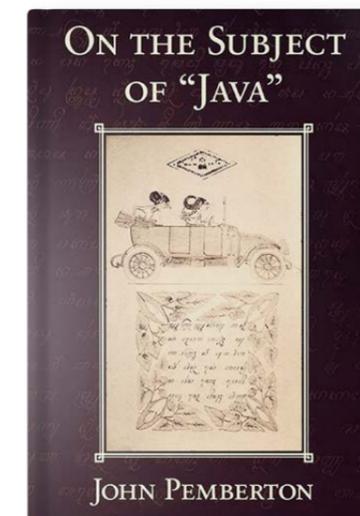
Мое обсуждение фильма Маргарет Мид представило два разных режима ориентации — пассивного зрителя и активного, творческого участника. Бали в определенной степени изменил свое определение роли аудитории, приспособившись к потреблению, ориентированному на печать. Спектакли, задуманные как художественные, а не религиозные, другими словами, часто платные спектакли, поставленные

городской публике, включающей туристов, следовали печатному контракту гораздо более последовательно и послушно. Сельские ритуальные драмы содержат смесь двух конкурирующих и противоречивых традиций: в установленное время сцена была столь же непроницаема, как и любая сцена греческой драмы, а публика пассивно поглощалась. Но в критические моменты, по причинам, которые я буду обсуждать, этот контракт, как и границы сцены, расступался, и зрители хлынули на сцену, чтобы участвовать в спектаклях, которые они спокойно наблюдали.

СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ МИРОВ

Книга Джона Пембертона «О предмете Явы» демонстрирует взаимодействие устной и письменной сфер. В книге центральным является утверждение Пембертона о том, что ритуал претерпевает огромные изменения из-за влияния правительства Нового порядка в течение последних тридцати лет. В своих обсуждениях ритуала Пембертон главным образом утверждает, что те аспекты ритуала, которые можно считать «беспорядочными» или даже «хаотическими», не соответствовали приверженности Нового порядка национальной стабильности и, следовательно, подавлялись и удалялись из контекста ритуала.

Признание той роли, которую печать и культура печати сыграли в трансформации ритуала, фактически делает аргументы,

выдвинутые Пембертоном, более убедительными. Хотя он ясно дает понять, почему «беспорядок» в ритуале подавляется, он не разъясняет, как происходило это изменение. Он не упоминает, были ли военные или полицейские, проводящие в жизнь политику Нового порядка. Он не описывает процесс, посредством которого эти ритуалы были реструктурированы, чтобы очистить их от беспорядка и хаоса. Подавление «беспорядка» остается в его книге чудесным достижением гегемонистской национальной риторики и ее призывом к общественной безопасности, развитию и продвижению Индонезии в эру технологий.

Книга Пембертона бросает вызов концепции **Клиффорда Гирца** о том, что деревенский сламетан построен вокруг «самоограничения». В своей главе о чистке деревень Пембертон сосредотачивается на элементе, отсутствующем в эссе о яванском обществе – «ребутан» («состязание»).

В той ограниченной степени, в какой сламетан может быть охарактеризован как коллективный пир, он представляет собой пир, который действительно, как отмечает Гирц, тайный. Пир на сламетане обычно включает в себя несколько тихих перекусов перед тем, как уйти с пакетом оставшейся порции, поскольку внимание сламетана сосредоточено на раздаче обмениваемой еды. На практике сламетаны представляют собой скорее ритуальную еду на вынос, чем форму общинных связей. Таким образом, жителей яванских деревень привлекает в сламетане не столько возможность совместного пиршества, сколько обещание вернуться домой с определенной порцией усиленной сламетанской еды – *берката*. Эта сламетанская награда является продуктом обмена, который собирают у деревенских домохозяйств, собранную еду перераспределяют. Более того, в контексте берсих деса [очищение деревни], производство излишков сламетаном аналогичным образом противопоставляется силе распространения, присущей актам ребутана посредством борьбы на месте деревни *дханьянг* [духов-хранителей]. И именно это сопоставление активизирует Шри – процветание – и делает отношения между

сламетанскими и ребутанскими событиями не только совместимыми, но и необходимыми. Ребутан дополняет то, что в противном случае оставалось бы изолированной, несколько подавленной сценой скрытой связи в форме классического сламетана, и освобождает сламетанские практики от их потенциально фреймового статуса модели сламета – состояния безопасности, в котором «ничего не происходит», – вовлекая их в более широкий, интенсивно активный производственный процесс.

Пембертон описывает напряженность, существующую между понятиями «сламетан», посвященному упорядоченному распределению пищи, и «ребутан», для которого характерно открытое соперничество между жителями деревни.

Иногда тяга к ребутану прерывает даже самого сламетана, и сам сламетан почти бесконтрольно уступает место, как только завершаются молитвы, жители деревни устремляются вперед, чтобы получить порцию сламетанской еды.

Пембертон описывает, как философия Нового порядка изменила деревенских сламетан. Пембертон приводит примеры замены таюбана «упорядоченными мужскими хорами», тем самым избегая ребутана ради безопасности. Обмен едой больше не является обменом. Семьи теперь приносят еду на благословение и получают точно такую же пищу, которую они пожертвовали. Игры с тенями, возможный фокус яванской церемонии, когда-то сами по себе являвшиеся подношением и местом перераспределения пищи, теперь оформлены в контексте предоставления полезного урока.

Ребутан относится к времени, когда участники изо всех сил пытаются получить порцию еды или, возможно, горсть святой воды, освященной во время ритуала. В видеосериале «Огненное кольцо» есть кадры одного из таких случаев, когда к воротам кратона подносят воду, которой омывали придворное оружие, где с нетерпением ждут люди. Они зачерпывают горстями воду в рот и поливают голову, толкая других, ищущих драгоценные капли, пропитанные силой оружия. Ребутан встреча-

ется и на Бали, обычно с участием целого жареного поросенка, которого разрывают на части в спешке участники, желающие получить кусочки благословенного мяса. На Бали это обычно называют не «ребутан», а «пембериан» («дарение»). Это до сих пор регулярно происходит в главном храме Бали, Бесаких.

Аргумент Пембертона расширяет рамки ребутана, включая все аспекты ритуала, считающиеся хаотическими, поскольку подавление ребутана означает подавление всех аспектов, не принадлежащих к тщательно организованным процессиям и представлениям, которые теперь характеризуют ритуал в городских центрах Явы. Из ритуала был удален не только ребутан, но и все аспекты хаоса, борьбы и беспорядка. Таким образом, «традиция» становится конструкцией, с помощью которой подтверждается стабильность при правительстве Нового порядка.

Как упоминалось ранее, Пембертон прямо не обсуждает средства, с помощью которых было достигнуто это подавление беспорядка и хаоса, а просто приписывает их правительству Нового порядка. На самом деле, мы можем ощутить трудности, с которыми сталкивается Пембертон, когда он пытается подкрепить свои утверждения рассказом о реальном ритуале очищения деревни. Вместо того, чтобы сослаться на детали из прямого описания ритуала, он использует новостную статью, в которой рассказывается о церемонии в деревне Тулакан. В этой церемонии «джембул» («перья») используются для украшения подно-

шения еды. Пембертон делает следующий анализ новостной статьи:

То, что осталось от ежегодной встречи джембул, — это, опять же, несколько жуткое сопоставление хорошо организованной официальной процессии, с одной стороны, и отсроченного удовольствия ребутана, с другой стороны, актуализированного ожидания, поддерживаемого атмосферой напряженного ожидания. В новостях далее отмечается, что «атмосфера беспорядка» (suasana kacau), которая когда-то окружала джембул, теперь возникает редко: «То, что происходит вместо этого — это только парадное построение. Таким образом, зрители действительно не позволяют своим эмоциям взорваться». То, что делает это видоизмененное джембульское шествие особенно привлекательным для правительственных чиновников, является, не просто зрелищем парада, но зрелищем успешно подавленного ребутана, желаемого инцидента, ритуально преодоленного во имя «традиции».

Мы находим журналиста, который защищает, настаивает на том, что ритуал был «упорядоченным», как будто пытаюсь развеять сомнения, возникающие в умах читателей относительно ритуала. Пембертон приводит также цитату, в которой структура ритуала упоминается как «парад», что, по-видимому, помогает создать впечатление, что ритуал на самом деле был упорядоченным событием, в котором были четко определенные участники, зрители, которые, как мы полагаем, пассивно воспринимали событие, не позволяя своим «эмоциям взорваться». В этих отрывках из новости мы видим стремление журналиста привить ритуалу ценности, поддерживаемые Новым порядком.

Хотя с одной стороны эта статья подтверждает утверждения Пембертона, она также демонстрирует постоянство тесной связи хаоса с ритуалом. Выбор Пембертона включить новостную статью о ритуале, а не его собственные наблюдения,

демонстрирует, что ему гораздо легче доказать свою точку зрения в сфере печати. Совершенно ясно, что в этой статье «порядок» трактуется как надлежащая цель ритуала, а «хаос» — это что-то из прошлого. Это ценности, разделяемые в печати индонезийскими читателями и не обязательно участниками ритуала. Пембертон также делает следующее заявление по поводу новости:

«Однако, как не может не заметить репортер новостей, такое происшествие, похоже, именно то, чего ждут жители деревни...».

Здесь Пембертон представляет журналиста, отталкивающего зрителей от ценностей, отстаиваемых в статье. Как именно журналист узнал, что зрители ожидают какого-то инцидента, ни журналист, ни Пембертон не разъясняли. Но разница между предполагаемой аудиторией статьи и аудиторией, присутствовавшей на ритуале, несомненна. Предполагается, что читательская аудитория разделяет этическую позицию против даже следов беспорядка, в то время как зрители характеризуются как желающие хаоса.

ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГ КАК ФЛАНЁР

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ШАБЛОН ИНДОНЕЗИЙСКИХ ГОРОДОВ

Города – это места, полные символов. В последние десятилетия индонезийские города стали колыбелью изучения городского символизма. В данной статье автор представляет результаты этих исследований. Исследуемые города сильно отличаются: от столицы страны до столиц провинций и небольших городков; некоторые из них, например, Джакарта, имеют чисто колониальное происхождение, тогда как другие носят более или менее традиционный характер. Некоторые из них имеют нисходящую символическую структуру, в значительной степени продукт деятельности правительства, в то время как другие имеют символические конфигурации, которые носят характер простых людей и основаны на религиозной сфере. Методологический аспект полевых исследований городского символизма исследуется введением понятия «фланёр» (*flâneur* – «наблюдатель»).

ВВЕДЕНИЕ

В городах можно найти огромное количество конфигураций символов или символьных узоров, так как существует большое разнообразие этих символов и их носителей. Носители этих символов могут быть такими же разнообразными, как например, имена улиц, статуи, памятники, достопримечательности, фрески, граффити, ритуалы, праздники и так далее. Тем не менее, до начала исследований доминирующие носители и конфигурации символов в конкретном городе, как правило, неизвестны. Студенты, изучающие городскую символизацию, должны быть готовы открыться сложной городской среде и прислушиваться

ПИТЕР ДЖ. М. НАС

Писатель, заслуженный профессор культурной антропологии Лейденского университета, автор таких трудов в областях городской антропологии, социологии развития и символизма городов, среди которых: «Гипергород. Символическая сторона урбанизма», «Города, полные символов: теория городского пространства и культуры», «Town-Talk: динамика городской антропологии» и «Городской символизм».

к информаторам, что те думают о местах и пространствах, которые содержат символы. После первоначального ознакомления, в том числе детального запоминания и фотографирования, основным инструментом, который можно использовать для расшифровки самого важного символа, является сочетание ментального и нарративного картирования и обширного интервьюирования проводников конкретного города и, следовательно, изучение конфигураций и динамики. Большинство горожан имеют посредственные знания о городской символической составляющей их города, и **задача антрополога состоит в том, чтобы собрать воедино головоломку для построения общей картины, с помощью которой можно вывести теорию, характерную для этого города, и, по возможности, транспонировать это в более общих чертах.**

В этом эссе я выделю область городского символизма в целом и опишу методы и приемы, используемые антропологом для сбора данных. После этого я представлю теоретические результаты, полученные на данный момент, а также привлеку внимание к практическим последствиям этой области. Существующие тематические исследования индонезийских городов будут использованы для представления конкретной иллюстрации исследований в области городской символики. В заключении будут рассмотрены факторы индонезийской городской символики.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы определяем символьные модели как исторически сложившиеся, культурно де-

терминированные конфигурации выражений, связанные с определенными значениями, которые формируют повседневную жизнь людей. Бермс (2008: 328) в своем эссе верно указывает на историческую и культурную детерминацию символов и символьных моделей, но он затемняет картину, определяя символы как значения, пренебрегая выражениями, к которым они присоединяются. Его определение стирает различие между символом и значением. Символы также отличаются от знаков. Знаки относятся к конкретному явлению и в целом просты и ясны по смыслу. Напротив, символы – это ссылки на внешние явления, внешний смысл, такие как общность (этническая группа), психическая жизнь человека (святого), невидимые явления (божества или призраки) или ценность и идея (развитие, верность), поэтому символы парадоксальным образом образуют одновременно и мост, и преграду к пониманию и участию в скрытой реальности (*Ponsioen 1952:102–109*). Короче говоря, символы связаны со значениями и более сложны, чем знаки. В этом эссе речь идет не о знаках, а о символах. Тем не менее, признаки могут стать символами, когда приобретают скрытый смысл и, наоборот, символы могут стать знаками, когда они теряют свое референциальное качество. В городах могут присутствовать определенные типы символов, такие как отличительная планировка города или особые статуи, монументальные здания, названия улиц, праздники и т.д. В конкретном контексте эти символы формируют символьные паттерны. Символы часто обоснованы в определенных слоях

общества, включая правительственную сферу, религиозную, экономическую, вооруженных сил и туризма. Они называются **символическими доменами**.

Должно быть абсолютно ясно, что изучение городской культуры и символизма не является исключительной областью городской антропологии, хотя антропология применяет особый подход при их изучении. Главное поле культурной географии – это места и отрасли производства и потребления культуры, например, в мировых городах и недавно облагороженных районах. Культурная экономика имеет тенденцию сосредотачиваться на изменениях в культурном секторе как производственной единице, а старые и новые места в городах, являющиеся популяризаторами индустрии культуры, также входят в отрасль туризма. Социология подчеркивает нормы, ценности и связанные с ними институты в обществе, в то время как основное поле экологической психологии – это восприятие городов, ландшафтов, регионов и страны. История обращает особое внимание на «место памяти», в то время как искусствовед видит символизм в искусстве как выражение конкретного (исторического) изучаемого общества. В архитектуре проектирование и строительство высотных зданий и достопримечательностей, даже целых кварталов

и городов, обеспечивает символизм с твердой основой.

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Однако, как упоминалось выше, у антрополога свой подход, для которого можно использовать понятие **фланёра**. Когда антропологи проводят полевые исследования в городах, перед ними возникает очень специфическая и требовательная задача – понять их общую культуру, их символические рисунки, их характер или душу. В отличие от исследований в небольших сообществах, будь то сельские деревни или городские кварталы, где все вскоре узнают чужака, вступающего в сообщество, в городе, особенно в мегаполисах, антрополог погружается в толпу людей и множество мест. **Его первая задача – ознакомиться с разными местами: их использованием, функциями и людьми, которые часто посещают эти места.** Это обязательство превращает антрополога во *фланёра* – бродягу, странника, у которого нет никаких особых отношений с интересными ему или ей местами и который будет стремиться вступить в контакт с прохожими, персоналом отеля, водителями такси и другими лицами, которые случайно встретились ему на пути. И какими бы ограниченными взаимодей-

ствиями ни были, перед ним задача выяснить, чем занимаются и что думают местные жители. **Фланёр – наблюдатель и участник, собирающий общие знания о городе.** Эта задача является отправной точкой для выработки представления на основе его/ее личного опыта, включая соответствующую литературу, но которое впоследствии может перерасти в глубокое знание взглядов, выраженных определенными категориями и группами жителей, особенно ключевыми являются информаторы, играющие важную роль в иссле-

довании. Тем не менее, будучи наблюдателем и участником, *фланёр* также является сыщиком, потому что его конечная цель состоит в том, чтобы объединить все, чему он научился, в одно повествование, объединяющее разрозненные взгляды на символический порядок, которого придерживаются жители, в одной-единственной модели, и тем самым раскрыть душу города, его структуру и динамику.

Шарль Бодлер (1995: 9), который ввел понятие *фланёра* в 1863 г., писал следующее:

«Для идеального фланёра, для страстного зрителя безмерная радость устроить дом в сердце толпы, среди приливов и отливов движений, среди беглых и бесконечных. Быть вдали от дома и при этом чувствовать себя везде как дома; видеть мир, быть в центре мира и все же оставаться скрытым от мира [...]».

Фланёр – «живописец уходящего мгновения и всех содержащихся в нем намеков на вечность» (Бодлер 1995: 5). «Он восхищается вечной красотой и удивительной гармонией жизни в столицах. [...] Он вглядывается в пейзажи большого города [...]» (Бодлер 1995: 11). Послание, которое передает Бодлер, состоит в том, что *фланёр* – член толпы и знаток городской жизни; он активный и интеллектуальный наблюдатель, движимый любопытством, и он сочетает в себе небрежный взгляд колясочника с целеустремленным взглядом детектива.

Истинным домом *фланёра* был Париж XIX века, галереи которого были его основным владением (Hazel Hahn 2006); город был его интерьером, его домом. Вот почему иногда, под видом публичного типа, в научной литературе *фланёр* ограничивается Парижем XIX века. Считалось, что он исчез, когда торговые ряды уступили место крупным универсальным магазинам, наводненным полноценными потребитель-

скими идеологиями, и когда интерьер этих магазинов стал внешним видом города и достоянием покупательских масс. В эту эпоху вся идея *фланёра* играла роль в оценке общественной жизни города и отчуждения, которое считалось неизбежным дополнением быстрой урбанизации. Поскольку всевозможные типы и характеры на городской арене, *фланёры*, денди и другие карикатуры могут быть

легко узнаваемы по их стилю и поведению, изображение социальной ориентации жителей считалось менее трудным, чем можно было бы предположить, и городское отчуждение было довольно ограниченным.

Вальтер Беньямин (1991: 524) уточняет контрастное отличие между *фланёром* и путешественником или туристом. Турист ограничивает свое внимание монументальными и представляющими особый интерес местами, так сказать, «экзотическими и живописными» (Goebel 1998: 379), и фактически не вовлечен ни в городскую историю, ни в городскую жизнь. Именно *фланёр* пытается включить местный взгляд, поскольку его интересует предыстория и история городского ландшафта и общества. Фланирование состоит из противостояния между городом и биографическим фоном *фланёра*, или «диалектического движения знакомства и чуждости» (Goebel 1998: 379). В этом диалектическом движении *фланёр* также является сыщиком. Ему подходит выглядеть инертным среди городских масс, но на самом деле он страстный наблюдатель и участник (Benjamin 1991: 554), стремящийся понять город и, как журналист, делающий заметки о городской жизни. **Фланировать** – это «деятельность этнографического исследования» (Goebel 1998: 389).

С течением времени теория *фланёра* и *фланёрства* породила особые методы исследования города. Чтобы наблюдать за тем, что происходит на улице, *фланёр* может стать неподвижным, заняв свой пост в определенном кафе или в другом месте.

Мобильный фланёр может следовать за одним человеком в течение дня и записывать, что тот делал, например, посещал магазины, разговаривал с друзьями и так далее. Также он может изменять свою позицию три раза в день в разных точках определенного квадрата и описывать происходящее с разных сторон. В качестве альтернативы он может наблюдать за одним и тем же местом в течение одного дня, в течение нескольких лет. Более распространенный метод – просто бродить по городу наугад, чтобы наткнуться на неизвестные места и виды, познакомиться с архитектурой и местностью, насладиться случайными встречами и празднествами. В наши дни урбанисты и архитекторы по-прежнему выбирают этот способ знакомства с городом.

Другой возможный шаг – включение воображаемого исследования города с помощью мысленных карт или даже повествовательного картографирования без нанесения карты на бумагу. В современных исследованиях городского символизма ментальное и нарративное картирование играют важную роль, поскольку они образуют богатый источник понимания города, как его выражают информанты.

Цель антрополога как фланёра состоит в том, чтобы достичь синтетического подхода к символическому порядку города, многократно используя наблюдение, участие, интервьюирование и размышление. Это творческий и итеративный процесс,

повторяющийся до тех пор, пока не будет достигнуто оптимальное понимание. **Фланёр – символ антрополога, осваивающего город.**

Фланёр — это антрополог avant la lettre («до письма»), а антрополог — это современный фланёр.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие области городского символизма основано на совместных усилиях антропологов, социологов, историков и географов, которые хорошо знакомы с различными городами по всему миру, были вдохновлены идеей разработки городской символической теории мест, где они ранее часто делали полевые работы. К настоящему времени городская антропология произвела большое количество тематических исследований в области символизма, включая города Альбукерке, Анкару, Багдад, Банда-Ачех, Бангкок, Банска-Бистрица, Пекин, Блитар, Брюссель, Буэнос-Айрес, Букиттинги, Канберру, Кейптаун, Коломбо, Куэнку, Делфт, Денпасар, Исфахан, Франсистаун, Гданьск, Гент, Джакарту, Катманду, Кингстон, Кудус, Купанг, Лейден, Люблян, Лакхнау, Нью-Йорк, Паданг, Палембанг, Париж, Паякумбук, Гаагу, Токио, Джокьярту и Виторию.

ПОДХОДЫ

Эти исследования породили новые теории, главными из которых являются городская символическая экология, а также подходы гипергорода и социальной сплоченности (Nas, 1998; Nas, Jaffe, and Samuels, 2006; Nas, De Groot, and Schut, 2011; Nas and De Giosa, 2011).

Первым подходом была городская символическая экология, которая фокусируется на изуче-

нии распределения символов в городском пространстве и пытается разрабатывать пространственные модели для городского символического порядка города. Для описания конкретных ситуаций было разработано несколько концепций, включая носитель символа, многоуровневую символику, референциальную символику, вложенную символику и символическую область.

Позже внимание переключилось на семиотику и идею означающего и означаемого. Была разработана модель гипергорода. Это включало более ранние концепции и добавляло различие между четырьмя типами носителей символов, а именно материальными, поведенческими, иконическими и дискурсивными символами. Производство и потребление, а также теневой город были важными дополнениями к модели (Nas, Jaffe, and Samuels 2006: 9), которые подчеркивали силу гиперреальности, подавляющую городскую реальность. Также большой интерес вызвал символический порядок различных городов и их развитие с течением времени.

Совсем недавние исследования привели к пониманию роли городского символизма в социальной сплоченности и социальных конфликтах, подчеркивая коллективные, а не индивидуальные взгляды на городские символы.

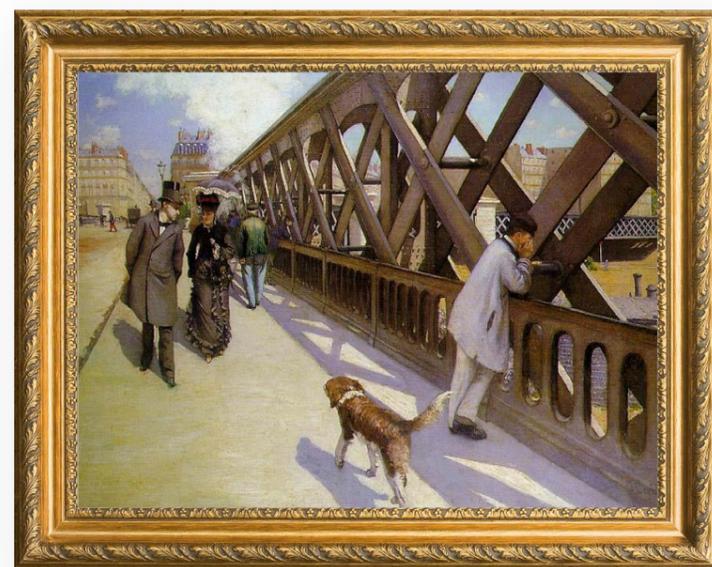
ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Изучение городской культуры, в первую очередь городского символизма, является научно-теоретическим делом. Но у этого есть и практическая составляющая, поскольку городская идентичность и имидж очень важны для горожан и чиновников местных органов власти. Его жители предпочитают жить в приятном городе, история и культура которого богато выражены в символике. Это улучшает ориентацию в городе и его читабельность. Именно так можно представить себе город. Это позволяет горожанам больше ценить красоту своего места жительства. Городская культура и символика могут помочь местным чиновникам в реализации идеи создания соответствующего образа города,

разумеется, в соотношении с реальными и желаемыми условиями, присущими ему. Брендинг города и городской маркетинг превратились в настоящую индустрию.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДОНЕЗИИ

С 1990 года индонезийские города, особенно Джакарта, стали отправной точкой исследований городского символизма. В этом эссе я сосредоточусь на тематических исследованиях индонезийских городов и на том, что можно извлечь из них в области городского символизма. Индонезийские города, исследованные в этой области, – Банда-Ачех, Паданг, Букиттинги, Паякумбук, Палембанг, Джакарта, Джокьякарта, Кудус, Блитар, Денпасар и Купанг. Они сильно отличаются, начиная от национальной столицы и заканчивая провинциальными столицами и небольшими городами; некоторые из них, например, Джакарта, имеют чисто колониальное происхождение, тогда как другие носят более или менее традиционный характер. Некоторые из них имеют нисходящую символическую структуру, в значительной степени продукт деятельности правительства, в то время как другие имеют символические конфигурации, которые носят более низовой характер и основаны на религиозной сфере.

До сих пор столицы провинций составляют большинство тематических исследований Индонезии, а исследования малых городов довольно скудны. Исследуемые города охватывают острова Суматру, Яву, Бали и Тимор.

ДЖАКАРТА

Начнем со столицы, Джакарты, города, который я исследовал как настоящий фланёр в течение нескольких лет в 1970-х, а затем в 1980-х. Каково его послание для нас? Джакарта имеет обильную, многоуровневую, нисходящую символическую структуру, созданную рядом национальных правительств и более поздних рыночных изменений, но она также имеет значительный восходящий символизм, связанный с рекой Циливунг (*Nas 1990, 1992, 1993, 2007; Баккер и Сентависук, 2011 г.*).

Поскольку он уже существовал как полноценный колониальный город, после провозглашения независимости, по необходимости были изменены названия улиц с голландских на индонезийские (Grijns 2000). Сменявшие друг друга новые правительства, особенно первый президент Сукарно, получивший образование архитектора, подчеркивали «индонезийность» города, возводя ряд колоссальных памятников и статуй, которые отмечают центральную часть и нейтрализуют ее колониальный колорит. Примеры: Монас, национальный памятник (*Изображение 1*); Хануман, который на самом деле предназначался для чествования российского спутника; и Статуя

► *Изображение 1. Разметка зоны Старого порядка. Фланёрство на Площади свободы (Медан Мердека) возле Национального монумента (Монас), Джакарта (Фото автора, 2003 г.).*

молодежи в память о молодых людях, сыгравших важную роль в борьбе за независимость. Я посетил все эти памятники, прогуливаясь по их ближайшим окрестностям, наблюдая и беседуя с людьми, которые там случайно проходили.

Эти монументы отмечали внутреннюю часть города, и когда второй президент Сухарто пришел к власти, он и его жена создали монумент Лобанг Буая во внешнем кольце (*изобр. 2*), символизирующий миф о новом правительстве, застывшем в камне, и музей под открытым небом Taman Mini Indonesia, в котором представлены традиционные дома со всей страны и которые объединяют всё, символически усиливая мощь центра.

На северной окраине города, в одном из старых колониальных районов, до сих

пор существует Джакарта Кота, содержащая голландские символические элементы, среди которых разводной мост голландского типа (*см. Изображение 3*) и голландские фасады.

В 1990-х годах рост среднего класса и новая динамика рынка стимулировали строительство большого количества кондоминиумов и торговых центров по всей Джакарте и ее окрестностям (*изобр. 4*), не говоря уже о планировании совершенно новых городов. На этом последнем этапе аккуратная разметка городской территории концентрическими кругами была нарушена, поскольку кондоминиумы и торговые центры были построены вместе с платными дорогами в разных местах города. С символической точки зрения, как указывает Эверс (2011), Джакарта стала обычным мировым городом, многоуровневым и сложным, но также имеющим современные типы символов, включая небоскребы и платные дороги.

Помимо нисходящего и рыночного символизма, есть восходящий, очень сильный естественный символ реки, который пронизывает город и ежегодно вызывает сильное наводнение (*Caljouw, Nas, and Pratiwo 2005*). В стихах, вдохновленных Джакартой, река Циливунг воспринимается как «источник жизни и источник воды для многих домашних хозяйств», тем не менее, признается и великая сила разрушения, которую она может принести, когда разливается (*Баккер и Сентависук 2011: 236*). На протяжении многих лет он функционировал как естественный символ, как устойчивый контрсимвол на различных административных этапах.

Фланёрство и туризм довольно распространены в окрестностях гавани, места, где река впадает в Джакартский залив. Несмотря на этот сильный контрсимволизм Ciliwung и шутки над всевозможными помпезными памятниками, чтобы нейтрализовать тяжелую нисходящую государственную символику, Джакарта является ведущим городом в национальном развитии, и некоторые из ее символов имеют национальное значение.

На более низком уровне провинциальных столиц я хочу сравнить исламский Банда-Ачех на Суматре с индуистским Денпасаром

▲ *Изображение 2. Маркировка зоны New Order (нового порядка); Лобанг Буая, Джакарта (Фото автора, год неизвестен).*

▲ *Изображение 3. Обозначение колониальной зоны. Старый голландский разводной мост, Джакарта Кота (Фото автора, год неизвестен).*

▲ *Изображение 4. Новые торговые центры и кондоминиумы. Развитие рынка 1990-х годов, распространяющееся по городу (Фото автора, год неизвестен).*

на Бали, традиционной Джокьякартой на Яве и христианским Купангом на Тиморе. На этом уровне городов также фигурируют Паданг и Палембанг.

БАНДА-АЧЕХ

Банда-Ачех, расположенный в самой северной точке Суматры, является фундаментальным исламским городом, а мечеть Байтуррахман (Изображение 5) в центре является его самым заметным символом (Нас, 2003 г.). Во время полевых работ – за несколько лет до цунами 2004 года, обрушившегося на город, – я бродил по центру этого города и в окрестностях мечети.

▼ *Изображение 5. Мечеть Байтуррахман, как главный символ Банда-Ачеха (Фото автора, 1997 г.).*

В первоначальном виде мечеть имела только один купол. Это был подарок генерал-губернатора после уничтожения его предшественника в начале XX века во время борьбы, когда Ачех был захвачен голландцами. Позже, после того, как его расширили и увеличили количество куполов, он стал символом Банда-Ачеха и провинции Ачех в целом. Слава о нем распространилась по всему Архипелагу, а после цунами – и на весь мир. Когда обрушилось цунами, люди нашли убежище на его крыше, что усилило символическую силу здания. После катастрофы, к нему присоединились новые символы, среди которых большой корабль, выброшенный на берег силой цунами, большие массовые захоронения и Музей цунами (Van Leeuwen 2011).

Еще одним символическим элементом, с которым я столкнулся во время своего фланёрства, была многоуровневая кры-

ша и некоторые черты традиционного ачехского дома (Изображение 6), перенесенные на современные постройки. Эти особенности включают колонны и треугольные ветровые стекла на фасадах. В эпоху Сухарто многие этнические группы в Индонезии ухватились за традиционные конструкции крыш своих домов, чтобы украсить современные административные и банковские здания как символ городской и провинциальной идентичности. Многоуровневые крыши в Банда-Ачехе на самом деле являются элементом не традиционных домов, а небольшой колониальной колокольни, которая стала источником широко распространенной символики (изобр. 7). Подобно мечети, также имеющей колониальное происхождение, двойная крыша, несмотря на ее колониальное происхождение, считается глубоко ачехской чертой и полностью интегрирована в ачехскую культуру.

Короче говоря, интегрированные колониальные элементы, мечети и монументальные могилы исламских и других лидеров, традиционное строительство домов и цунами составляют основные элементы символической конфигурации Банда-Ачеха.

ПАДАНГ И ПАЛЕМБАНГ

Паданг и Палембанг – столицы провинций Западной и Южной Суматры, соответственно. Фрик Коломбин (1994: 330–358) обсуждает несколько символических проблем Паданга, которые можно найти в этнической, религиозной, политико-исторической, модернизационной и сакральной сферах. Растянувшись от колониальной эпохи до эпохи Сухарто, он наблюдает переход от довольно многообразной символической структуры к более однородным условиям, в которых минангкабау являются доминирующей группой населения, а их впечатляющие крыши гонджонг являются самым мощным символом города. Коломбин (1994: 357–358) утверждает:

«В колониальный период символы были частным делом (религиозные процессии, статуи, голова буйвола на ратуше, стро-

▲ *Изображение 6. Традиционный ачехский дом, Банда-Ачех (Фотография автора, 1997).*

▲ *Изображение 7. Разметка зоны Старого порядка. Фланёрство на Площади свободы (Медан Мердека) возле Национального монумента (Монас), Джакарта (Фото автора, 2003 г.).*

▲ *Изображение 8. Река Муси и мост АМПЕРА, Палембанг (Таал 2003: обложка).*

► *Изображение 9. Реплика традиционного дома минангкабау в Тамани. Мини-Индонезия, Джакарта (Фото автора, год неизвестен).*

ительство молельных домов), а теперь установление символов находится в руках администрации, которая их создает (статуи), заказывает их (бергонджонг крыши банков) или запрещает их (баронг сай). Новые символы, созданные самими людьми, такие как кладбище в Куранджи и мечеть Таква, могут иметь более сильную символическую силу, чем символы, созданные администрацией».

Коломбин представляет примеры соперничества между этническими группами в области городской символики, особенно в отношении китайского кладбища.

Основные символы, которые я обнаружил, бродя по Палембангу, — это река Муси и впечатляющий мост АМПЕРА (изображение 8), история и археологические раскопки в поисках королевства Шривиджайя, несколько святых могил и типичная крыша лимаса, которая часто используется на современных зданиях. Таал (2003: 153–211) сосредотачивает свое описание символизма Палембанга в названиях, архитек-

турных сооружениях, статуях и памятниках, захоронениях, ежегодных торжествах по случаю основания и археологических раскопках, связанных со Шривиджайей.

Обе столицы провинций, Паданг и Палембанг, демонстрируют большое разнообразие символов, поскольку местные органы власти принимают активное участие в символической сфере, возводя статуи и сооружая памятники. В Паданге, в соответствии с национальной политикой Сухарто, крыши стали доминирующими, объединив его символическую структуру. Форма крыши традиционного дома Минангкабау очень эффектна, например, в стилизованной форме на зданиях банка и университета (см. Изображение 9).

В Палембанге единая символическая структура, связанная с рекой Муси, усилена внушительным мостом и ежегодными соревнованиями по гребле, посвященными основанию Шривиджайи и города. Считается, что глубокие исторические корни раннего индонезийского государства Шривиджайя, предположительно

расположенного недалеко от города, как показали раскопки, узаконивают первоначальный масштаб индонезийской территории, которая включала Суматру задолго до голландской колонизации.

Можно сделать вывод, что обе провинциальные столицы имеют довольно монолитную символическую структуру, основанную на богатых подчинённых слоях на различных территориях.

ДЕНПАСАР

В столице провинции Бали Денпасаре я воспользовался мотоциклом, чтобы исследовать город, который в своей основе является индуистским по планировке и культуре и развернут к святой горе Гунунг Агунг с храмом Бесаких на северо-востоке (Nas 1995; см. изображения 10–11). Люди, с которыми я разговаривал, обычно мысленно рисовали карты со статуей Чатур Муки (четырехликого Брахмы; см. изобр. 12) в центре города возле алун-алуна (общественной площади), которая, как того требует традиция, граничит с дворцом, или резиденцией раджа или губернатора и расположена в северной части, храм — в восточной, рынок (в данном случае на некотором расстоянии) — в западной.

Специфическая индуистская планировка повторяется в алтарях в домах, которые всегда расположены вверх по течению и обращены к священной горе, а также в храмах и алтарях вдоль улиц и повсеместных свидетельствах богатства подношений.

Статуи также играют важную роль. Многие религиозные скульптуры были установлены в потенциально опасных местах, таких как переходы и мосты. Помимо религиозных статуй, есть много других, которые относятся к историческим и государственным сферам (Пупутан и Независимость), а также к туризму (см. Изображение 13). Воздвигнутые руками простых лютей для украшения окружающей среды, небольшие статуи из цемента являются одной из специфических областей.

Индуистская религия доминирует во впечатляющей символической конфигурации

▲ *Изображение 10. Гора Агунг, вид из Денпасара (Фото: авторов, 1992).*

▲ *Изображение 11. Храм Бесаких, гора Агунг (фотография авторов, 1992).*

Денпасара. Она формирует план города статуей Чатур Муки, обозначающей центр, и сакральным смыслом направления святой горы, определяющим расположение храмов и всех видов культурного самовыражения. **Государство и простые люди также играют важную роль в символизме, хотя и менее заметную, чем религия.** Символизм огромной туристической территории относительно нов. Он представлен несколькими статуями и разветвленной сетью отелей, а также точками продаж предметов культуры, охватывающими город и большую часть острова.

► *Изображение 12. Статуя Чатура Муки, Денпасар (<http://www.panoramio.com/photo/38078277>).*

► *Изображение 13. Памятник Пупутану, Денпасар (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/77/1906_Puputan_monument_in_Denpasar.jpg).*

ДЖОКЬЯКАРТА

В 1970-х лучшим способом познакомиться с Джокьякартой был бечак (велотакси). Кратон (дворец) султана, включая Водный дворец (Таман Сари), возвышаются над городом и являются символами традиционной власти, которой они наделены. Символическая конфигурация с кратоном в центре является одновременно линейной и круглой.

Линейный сегмент представляет собой ось север-юг, соединяющую священную гору Мерапи через памятник Тугу с кратоном и продолжающуюся дальше на юг через Крапьяк (охотничий домик султана) к сверкающему камню (Бату Гиланг в Парангтритисе) на южное побережье, где богиня Южного моря Ни Лоро Кидул встретила с первым мусульманским царем Матарамом Панембаханом Сенопати (*De Giosa 2011a: 87*). В сегменте поведенческой символики некоторые церемонии носят скорее круговой, чем линейный характер, поскольку они выполняются как процессии, проходящие вокруг кратона или города (*ритуалы Тапа Бису и Джуменеган*) (*De Giosa 2011a: 99*).

Джокьякарта также все еще имеет сильное колониальное присутствие, проявляющееся в особняке бывших колониальных властей, форте (Вреденбург), а также железнодорожном вокзале и других колониальных зданиях, соседствующих с кратоном.

Есть еще одна очень важная символическая сфера, обретенная после независимости. После обретения независимости, университет был расположен в северной части, и Джокьякарта превратилась в важный образовательный город, в котором находится большое количество таких учреждений.

Поэтому традиционная власть султана и влияние современного образователь-

▲ *Изображение 14. Таман Сари*

▲ *Изображение 15. Гора Мерапи*

ного сектора составляют основу сложной символической конфигурации Джокьярты. Доминирующая линейная символическая структура проходит от Мерапи через кратон к южному побережью. Она имеет сильный религиозный оттенок, часто поддерживаемый церемониями, иногда кругового характера. Некоторые колониальные постройки были наложены на фундаментальную традиционную линейную структуру. Они остались нетронутыми, но фрагментарность линейной символики постепенно исчезла, поглощенная повседневной жизнью горожан.

КУПАНГ

Купанг также является столицей провинции и административным центром провинции Нуса-Тенгара-Тимур (НТТ), состоящим из островов Западный Тимор, Флорес, Сумба и ряда более мелких. Это христианский город с протестантско-католическим большинством, но, тем не менее, он очень многоэтнический, поскольку население состоит из людей разного происхождения, в том числе тиморцев, савунцев, ротинцев, китайцев и арабов, а также с разных островов: Флорес, Сумба, Ява и Суматра. Де Джоза подробно описал символическую систему Купанга, и я благодарен ему за возможность использования его доклада в моих заметках.

Христианский характер города очевиден из транспортных средств, особенно небольших автобусов (бемо), на которых изображены такие картины, как «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи и «Иисус Христос – суперзвезда».

В Купанге, как и везде, прижилась мода украшать верхушки административных зданий квазитрадиционными крышами, но, поскольку ни одна этническая группа не является доминирующей, ратуша имеет не менее трех таких крыш, заимствованных у основных групп населения: крышу в форме лопы, флоренскую крышу с рогами буйвола и сумбанскую остроконечную крышу. Это совершенно уникально для Индонезии, поскольку, как правило, в городах Банда-Ачех, Паданг и Палем-

банг преобладает одна группа населения и одна квазитрадиционная крыша.

Основной символической осью в Купанге является ось Аль-Тари, которую Де Джоза называет осью гармонии (2011с: 73). Она окружена несколькими памятниками, среди которых Патунг Бурунг Мерпати, Памятник Голубю Мира (Изображение 16), состоящий из белого голубя как символа любви, мира и Святого Духа; Тироса Берсату (Изображение 17), или памятника из трех статуй с тремя фигурами, представляющими основные острова провинции Тимор, Роти и Саву; и Патунг Кепедулян, или статуи солидарности, воздвигнутой в честь празднования Дня социальной солидарности Индонезии. Где-то посередине оси находится Музей НТТ, который стремится представить всю провинцию, все острова и народы, населяющие ее. Тем не менее, китайцы, составляющие значительную группу населения города, не включены в этот музей.

Основная тема символической конфигурации Купанга может быть понята как стремление к миру и гармонии перед лицом быстрорастущей полиэтничности города. В 1998 году, когда в Джакарте возникла напряженность между мусульманами и христианами, которая привела к поджогу церквей, последовали ответные меры в Купанге, где христиане напали на мечети. В случае с Купангом эти действия могли быть более или менее сдерживаемы призывами к терпимости.

Итак, движущей силой символизма Купанга является желание установления согласия между этническими группами. Основными носителями символов являются статуи и памятники, подробно описанные Де Джозой, который интенсивно исследовал их, путешествуя по оси. Он также упоминает названия улиц, которые относятся к видным национальным и региональным лидерам, представляющим различные этнические группы. Фундаментальное значение символики в Купанге – гармония и ее линейное распространение по символической оси. Кроме того, Купанг оригинальным образом сочетается с индонезийской символикой крыш, объединяя различные стили разных групп населения в одном здании.

◀ Изображение 16. Памятник голубю мира, Купанг

◀ Изображение 17. Памятник Тиросу Берсату, Купанг

Теперь обратимся к городу на низшей ступени городской иерархии. Я нашел описания символики четырех примеров, а именно гарнизонных городов Букиттинги и Паякумбух на Суматре и паломнических городов Кудус и Блитар на Яве.

БУКИТТИНГИ И ПАЯКУМБУХ

Букиттинги и Паякумбух описаны Нас и Ван Бакел (1999), а также Нас и Слуис (2002). В колониальные времена оба поселения были гарнизонными городами, которые также приобрели рыночную функцию для окрестностей.

Букиттинги, построенный на двух холмах и окруженный кольцевой дорогой, до наших дней оставался гарнизонным городом, что означало значительное военное присутствие. Но в последнее время город превратился в туристический, поскольку имеет различные привлекательные достопримечательности (включая прохладный климат): башня с часами (*Jam Gadang*; изображение 18), остатки старого укрепления (Fort De Kock), зоопарк с эффектным традиционным домом *минангкабай* (*rumah gadang* с крышей *gonjong*) и очень впечатляющий, отвесный, естественный каньон (Нгараи Сианок, Карбоуен Гат).

По мере того, как я шел через центр города и всю кольцевую дорогу, символическая последовательность этого гарнизонного города от колониальной к постколониальной эпохе становилась все более очевидной, поскольку встречавшиеся мне символы были связаны с борьбой за независимость, японской оккупацией, военным образованием, полицией и так далее. Букиттинги был гарнизонным городом в колониальные времена и остался им после обретения независимости. Лишь позднее под влиянием культурной политики Сухарто эта последовательность была нарушена, и этнические характеристики крыш и туристические символы стали оказывать влияние.

При голландцах Паякумбук был пограничным оплотом, функцию которого он позже утратил. Теперь это небольшой региональный рыночный центр, особенно отмеченный традиционными и современными минангкабау и исламскими символами, а также символикой независимости. Эти символы варьируются от большого количества традиционных домов минангкабау (адат), мечетей и некоторых статуй, посвященных освобождению от колониального господства.

Нас и Ван Бакел (1999) охарактеризовали символизм Букиттингги как сложную кристаллизованную систему, а символизм Паякумбуха – как эмерджентную символическую систему. В эпоху Сухарто символика минангкабау активно пропагандировалась, особенно благодаря использованию традиционной системы крыш минангкабау на административных и банковских зданиях, на главном мосту между холмами в Букиттингги и на автобусных остановках, а также в ряде других мест. Совсем недавно глобализация набрала силу, поскольку появились международные сети супермаркетов и отелей, что говорит о развитии туризма.

Мы можем заключить, что символическая структура современного Букиттингги состоит из четырех слоев, «а именно относящихся к колониальному, постколониальному, этническому возрождению и периоду глобализации» (Нас и Слуис 2002: 140). Символическая структура Паякумбуха довольно слаба, несмотря на обилие традиционных домов и форм их крыш.

КУДУС И БЛИТАР

Яванские паломнические города Кудус и Блитар – два знаковых города на Яве. Это означает, что их символическая система, как правило, в значительной степени определяется одной известной личностью. Кудус и Блитар подробно описаны Де Джозой (2011b). В Кудусе похоронен Сунан Кудус, один из девяти святых, сыгравших роль в исламизации Явы и последующем упадке индуистско-буддийского королевства Маджапахит. В Блитаре находится могила Сукарно, первого президента Индонезии.

▲ *Изображение 18.* Часовая башня (Джам Гаданг), Букиттингги (http://farm4.staticflickr.com/3461/3202137649_7101f0c97b_o.jpg).

▲ *Изображение 19.* Памятник Плачущей Матери, Паякумбук (<http://stat.ks.kidsklik.com/statics/files/2011/01/129642159378394312.jpg>; https://fbcdn-sphotos-c-a.akamaihd.net/hphotos-ak-ash3/q79/s720x720/554938_1020081573).

Это два небольших, но уникальных знаковых города, в которых символика сосредоточена в основном на этих двух значимых личностях.

В Кудусе, к западу от городской площади, находится Великая мечеть, а в двух километрах от нее находится мечеть Эль-Акса с ее знаменитым минаретом и гробницей Сунан Кудус (*Изображение 20*). Индо-яванское и исламское влияние сочетаются в этом

раннем исламском миссионерском посту.

Это сочетание также встречается на кладбище Блитар, где похоронен Сукарно. Оно включает внутренний двор, террасу и мавзолей. Однако могила Сукарно (*изображение 21*) не всегда производила такое впечатление. В первые годы она оставалась простой безымянной гробницей в соответствии с желанием Сукарно и политикой Сухарто. Только позже произошла реабилитация, в результате которой нынешнее сакральное место относится к яванской традиции.

Оба знаковых места (гробница Сунан Кудус и могила Сукарно) имеют великолепные входные ворота в стиле Маджапахит, через которые должны пройти паломники. В обоих знаковых городах также развита оживленная туристическая индустрия, поскольку паломников и туристов нужно развлекать и кормить, а также снабжать сувенирами в память об их путешествии.

Эти паломнические города характеризуются довольно последовательной символической конфигурацией. В Блитаре есть и другие места паломничества, тем не менее, в городе явно доминирует место Сукарно, и они не конкурируют с ним. Кудус, однако, также известен производством сигарет с звездочкой. Он известен как звездочный сигаретный город (kota kretek), что делает его образ сложнее. Тем не менее, символическая конкуренция ограничена, и преобладает продвижение города в целом. Эти два примера показывают, как «превосходство одного иконического символа способно магнетически привлекать не только внимание паломников, верующих и туристов, но и объединять другие символы в пределах целого города» (De Giosa 2011b: 212).

ВЫВОД

Антрополог, работающий в городских условиях, действует, как описанный Бодлером фланёр. Он/она сочетает в себе странствие, наблюдение, соучастие и исследование, но в циклическом или повторяющемся процессе. В Индонезии работа антропологов привела к большому количеству тематических исследований городов

▲ *Изображение 20.* Гробница Сунан Кудус (<http://www.eastjava.com/books/walisongo/html/walisongo/kudus.html>).

▲ *Изображение 21.* Могила Сукарно; Кладбищенский навильон, Блитар (Де Джоза 2011b: 206).

разного масштаба на разных островах. Многие из них связаны с национальными и провинциальными столицами. Число исследованных малых городов еще весьма ограничено. Подводя итоги, можно сказать, что в индонезийских городах очевидно изобилие символики и богатство символического разнообразия. Наиболее доминирующими факторами в их символических конфигурациях являются религия, администрация и простые люди.

Ислам, индуизм и христианство имеют свой собственный символический репертуар, или фонд в индонезийских городах, и каждая религия прочно укоренилась в соответствующих группах населения. В исламе мечети, гробницы и кладбища являются очень важными символами. В индуизме эта роль отводится священной горе, храмам, алтарям и статуям. Христианская симво-

лика сосредоточена на церквях, статуях и процессиях. Религиозная символика глубоко укоренилась во всех слоях общества, и ее не следует рассматривать как исключительно нисходящую или полностью восходящую. Он не связан классами, как в случае нисходящей государственной символики, создаваемой административной элитой.

Национальные и местные органы власти преуспевают в особом обозначении своих городских территорий, устанавливая иногда колоссальные мемориалы, не отказываясь при этом от меньших по размеру статуй и памятников. Большая часть их символики направлена сверху вниз, и, когда простые люди воспринимают их как слишком чрезмерные или слишком подавляющие, представление можно нейтрализовать рассказыванием историй и шуток, что не раз случалось в Джакарте. В национальной столице такие памятники, как Национальный монумент Монас, действительно имеют национальное и даже международное значение, поскольку они широко известны. В провинциальных столицах и небольших городах символы могут быть менее претенциозными, относящимися к местным проектам, например, поощрению грамотности или планированию семьи, но иногда они могут превосходить местный уровень, и выдающимся примером здесь является мечеть в Банда-Ачехе. В эпоху Сухарто китайская городская символика подавлялась государством, но сейчас она становится все более заметной.

Поскольку **городской символизм очень гибок и не должен быть связан с дорогами и бросающимися в глаза артефактами, простые люди хорошо разбираются в символьной области.** Они придают свои значения религиозным и государственным символам и создают свои собственные, придавая определенные значения природным элементам, таким как река или гора. Они могут использовать свои неофициальные названия улиц или воздвигать небольшие дешевые бетонные фигурки для украшения ближайших окрестностей, обо-

сновывая тем самым свои личные успехи в развитии.

Другими важными факторами являются национальная, региональная, местная история и самобытность. Обычно они присутствуют в небольших статуях и названиях улиц, хотя часто и не слишком заметно. Они относятся к мифам о происхождении господствующего народа, борьбе за независимость, национальным, региональным, местным общественным или военным лидерам, а также важным религиозным деятелям.

Одна относительно новая, но влиятельная символическая сфера состоит из потока туристов. По мере модернизации городов создаются или обновляются туристические точки продаж. Следовательно, эти символы можно найти в различных городах, которые становятся основными туристическими направлениями.

Взаимосвязь городского символизма и классовой структуры индонезийских городов является довольно сложной из-за гибкого характера символов, которые так же легко забываются, как и создаются, и их референциальный потенциал может быть связан почти с каждым физическим элементом на городской арене. Несмотря на эту гибкость, очевидно, что все социальные, этнические, профессиональные и религиозные группы имеют свою символику, которая может противоречить друг другу и выступать источником конфликтов. Поэтому названия улиц могут быть изменены, а статуи и памятники могут быть лишены своего значения. Одним из хороших примеров является монумент Лобанг Буайя в Джакарте, который рассказывает историю подъема режима Сухарто, но сила которого в настоящее время ослабла. Индонезийская элита и военные, как правило, занимают видное место в создании символики, используемой как инструмент для укрепления своей легитимности. Теперь средний класс требует модернизации в виде знаковых торговых центров и кондоминиумов. Тем не менее, помимо посреднической роли между конфликтующими группами, городской

символизм также обладает и связующей силой. При полном рассмотрении символизма обычно способствует групповой сплоченности в городе, а также сплоченности города в целом, особенно это видно на примере Купанга. Помимо укрепления позиций определенных классов или этнических, религиозных, профессиональных групп, он может быть использован как мощное оружие в развитии города. Эта функция приводит нас к аспекту городского брендинга и городского маркетинга, в котором городская символика может играть основную роль и может стать плодотворной почвой для генерации оперативных идей. При проектировании новых городов в Индонезии городской символизм должен быть одним из аспектов, принимаемых во внимание.

Представленные выше тематические исследования Индонезии позволяют сделать вывод о важнейших факторах городского планирования. В Индонезии, в соответствии с традицией, в новом городе желательно иметь большой алун-алун в центре, вокруг которого сгруппированы наиболее важные религиозные и административные здания, а также рынок или знаковый торговый центр. Он должен выражать национальную, региональную и местную идентичность посредством наименований, памятников и статуй, относящихся к борьбе за национальную независимость, а также к происхождению, культуре, истории города и его групп населения, национального и местного руководства. Кроме того, наиболее заметный актив в экономическом секторе должен быть ярко выражен в символическом характере города. В зависимости от его природного окружения и его роли в качестве горного курорта или гарнизона, паломнического, административного, образовательного, торгового или промышленного центра должны быть разрешены всевозможные символы, чтобы выразить его характер и создать живую, приятную, понятную городскую среду.

Символика индонезийских городов кристаллизовалась в различные конфигурации, как линейные, так и круговые, а также

в центральные и периферийные формы или их сочетания. Джакарта имеет многоуровневую, концентрическую, круглую конфигурацию, которая была нарушена современными разработками в эпоху позднего Сухарто и изменениями нынешнего времени. Купанг демонстрирует заметную линейную форму, относящуюся к гармонии. Банда-Ачех и Палембанг в значительной степени сосредоточены на центре, но оба также обладают сильными периферийными символами. Как гарнизонный город, Букиттинги имеет комбинированную центральную и периферийную, кольцевую конфигурацию. Символизм знаковых городов Кудус и Блитар довольно периферийный, сосредоточенный на местах паломничества Сулан Кудус и президента Сукарно, соответственно, но в Блитаре периферийное расположение места паломничества сочетается с круговыми ритуальными действиями. Джокьякарта сочетает линейное распространение символов от священной горы через кратон к морю с круговым использованием пространства в различных ритуалах. Денпасар имеет прямую символическую структуру, направленную к священной горе и морю.

Несмотря на то, что основные силы в урбанистических символических конфигурациях индонезийских городов имеют сильное сходство друг с другом, у этих городов все же есть достаточно пространства для выражения своей внутренней природы, своего уникального стиля. Динамика между общими силами, действующими в области городского символизма, и уникальным результатом для каждого города – вот что делает жизнь и работу горожан интересными и приятными, не говоря уже о том, чтобы удовлетворить городского антрополога, современного фланёра каменных джунглей, захватывающих и вдохновляющих.

ИНТЕРВЬЮ

ТАИНСТВА КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Дорогой читатель журнала «Культура и Религия», нам посчастливилось побеседовать с римско-католическим епископом, членом монашеского ордена францисканцев Станиславом Евгеньевичем Ширококорядюком, который является действующим епископом при Соборе Успения Пресвятой Девы Марии в г. Одессе (Украина). Этот человек приоткрыл нам занавес и рассказал о католических таинствах, традициях, поведал историю своего пути и, что самое главное, рассказал, зачем же человеку так необходима вера.

– Отец Станислав, хотелось бы сперва узнать, как Вы пришли к католической вере? Расскажите, пожалуйста, о своем пути.

– Я имел счастье расти и воспитываться в католической семье. Моя мама была католической веры, а вот отец исповедовал православие. Обручившись, они вдвоем приняли решение стать на путь именно католической веры. Несмотря на то, что в советские времена католицизм преследовался, моей матери удалось воспитать своих детей в католической вере. Она всегда нас учила, что «католицизм – это наша вера, мы в ней живем и должны в ней умереть». Отец, после венчания с моей матерью, погрузился в познание католической веры, учился крестному знаменю, ответственности, молитвам и т.д. Для меня огромное счастье и гордость, что я вырос именно в католической семье.

– Скажите, пожалуйста, какие в Вашей семье были традиции, связанные с католической верой?

– В моей далекой юности католический священник был редкостью. Это сейчас вы можете посетить католический храм в каждом городе. Тогда же священник был один на несколько населенных пунктов. Поэтому

СТАНИСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ ШИРОКОРАДЮК

Католический прелат, римско-католический епископ Одессы-Симферополя с центром (кафедрой) в Одессе, член монашеского ордена францисканцев.

в день его приезда приходило очень много людей – кто-то хотел венчаться, кто-то креститься, каждый приходил со своей задачей. И моя мама также старалась минимум раз в год водить нас в храм, на службы и исповеди. Касаемо традиций, наша семья всегда соблюдала время большого поста, мы очень часто проводили семейную молитву, а со временем, когда появилось больше священников, мы еще стали посещать храм. Затем, когда я стал учиться и работать в Ровенской области, я уже стал посещать храмы самостоятельно.

– Как вы пришли к епископству? Что послужило причиной выбора такого пути?

– Вы знаете, тот, кто хочет стать священником – никогда им не станет, а нежелающий сего – становится. Что касается меня, я с детства хотел стать священником. Меня всегда мучил один вопрос: почему так мало священников, при таком большом количестве искренне верующих людей? Более того, в те далекие времена священнику полагалось получить разрешение на службу в том или ином населенном пункте. Он не мог провести службу, как это возможно сегодня, не получив на то разрешения.

Будучи еще ребенком, я стал свидетелем одного события, которое отложилось у меня в памяти на всю жизнь. Произошло это в городе Хмельницком. Наступил день, который ждал весь город, да что уж город – целая область! Это был приезд священника, который получил разрешение на службу на целых три дня! Помню, тогда весь день и всю ночь он крестил детей, люди стояли в огромных очередях в три ряда, чтобы попасть на исповедь, венчание и другие

таинства. Тогда это была целая проблема, которая меня очень сильно возмущала. Поэтому я постоянно спрашивал маму, почему же так мало священников. И мама отвечала: «Такие сейчас времена, нет желающих».

В сознательном возрасте, когда я уже начал работать, – сам по профессии я был железнодорожником, – мною было принято решение посвятить свою жизнь служению Богу. Путь достижения этой цели был непростым, так как на тот момент в Украине не было семинарии и мною было принято решение ехать в Латвию. Выучив прежде всего язык, чтобы меня принимали, как латыша, я поступил в семинарию, в которой отучился 5 лет, после чего меня направили назад в Украину. Это были времена перестройки. Именно тогда начались многочисленные строительства католических храмов. Мне удалось в одном только г. Полонном Хмельницкой области построить 12 католических храмов за 6 лет. Люди нуждались в храмах и работали с невероятным

энтузиазмом на благо веры. Так пролетели мои первые 10 лет службы. Мой вклад не остался незамеченным. Настал день, когда меня пригласили в Рим со словами: «Папа хочет, чтобы Вы были помощником епископа». Сперва, я был даже немного растерян. Да, я желал этого, но также мне хотелось продолжать работать с людьми, с детьми, мне очень нравилось мое священство – это было мое призвание. Новое назначение значило, что мне надо все отставить, идти и заниматься в большей степени административными вопросами, а это немного другая деятельность. Но как сказал Папа: «Все мы несем крест, который был нам дан. Впредь надо нести его. Я не прошу своим именем, но во имя Иисуса Христа, ты должен принять эту миссию». После этих слов я дал согласие, и так я стал на путь епископства. 18 лет я был помощником епископа, потом проработал 2 года администратором в Луцке. В 2014 году, когда началась война, меня перевели в Харьков, где я проработал 6 лет, а 3 года назад уже новый Папа перевел меня в Одессу. Почему так? Я не знаю. Здесь были свои проблемы. Здешний епископ был уже человек достаточно преклонного возраста, вот меня и отправили сюда, как молодого епископа. Таким был мой путь. На сегодняшний день уже 27 лет я являюсь епископом и 37 лет имею священство.

– В каждой религии, в каждом вероучении есть свои таинства, традиции, обряды и ритуалы. Скажите, пожалуйста, какие основные таинства существуют в католической церкви и какое значение они имеют? Ведь каждый ритуал несет в себе какой-то смысл.

– Сперва, необходимо осознать, что все таинства установлены Иисусом Христом, это не просто выдумка человеческая. В католической вере существует семь таинств:

1. Крещение;
2. Причастие;
3. Исповедь;
4. Евхаристия;
5. Супружество;
6. Священство;
7. Таинство больных (елеосвящение).

Хотелось бы начать с того, что все таинства можно получить, только будучи крещеным. Потому как таинство крещения – трехкратное погружение крещаемого в воду или обливание его водой, совершаемое над человеком в знак приобщения его к Церкви и очищение от первородного греха – это право быть дитем Божиим, и как только мы избавляемся от греха, ребенок получает право на все привилегии христианства. Речь идет не только о католической церкви, но и о православной. Конечно, имеются свои отличия, но Библия та же, таинства и Заповеди Божьи те же, следовательно, такие же и требования. Фактически это одна церковь, которая разделилась в XVI веке, только обряда два – восточный и западный, Византийский и Римский.

Таинство, о котором мало кто знает – это **таинство больных**. Человек может пройти данное таинство, находясь в болезни либо при смерти. На болеющего человека посредством молитв и помазания освященным елеем призывается

Божественная благодать для врачевания его телесных и душевных недугов.

Например, евхаристия дает возможность христианину «соединиться с Богом во Христе». Для этого надо быть готовым: следует исповедаться, осознать грехи, каяться и с чистым телом принять тело Христово. Согласно христианскому вероучению, в момент евхаристии происходит преобразование вина в кровь, а хлеба в тело Иисуса Христа.

Исповедь – это покаяние, очень важное таинство, при котором верующий раскрывает свои грехи Богу в присутствии священника и получает отпущение грехов от имени Господа Иисуса Христа. Исповедуясь человек должен выполнить пять условий, дабы получить прощение:

- 1) человек должен осознать свои грехи;
- 2) признать свои грехи;
- 3) покаяться в грехах;
- 4) должен иметь твердое намерение больше не грешить;
- 5) исполнить епитимию, которая заключается в исполнении им дел благочестия, определенных священником. Например: «Украл – верни, тогда тебе простится. Обидел кого-то – попроси прощения. Сделал что-то не так – исправь». И человек получает прощение за свои грехи. В противном случае, человека может ждать в будущем Божья кара за совершенные и непрощенные грехи. А вот когда человек получает индульгенцию, он получает прощение этой кары – это дар Церкви, который она дает своим верным.

Таинство супружества, или венчание – это благословение жениха и невесты, по их добровольному согласию, на супружескую жизнь, где подается благодать Божия для взаимной помощи и единодушия, а также для благословенного рождения и христианского воспитания детей. Дабы пройти таинство, нужно, в первую очередь, чтобы люди были верующими и практикующи-

ми, а также пара должна осознать ответственность друг за друга и до конца жизни быть верными друг другу.

– Скажите пожалуйста, как часто человеку необходимо исповедоваться?

– Все зависит от совести человека, как он себя чувствует – совестно ему или все равно? Некоторые, совершая сомнительные поступки, говорят «*Это не грех!*», а другой скажет, что нужно пойти и исповедаться за каждое слово, за каждый шаг. Человек должен осознать свои грехи, ведь исповедь – это таинство, которое дает нам прощение грехов, но также это еще и таинство, которое дает нам духовные силы. Ведь почему человек грешит?

– От слабости?

– Да, все верно. Именно от слабости. Не потому, что он плохой или потерянный. Люди все хорошие, каждая душа человека очень добрая, она поистине прекрасна, но из-за слабости человек совершает грешные поступки. Слабый, согрешив, говорит: «*Господи, прости! Это не от злобы, я не против Бога! Это от слабости!*» Вот когда человек действительно почувствует, что он осознал свои грехи, получил прощение за них, после исповеди он чувствует себя окрыленно. Старается вести себя праведно, но все равно приходит к греху... Наша душа все время нуждается в очищении – такова наша природа. Например, мы нуждаемся в завтраке, чтобы подкрепить свои силы, так и душа наша нуждается в духовном очищении и подкреплении.

– В конституциях разных стран мира написано, что человек волен выбирать вероисповедание и религию. Но с самого детства детей крестят родители и не оставляют им права выбора веры. С одной стороны, Церковь говорит, как важно крещение, оно избавляет от первородного греха, но, с другой стороны, для того, чтобы человек выбрал веру, ему нужно достигнуть осознанного возраста. Но тогда он какое-то время будет жить во грехе. Как быть?

– Есть наши собраты-христиане протестанты, которые выбирают, чтобы их ребенок рос некрещеным и, повзрослев, сам выбрал веру. Но все-таки они же его воспитывают, говорят о Христе и все равно рассказывают о конкретной вере с самого детства. Родители же не спрашивают у ребенка, хочет он идти в школу или нет. Конечно же, многие дети не ходили бы в школу, если бы могли, потому что ребенок больше хочет играть во дворе, нежели идти в школу. Но как же не дать ребенку образования, без которого ему нелегко в жизни будет? Точно так же и с **крещением** – это таинство, которое освящает человека, которое дает Божью опеку, дает Ангела Хранителя. Разве родители не хотят, чтобы

их ребенок рос под Божьей опекой? Например, когда рождается больной ребенок, родители ведь не говорят: «Не будем его лечить, вырастет – потом вылечим». Доктрина нашей церкви заключается в том, что нужно сразу «лечить» первородный грех. Если кто-то считает по-другому, это его право. Родители могут дать ребенку веру от рождения и воспитывать его в этой вере. Если ребенок захочет поменять веру – это будет уже его право, но главное, что вы уже дали ему самое дорогое – веру. Святой Апостол Павел, который фундаментально повлиял на то, что все должны крестить своих детей, очень просто это объяснял следующим высказыванием: «Как же так, родители крещеные, а ребенка оставили без Божьей благодати?»

Касаемо супружества, когда люди хотят создать семью, они должны получить благословение и сложить присягу, что они друг друга не оставят до конца жизни, будут любить в горе и в радости. Важно понимать, что это большая ответственность. Например, у нас в церкви, чтобы обвенчаться, люди проходят подготовку минимум три месяца, она включает в себя изучение десяти заповедей; осознания, что такое грех и ответственность; а главное – они должны

«СЕМЬЯ – ЭТО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД БОГОМ ЗА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА»

STANISLAV SHIROKORADYUK

разобраться в простом вопросе: **что такое любовь? Многие люди даже не знают, что такое любовь. А она ведь разная бывает.** В первую очередь любовь – это жертва. Иисус Христос так полюбил мир, что отдал свою жизнь. Вот такой должна быть настоящая любовь. Когда женщина выходит замуж за мужчину и готова пожертвовать для него всю жизнь, хотя и знает, что он не ангел и будут разные непростые ситуации в жизни, но она готова делать все, чтобы он был счастлив. Мужчина тоже должен понять всю ответственность своего выбора, что несмотря ни на что, все равно будет любить свою жену. Это и есть настоящая любовь, когда человек жертвует своим временем, своими принципами ради любви. Мы всегда напоминаем молодежи, что любовь должна быть именно такой, потому что вы отвечаете друг за друга перед

Богом. Когда молодожены проходят эту подготовку, они уже по-другому смотрят на семейную жизнь. Есть много способов прожить эту жизнь в любви. Например, необходимо делать «рахунок совести», то есть каждый день спрашивать себя: «Что я сегодня хорошего сделал для нашего мира?» Либо же есть еще общая молитва, когда вся семья вечером молится. Те, кто пришли в церковь и качественно прошли всю подготовку, практически никогда не разводятся и имеют крепкие семьи, а вот за пределами церкви разводов гораздо больше.

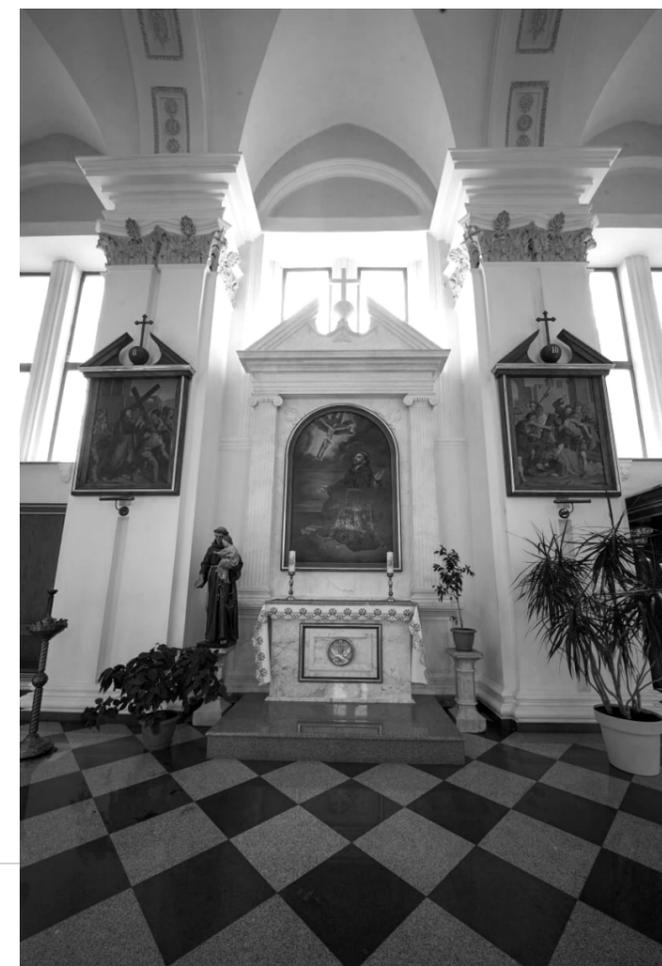
– То есть люди осознанно и осмысленно подходят к выбору супруга?

– Конечно. Это же ответственность не только друг перед другом, но и перед детьми. Есть пары, которые уже 50 лет вместе. Их спрашивают, как они сумели так долго прожить вместе, а они отвечают, что было непросто, но они прошли этот путь и в этом заслуга обоих. За это и награда Божья полагается, Бог вознаградит таких людей, что показали пример другим. **Семья** – это ответственность перед Богом за другого человека.

– Жизнь, она длинная и не всегда все будет гладко, легко. И важно, чтобы она была наполнена смыслом.

– Именно. Надо знать цель и смысл своей жизни. Жизнь – это дар, и Бог дал нам его. И Бог же и спросит человека, как он эту жизнь прожил.

– Мы приходим на эту Землю с какой-то целью. Человеку отведен определенный отрезок времени, чтобы он успел что-то реализовать. Как католическая церковь смотрит на смысл жизни человека?

– Самое главное, что никто из нас свою жизнь не выбирает, поэтому надо признать, что никто просто так не рождается в этом мире. Если человек родился – это воля Божья. Бог ему уже все дал – жизнь, талант, какую-то судьбу, а еще задание. Первое задание, самое святое – это прожить. Нельзя подымать руку на свою жизнь, нельзя портить свою жизнь и вредить здоровью. Человек должен ценить жизнь, как дар Божий, жить правильно и достойно.

Второе: необходимо прожить так, чтобы этой короткой земной жизнью заслужить на жизнь вечную. Иисус Христос пришел и принес себя в такую большую жертву, чтобы открыть людям дорогу к Богу, дорогу к жизни вечной. Иисус отдал свою жизнь, чтобы люди жили вечно, и это самое

главное задание. Кроме того, Бог каждому дает задание, например, мне дал задание быть священником, и я очень счастлив идти этой дорогой, не было ни одного дня в моей жизни, чтобы я об этом пожалел. Каждому даны свои таланты, главное не закопать их в землю, а развить – это и есть задание на жизнь.

– Это так просто. Получается, человек сам все усложняет, и поэтому ему тяжело живется.

– Люди много тягостей создают себе сами и тем самым усложняют жизнь.

– Для чего проводится служба в храме и каков ее смысл?

– На каждый день отведены специальные молитвы о Христе – это, можно сказать, духовная пища, без которой верующий человек жить не может. Каждый день мы служим Богу и молимся за других. Есть очень много людей, которые просят о молитве, о служении за кого-то из своих близких. Сейчас, из-за войны, очень много раненых и пленных, которые присылают нам смс с просьбами помолиться, и мы за них служим, они очень нуждаются в этой службе. Есть люди, которые заходят в храм помолиться перед работой, поэтому у нас существуют четыре службы, чтобы у каждого была возможность прийти и помолиться.

– Если человек, к примеру, католик, он ходит в храм, но не читает молитвы, на что это влияет?

– На его духовную жизнь. Сначала он черствеет, забывается, а потом и вовсе не хочет ходить в храм. Чем больше человек упускает таких духовных практик, тем больше он отдаляется от Бога. Появляются сомнения, и в конце концов он начинает думать: «А есть ли вообще Бог?» Например, спортсмены каждый день посещают тренировки, чтоб не потерять форму, так и душа нуждается в постоянной духовной подпитке – это и есть духовная жизнь.

– Какое мировоззрение и философию закладывает католическая церковь человеку?

– Мы ничего нового не придумываем. Есть Закон Божий, который преподает церковь – это мы формируем. Необходимо иметь чувство греха, чувство совести, чувство благодати или даже добродетели – все это нужно человеку для того, чтобы жить. Когда человек все это имеет и может отличить черное от белого, это и есть правильное мировоззрение. Все заповеди, Законы Божьи даны для того, чтобы человек счастливо жил.

– То есть, вера дает человеку понятие о том, как правильно, ответственно и счастливо прожить жизнь?

– Конечно.

– Католическая вера говорит нам о том, что земной жизнью ничего не заканчивается. Что же тогда нас ждет после смерти? Как это объясняет религия?

– Единственный, кто пришел с Небес – это Иисус Христос, и он же своим примером показал, что есть жизнь после смерти. Существует такой праздник Преображение Господне, его еще называют Медовый Спас, но это неправильно.

«И, по прошествии шести дней, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору исключительно их одних, и преобразился пред ними: и явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом» (Мк. 9, 2–4).

Три апостола – Петр, Иаков и Иоанн – взошли вместе с Христом на гору Фавор, где произошло Преображение Господне. Оно сопровождалось явлением ветхозаветных пророков Моисея и Илии. Они говорили с Христом о Его близком отшествии к Богу Отцу. Дальше Евангелие повествует о том, что всех осенило светлое облако, и из него послышался глас: «Его исповедуй». Поэтому Преображение Господне – это очень важный праздник христианской церкви. Евангелия повествуют, что Иисус пророчески произнес:

«...истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9:1).

Сколько существует прекрасных историй, связанных со святыми. Например, Пресвятая Дева Мария. Может показаться, что она за жизнь свою никакого чуда не сотворила, просто родила ребенка и воспитала его, никого не воскресила, никого не исцелила. При этом, обратите внимание сколько существует мест – храмов, церквей, где объявилась Матерь Божья, и сколько чудес творится, когда люди обращаются в молитве к ней – она помогает. Можно привести еще примеры св. Антония, св. Франциска, св. Николая – эти святые и после смерти помогают. Разве это не доказательство того, что ничего не заканчивается земной жизнью? Дело в том, хочет ли человек видеть чудеса или нет. Но они есть и их очень много. Ска-

жу из личного опыта, я видел очень много чудес, как святые помогают. Так или иначе жизнь продолжается, для Бога нет мертвых, одни живут на Земле, другие – в Вечности, и к этой Вечности идет каждый человек.

– Наверное, и после смерти у человека есть какие-то задачи?

– Конечно. У нас не так давно был интересный случай в Карпатах, в центре для отдыха детей, в котором имеется много храмов. В связи с началом войны, там находилось очень много переселенцев, среди которых была женщина, которая захотела исповедоваться, причаститься и обратилась к нам с вопросом: «Я хотела бы счастливо умереть. Что для этого нужно?» Дело в том, что в христианстве существует такая молитва **«Коронка до Божьего Милосердия»**. Так вот, кто читает эту молитву, считается, что он умрет счастливой смертью. Мы все молимся о счастливой смерти – это самое главное. Как человек жизнь прожил – это одно, а вот если он сознательно умирает, и Бог ему все прощает – это и есть счастливая смерть. Эта женщина попросила научить ее этой молитве и пообещала, что будет молиться. И, представьте себе, накануне своей смерти она причастилась, исповедовалась, прошла таинство больных, обошла всех своих близких людей и попросила прощения, сложила пожертвование на храм, легла спать и более не проснулась. Она сделала это потому, что чувствовала, что скоро покинет этот мир. И она успела познать Бога. Есть люди, которые познали Истину – и Бог им показал чудо. Не важно, в молодости или в старости, но человек должен познать Бога. Он дает шанс всем. Воспользуется человек этим шансом или нет – дело каждого, но шанс есть всегда. Я считаю, что возможность человека счастливо умереть – это настоящее свидетельство Бога.

К сожалению, человек не живет в истинном счастье все время, а приходит к вере, когда случается беда или какая-то проблема. Конечно, Церковь молится за всех и даже за неверующих, поэтому есть

надежда, что все придут к Богу. Я никого не осуждаю, сохрани Бог, каждый человек живет, как может и как понимает и осознает свою жизнь. Но мы молимся за них, и поэтому веруем, что каждый в свое время придет к Богу.

– Возможно, испытания человеку даются в жизни для того, чтобы он пришел к вере?

– По-разному бывает. У каждого человека своя дорога и свои испытания на ней. Папа Римский каждое воскресенье выходит на площадь, чтобы помолиться и благословить всех своих в этом мире. И мы верим, что эти благословения принесут огромную пользу людям.

Кстати, вы можете ознакомиться с очень интересной иконой Девы Марии, работой известного флорентийского художника XVII века Карло Дольчи, которая находится у нас в храме. Ей около 300 лет. В советские времена, когда храм был закрыт, а на его месте был оборудован спортзал, икона хранилась в Храме Св. Петра в Одессе.

После 1990-х годов, когда храм постепенно начали реставрировать, икону торжественно вернули в центральный храм.

Когда я стал епископом (Одессы-Симферополя с центром в Одессе), я обнаружил много даров (золотые крестики и др.), которые приносили люди, в знак благодарности за то, что благодаря вере и молитвам получили то, что хотели в жизни. Это у нас в церкви такая традиция – если человек получит то, что он хотел, он мог оставить от себя какой-то дар для храма. И так как этих даров за много лет собралось немало, я решил официально сделать коронацию иконы, как благодарственность Матери Божьей за все благодати. Написав письмо в Рим и получив благословение Папы, мы короновали икону. Сегодня эту икону Матери Божьей с короной может увидеть каждый, посетив Собор Успения Пресвятой Девы Марии в г. Одессе.

ЧТО ЕВРЕЮ ОТ ЕГО БОГОИЗБРАННОСТИ? ЕДИНСТВО

Тот, кто рукоположен, даже если только для определенных обязанностей, должен быть достоин и способен справиться со всеми аспектами еврейского закона и ритуала.

Рабби Абби Джулиос Ньюман, «СМИХА (рукоположение). Изучение ее происхождения, истории и назначения в Раввинской литературе»

В данной статье речь пойдет о третьем факторе богоизбранности — **единстве**. Это слово у многих ассоциируется с взаимосвязью с другими людьми, предметами или системами. В принципе это так, но когда мы рассматриваем явление богоизбранности и его элемент единство, то смысл в него закладывается намного глубже и фундаментальнее. Дело в том, что **еврей должен жить по закону**: даже если не будет заповедей, не будет Торы, если не будет никаких священных книг, то мудрецы их напишут заново, потому что **закон — в сердце**

еврея. Каждый еврей обязан жить по закону, потому что он еврей.

Как пишут еврейские мудрецы, сердце еврея переполнено потребностью взаимоотношений с Богом, и поэтому все евреи должны подчиняться одному и тому же закону. К подчинению этому закону каждый еврей приходит самостоятельно.

Возможно, многие люди никогда не задумывались о взаимоотношениях с Богом, кто-то скажет, что это его личное дело, какие и с кем у него взаимоотношения. Размышления на эту философскую тему достаточно сложны и практически никому не понятны.

К сожалению, ни в одной религиозной литературе нет описания отношений между человеком и Богом. А это крайне важный вопрос, потому что мы имеем дело с божественной (духовной) силовой составляющей. **Если человек соберется выполнить какую-то работу, ему понадобится сила, но без отношений с Богом ни к какой силе человек причаститься не сможет.** Достаточно просто расцепить связь Бога и человека,

PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

как тут же последний окажется бессильным перед жизненными задачами, потому что собственных сил надолго ему не хватит.

Обычно у человека свое представление об отношениях его и Бога, отношениях его и мира, в котором он живет. Кто-то считает Бога отцом, кто-то — деспотом, кто-то — царем или еще кем-то. Что касается отношений с миром, здесь у человека четкое понимание: когда он хочет, он сотрудничает с миром, а когда не хочет — не сотрудничает. И мир должен хотеть с ним сотрудничать, потому что человек определяет, когда он с миром будет сотрудничать, а когда нет. Так думает большинство людей про этот мир.

Отношения Бога с миром характеризуются как абсолютная монархия, где есть войска (мир) и главнокомандующий (Бог). Поэтому, когда люди начинают миру диктовать свои правила о сотрудничестве, они на самом деле, имеют дело с войсками, которые выполняют приказы. Мир подчиняется Богу как главнокомандующему, и у мира одна задача: умного проинформировать, глупого проучить.

ТАК КАКОВЫ ЖЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И БОГОМ?

Человек считает, что у него отношения с Богом, как у главнокомандующего с войсками, то есть во всем виноват Бог, как командир корабля, который взял за все ответственность, а человек — его раб, от которого ничего не зависит. Но это

не верно. У Бога с человеком сотрудничество, а не монархия. Сотрудничество — это когда у Бога свои обязанности перед человеком, а у человека перед Богом свои обязательства. Даже существует письменный договор с Богом — это Евангелие, Тора, Коран и т.д.

Мир находится в подчинении у Бога, как войска у главнокомандующего. Когда человек это понимает, он других людей в своей жизни воспринимает как посланников Бога и считает частью своих обязательств вести себя достойно, как бы повел себя Бог. А как себя ведет Бог? Он выполняет долг. **Поэтому и человека приближает к Богу только выполнение долга, поскольку оно бесконечно, как бесконечен Бог.**

Всегда существует определенный характер отношений между Богом и человеком, Богом и этим миром. Если человек не понимает характер этих отношений, ему весь мир кажется загадкой, потому что именно из взаимоотношений с Богом проистекает закон. Если взаимоотношений с Богом нет — нет и закона, по которому человек живет.

«В Талмуде приводится спор мудрецов: "Что лучше: родиться или вовсе не появляться на свет?" Руководствуясь человеческой логикой, Талмуд приходит к выводу, что душе, безусловно, было бы лучше остаться со Всевышним. Не менее резко звучат слова трактата «Пиркей Авод» («Почтения отцов»): "Не по своей воле ты зачат и родился, и не

по своей воле живешь, и не по своей воле умрешь».

Фрагмент книги Адина Эвен-Израэля Штейнзальца «Мой Ребе»

Кто-то может возразить, ссылаясь на некие принятые постулаты и инсинуации на тему древней веры, которые наблюдались исторически в разные эпохи и чаще всего исходили от представителей христианства, вроде того, что еврейский закон – плохой, а христианский – хороший. Давайте разберемся объективно, куда людей приводит христианский закон.

Согласно общепринятому мнению, подавляющей религией в мире является христианство. При этом, принято считать, что она как бы самая миролюбивая, самая милосердная, исповедующая такие заповеди как «любите врагов своих», «благословляйте проклинающих вас», «благоволите ненавидящих вас» и прочее. Но так ли это на самом деле?

Наиболее точно о нынешнем христианстве написал, а также самолично спел Михаил Танич (к слову, еврей по происхождению) на праздновании своего 65-летия в присутствии практически всего состава правительства. С моей точки зрения, это самая лучшая песня о современной христианской религии, которая существует.

Я ПОНИМАЮ

(Михаил Танич)

Я понимаю, жизнь не удалась и нету дней на переподготовку.

Я понимаю, жизнь не удалась, так что же мне теперь идти в ментовку?

Я понимаю, я понимаю, я понимаю, надо всех любить,

я понимаю, я понимаю, мне вас осталось в этом убедить.

Я понимаю, выжить не вопрос: мы все за жизнь цепляемся зубами.

Всё это так, но я же не Христос и всех не накормлю пятью хлебами.

Я понимаю, я понимаю, я понимаю, надо всех любить,

я понимаю, я понимаю, мне вас осталось

в этом убедить.

Я понимаю, надо всех любить, но человек, он маленький, как атом.

Кончается желание лучше быть, а противоположным результатом.

Я понимаю, я понимаю, я понимаю, надо всех любить,

я понимаю, я понимаю, мне вас осталось в этом убедить.

Я понимаю, я понимаю, я понимаю, надо всех любить,

я понимаю, я понимаю, мне вас осталось в этом убедить,

Я понимаю, я понимаю, мне вас осталось в этом убедить.

В припеве песни поется: «Я понимаю, надо всех любить». И христианский человек, в принципе, со всей божественной любовью на это согласен. Но ему также нужно и других в этом убедить, что вести себя следует точно так же. А если убедить в этом необходимо будет толпу, тогда как? То есть представители современной христианской религии требуют к себе такого отношения – «...надо всех любить», при этом сами считают, что могут вести себя по отношению к другим как угодно. Проблема заключается в том, что нет никакого **закона одного для всех, поэтому каждый как хочет, так и «любит».**

Еще в одной строчке говорится: «Кончается желание лучше быть, а противоположным результатом». Почему так? В свое время мне рассказали историю про одного знаменитого раввина. К сожалению, не помню его фамилию. Так вот как-то раз этот раввин шел по коридору общеобразовательной школы мимо нескольких учеников, и вдруг услышал, как один еврейский парень назвал другого еврейского парня по прозвищу. Раввин взял за руку того парня, который другого назвал по прозвищу, и сказал ему: «Ты никогда не задумывался почему нормальные люди друг другу клички не дают и по кличкам не обращаются?» Ученик попытался объяснить, что не хотел этого делать, на что раввин ему ответил: «Знаешь, я тебе скажу так: очень возможно, что очень скоро ты предстанешь перед Всевышним, и вот там тебе объясняться, что ты знал, а чего не знал – будет крайне

затруднительно». С тех пор того ученика раввин больше не видел и не слышал.

Таким образом, **жизнь по закону и определяет богоизбранность.** Человек может, конечно, не соблюдать закон – это его личный выбор, но в таком случае пусть не сетует на жизнь и ничего не требует от Бога. Чего ныть, что в жизни происходит все не так, как хотелось бы, если нет желания закон соблюдать? Можно в любой момент прекратить все страдания и начать жить по закону.

Поэтому христианская мораль на тему «любите врагов своих» – это очень глубокая философская идеология, которая звучит очень красиво, но практически невыполнима. Исторические события тому подтверждение. Например, когда студент-эсер Иван Каляев взорвал московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, его задержали, а 7 февраля 1905 года директор Департамента полиции Алексей Лопухин по инициативе вдовы великого князя Елизаветы Фёдоровны организовал ей встречу с Каляевым. Великая княгиня в тюрьме передала ему прощение от имени Сергея Александровича и оставила ему Евангелие. Более того, она подала прошение императору Николаю II о помиловании террориста, но оно

не было удовлетворено.

В тот же вечер, описание визита великой княгини, было передано в газеты через Российское телеграфное агентство. Каляев так оценивал это посещение:

«Правительство решило не только убить меня, но и скомпрометировать... показать, что революционер, отнявший жизнь у другого человека, сам боится смерти и готов... [любой ценой] купить себе дарование жизни и смягчение наказания. Именно с этой целью Департамент Полиции подослал ко мне вдову убитого».

Из книги Беренштам В. В. «В боях политических защит», 1925.

Каляев, чтобы иметь возможность ещё раз защищать дело своей партии, подавал кассационную жалобу. Протест этот был отклонён Сенатом. Император Николай II, узнав, что кассационная жалоба отклонена, дал секретное указание директору Департамента полиции Сергею Коваленскому добиться у Каляева прощения о помиловании. Тот командировал в Шлиссельбургскую крепость товарищу прокурору Санкт-Петербургского суда Фёдорову, с которым Каляев был знаком по Московскому университету, но Фёдоров не смог убедить Каляева обратиться с прошением о помиловании.

Иван Платонович Каляев

Пётр Столыпин

Дмитрий Богров

Уже будучи приговоренным к повешению после речи на суде, в которой он выступил обвинителем тех, кто его судил, Каляев заявил: «Я считаю свою смерть последним протестом против мира крови и слез». Ранее он писал: «С тех пор как я попал за решетку, у меня не было ни одной минуты желания как-нибудь сохранить жизнь».

В день казни в Шлиссельбургскую крепость поступила телеграмма — выяснить, не подаст ли Каляев прошения на Высочайшее имя о помиловании. Комендант около часа уговаривал Каляева написать такое прошение, но тот отказывался. После этого поступила вторая телеграмма от Великой Княгини Елизаветы Федоровны, которая настаивала, чтобы прошение было написано, и ручалась, что оно будет удовлетворено. Комендант не захотел второй раз идти к Каляеву, и отправил к нему ротмистра В. В. Парфенова, которому Каляев ответил:

«Вы поймите меня. Всю свою жизнь и душу я посвятил служению революционному делу, мой террористический акт был результатом этой работы <...> Вы мне предлагаете подать прошение о помиловании, то есть попросить прощение за содеянное, то есть раскаяться. На мой взгляд, этим актом я уничтожу весь смысл моего терро-

ристического выступления и обращу его из идейного в обыкновенное уголовное убийство, а потому бросим всякий разговор о помиловании».

Фрагмент «Судьба жандарма. Воспоминания ротмистра В. В. Парфёнова о службе в Шлиссельбургской крепости. Часть 3. Шлиссельбургские казни».

То есть государи, князья и руководящая верхушка Российской империи искренне не понимали, почему в них бросили бомбу.

Еще один пример: 14 сентября 1911 года на председателя Совета министров и министра внутренних дел Российской империи Петра Столыпина было совершено покушение в городском театре Киева. В него стрелял из Browning в упор секретный сотрудник Охранного отделения Дмитрий Богров. От полученных ран Столыпин скончался спустя несколько дней.

К слову, покушения на государственных деятелей в Российской империи в начале XX века стали обычным явлением. Двое предшественников Столыпина на посту министра внутренних дел — Дмитрий Сипягин и Вячеслав фон Плеве — также были убиты эсерами. На самого Столыпина было совершено до этого десять сорвавшихся покушений, причем четыре приходились

еще на годы его губернаторства, и он также искренне не понимал за что его хотят убить, что он такого плохого сделал. Ведь он просто честно служил государю императору... Таким образом руководящая верхушка Российской империи искренне не понимала, за что в них стреляют, за что их взрывают. А точнее не желали смотреть правде в глаза. Ведь хоть у одного человека должно было в голове что-то «щелкнуть» после череды покушений и убийств высокопоставленных личностей, по какой причине это происходит.

Любой закон требует понимания, невозможно соблюдать законы не понимая их. И поскольку заповеди проистекают из закона, они обычно пишутся для тех, кто неспособен понять закон. Приведу пример из юриспруденции: не все люди могут разобраться в законе самостоятельно, именно по этой причине пишутся разные подзаконные акты и инструкции. Божественный закон должен быть человеку понятен, потому что он простой. Отношения Бога и человека — сложные, а вот закон божественный самый простой.

В свое время один человек меня спросил: «Как правильно поступать?», на что в ответ услышал: «Если у тебя совесть есть хоть какая-то, вот живи по совести — и будет все правильно». Как говорили мудрецы, «все примеряй на себя». Не хочешь, чтобы с тобой поступали плохо — и ты не поступай так с другими. Потому что закон четко говорит, что человек за свои злодеяния должен быть наказан в любом случае. Не осужден, а именно наказан!

Проблема христианской церкви заключается именно в осуждении, а это значит, что людям изначально не понятно, что хорошо, а что плохо. Поэтому сначала нужно убедить всех, что человек виновен, а только потом ему отрубить голову. Еврейский закон не предполагает процедуру осуждения как таковую, потому что всем все известно заранее. К примеру, что полицейским делать с преступником, который убил 50 человек или заложил бомбу (как с примером в Израиле 1 июня 2001 года, когда террорист-смертник из организации ХАМАС взорвал себя в толпе у входа в клуб

«Долфи» на набережной Тель-Авива, когда погибли 21 человек и еще 120 было ранено), известно заранее, поэтому в таких ситуациях они стреляют на поражение. Поэтому, если человек не хочет, чтобы к нему относились как к преступнику, не нужно совершать преступлений — необходимо соблюдать закон.

Любой еврей, соблюдающий закон, не просто имеет право наказать такого преступника, а обязан сделать это без суда и следствия, потому что для еврея, все преступления — очевидны. **Человек получит не то, чего хочет, а то, что заслуживает — это еврейский подход.** А вот христианский закон, требует тысячи реверансов, постановочного шоу, прежде чем преступник окажется на гильотине, что порождает безнаказанность. В этом **кроется огромная проблема современной цивилизации — в безнаказанности, именно она порождает постоянное стремление к мышлению о справедливости и несправедливости.**

Вот если бы, когда человек совершил неправильный поступок и ему все на это сказали бы: «как ты себя ведешь?! Это не по закону! Будь любезен, на первый раз, к примеру, сделай десять отжиманий. И пока будешь отжиматься, подумай над своим поведением! Если еще раз так поступишь — более суровое наказание тебе придумаем», то многое было бы по-другому. Но у христианской идеологии подход другой — «докажите, что это я сделал», «не пойман — не вор» и т.д.

В обществе людей, живущих по закону, никто и доказывать ничего не будет. Яркий и наглядный тому пример — сцена из фильма «Ликвидация» с одним из главных героев Давидом Марковичем

Гоцманом, когда он сказал одному из персонажей о том, что «ему и доказывать ничего не придется! Есть приказ Жукова за те стволы расстреливать на месте», поэтому быстро «Саня, сам не знаю» все рассказал Гоцману, видя перспективу того, что никто ничего выяснять с ним не будет, просто разберутся на месте, как положено, и все на этом. **Поэтому, когда все живут по одним и тем же законам, никому ничего доказывать не нужно, и мир становится простым и незатейливым.**

Рассмотрим еще несколько примеров жизни по закону, чтобы было понятнее, как это работает. **Ни один еврей не может отказать другому еврею в помощи**, что значит «помоги, чем можешь брату своему, если он нуждается в помощи». Как видите, очень простой и понятный закон.

Сравним этот закон, например, с какой-то христианской моралью и сразу столкнемся с проблемой, что каждая из христианских идеологий требует двадцатикратного проникновения, обдумывания, на которое не способен ни один христианский адепт. Например, «не убий» — это очень опасная категория. За всю историю существования этой религии христиане поколениями убивали людей и почему-то никто не вспоминал про «не убий».

Возьмем, к примеру, американский штат Техас. Там живут невероятно вежливые люди по причине того, что у всех на поясе есть пистолеты. Грубить человеку с оружием на поясе ни у кого не возникает желания. Это напоминает сцену из фильма «Всадник без головы», где главный герой Зеб Стэмп говорит:

«Эй, парень! Если ты затянешь эту петлю, то получишь свинцовую пулю в живот! И вряд ли её переваришь... Что за ерунду вы затеяли, ребята? Вы слишком много на себя берёте».

Как результат, в штате практически нет преступлений, хотя Техас — не самое благополучное место на Земле, но при этом очень цивилизованное. Жители очень гордятся своей техасской цивилизацией, что они до-

бились в своем обществе неких подвижек относительно другого общества американского. Более того, они готовы в любой момент отсоединиться от США, поскольку все — от системы управления до культуры воспитания в обществе. А это, к слову, испанская еврейская культура, в которой человек имеет право не только носить оружие, но и применять его, когда посчитает необходимым — для защиты себя, своего достоинства, своей семьи и своих детей, не дожидаясь пока приедет полиция. В Техасе принято поступать по принципу «мы уже полиции передадим результат, она пусть с ним разбирается» — это считается цивилизованным.

И другой пример, что творилось в Америке, когда люди с черным цветом кожи ходили по домам, грабили и воровали, когда общественное движение «Жизни черных имеют значение» («Black Lives Matter») набрало такой размах, что никто с ними ничего не мог сделать. Именно так выглядит отражение христианской цивилизации, ведь она говорит: «Бог велел делиться».

Рассмотрим еще один пример. **Почему люди чаще всего обращались за решением вопросов к бандитам, а не в правоохранительные органы?** Потому что, как показывала практика, правоохранительные органы во многих ситуациях ничего сделать не могли. В отличие от них, бандитская

криминальная русская традиция — еврейская и крайне эффективная. Обращаясь в полицию или в криминальные структуры, человек выбирает закон, по которому потом его будут судить. Разница в скорости правосудия. Все, кто когда-либо встречался с одним и со вторым законом, говорили, что по старому закону (по криминальному) в десять раз больше порядка, чем по гражданскому. При том, что речь идет уже о веками ретрансформированном и интретретированном еврейском законе. Как только он пропал — воры «в законе» тоже исчезли. Именно они были хранителями воровского закона. А раз закона нет, хранители исчезли — все развалилось.

Даже эти простые сравнения четко показывают, что богоизбранность — не в рождении человека от еврейских родителей, не в еврейской фамилии. Она заключена в трех компонентах: **в соблюдении закона, организации условий для собственного развития и построения взаимоотношений между собой и Богом.** К сожалению, большинству людей совершенно непонятно, что еврейская культура — это отражение закона.

Еврейская культура — это определенная среда, и она символична. Как наука происходит из применения инструментов, так культура проистекает из суммы символов соблюдения закона.

С моей точки зрения, **культура — это всегда отражение образа жизни конкретного народа.** Следовательно, культура человека — это отражение его образа жизни. Поэтому в свое время 7-му Любавичскому Ребе приходилось много разъяснять, консультировать, писать труды и книги с комментариями, упрощать знания настолько,

чтобы они стали понятны большинству хасидов в движении Хабада.

«Ребе был убежден, что все человечество должно работать над тем, чтобы делать мир лучше. Поэтому он ожидал высочайших нравственных стандартов и достойного поведения как от отдельных людей, так и от целых народов».

Согласно еврейской традиции, помимо заповедей, предназначенных только для евреев, существует 7 универсальных принципов, касающихся всего человечества. Эти законы были даны Ноаху после Потопа и содержат следующие запреты: поклонение идолам; богохульство; убийство; грабежи; развраты, прелюбодеяния и инцесты; поедание мяса убитого животного; угнетение и беззаконие.

У каждого народа должны быть законы, полиция и судебная система, следящая за соблюдением остальных законов. Эти предписания обязательны и для евреев, и для не-евреев.

Согласно Талмуду, у праведников всех народов есть удел в мире грядущем. В последние годы Ребе возвращался к данной теме снова и снова. Он был убежден, что эти законы смогут изменить мир. Ребе приводил слова Маймонида, утверждавшего, что евреи обязаны следить за соблюдением всеобщих законов. Миссия, ради которой еврейский народ был избран — исправить мир и привести его под власть Творца. Ребе чувствовал, что до тех пор, пока не настали мессинские времена, эти всеобщие идеалы являются лучшим способом изменить культуру и общество».

Фрагменты книги Адина Эвен-Израэля Штейнзальца «Мой Ребе».

Шнеерсону будучи высокоподготовленным, образованным человеком, получившим как религиозное, так и светское образование, обладающему глубокими познаниями, как

в области философии, инженерии и корабельной инженерии, так и в области иудаизма, хасидизма и других еврейских знаний, после многочисленных обращений хасидов пришлось стать Ребе и принять на себя руководство Хабадом, после чего не оставалось другого выхода, кроме как искать новые подходы к обучению многочисленных последователей, которые «свалились ему на голову» и обладали уже более низким уровнем понимания еврейских законов. Шнеерсон прекрасно справился с этой задачей. К слову, 8-го Любавического Ребе так и не появилось после его смерти.

Подводя итог статьи о единстве как одном из ключевых факторов богоизбранности,

необходимо сказать, что **евреев объединяет одинаковое понимание закона, его соблюдение и жизнь в культуре, которая является отражением этого закона.** Причем ключевым здесь является — **«одинаковое понимание»:** если два еврея по-разному понимают закон — значит, они оба его не знают.

Как я уже упоминал ранее, у евреев закон — простой, отношения с Богом — сложные. У христианства наоборот: законы, заповеди или их учение — сложные, а отношения с Богом простые («Бог есть любовь»). Безусловно, может оно так и есть, что Бог есть любовь, но только что христианству об этой любви известно? Потому что вера еврея проистекает из знаний, а вера христианина — из допущений. Поэтому еврейский закон не создает «мутной воды», как это делает христианский закон. Христианство — это просто более низкого уровня цивилизация, некая степень деградации.

Единовременно на Земле существуют люди разных цивилизаций. Представители более высокой цивилизации ведут себя снисходительно по отношению к людям из более низкой цивилизации, а вот поведение людей из более низкой цивилизации, которые попали в более высокую цивилизацию, пронизано страхом. И сегодняшние раввины, которые по любому вопросу бегают по кабинету в поисках нужной книги, чтобы ответить на какой-то вопрос — это тоже деградация. Потому что в еврейской доктрине европейского мистицизма все ответы на вопросы известны заранее.

У каждого человека от рождения есть естественный способ познания и естественный способ тренировки, которые определяют его предрасположенность к тому или иному роду деятельности. Но не стоит считать, что все остальное, к чему у человека нет предрасположенности, он не сможет освоить. У всех людей есть огромный потенциал, который можно реализовывать, повышая свой уровень знаний и подготовки, обретая новые способности и навыки. Реализация данного потенциала и является **взаимоотношениями человека с Богом.**

